

Кубанская ассоциация
«Региональный фестиваль казачьей культуры»
Отдел славянской культуры
Адыгейского республиканского института
гуманитарных исследований им. Т. Керашева

ВОПРОСЫ КАЗАЧЬЕЙ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

Выпуск 5

Майкоп
ООО «Качество»
2010

УДК 316.35.023.6(470.6)(091)(082)
ББК 6.3(235.7)
В74

Редакторы-составители:

М.Е. Галецкий, кандидат социологических наук,

Н.Н. Денисова, кандидат исторических наук,

А.Ю. Муляр, кандидат социологических наук

В74 Вопросы казачьей истории и культуры : Выпуск 5 /
ред.-сост.: М.Е. Галецкий, Н.Н. Денисова, А.Ю. Муляр ; Кубанская
ассоциация «Региональный фестиваль казачьей культуры» ; Отдел
славянской культуры Адыгейского республиканского института
гуманитарных исследований им. Т. Керашева. – Майкоп : ООО
«Качество», 2010. – 124 с.
ISBN 978-5-9703-0260-6

В 5 выпуске сборника представлены материалы научно-практической конференции «История, современное состояние, перспективы развития культуры Российского казачества», проведенной в рамках XVIII регионального фестиваля казачьей культуры. В статьях освещены проблемы генезиса казачества, истории заселения казаками Северо-Западного Кавказа, взаимодействия с коренными народами, населяющими регион, особенности материальной и духовной культуры, воспитания молодежи в духе казачьих обычаев и традиций.

Сборник адресован широкому кругу читателей, интересующихся историей родного края.

УДК 316.35.023.6(470.6)(091)(082)
ББК 6.3(235.7)

ISBN 978-5-9703-0260-6

© Галецкий М.Е., Денисова Н.Н., Муляр А.Ю.,
составление, 2010

© Кубанская ассоциация «Региональный фести-
валь казачьей культуры», 2010

© Оформление. ООО «Качество», 2010

СОДЕРЖАНИЕ

Салов Е.И. О некоторых традиционных образах кубанского казачьего фольклора	5
Галецкий М.Е. 18 фестивалей: уроки прошлого, прогнозы на будущее (анализ социальной значимости)	10
Сопов А.В. Стереотипы и заблуждения в отношении казачества	14
Голованова С.А. Образ жизни казачества: социокультурные характеристики	24
Куква Е.С. Этнокультурная идентичность казачества России	28
Мальцев В.Н. Казачество Северного Кавказа в системе российской власти в конце XVIII – первой половине XIX вв.	33
Матвеев О.В. Забытый эпизод сотrudничества казаков и горцев	41
Бурькина Л.В. П.П. Короленко о российской колонизации Северо-Западного Кавказа	55
Гобечия З.А. Расказачивание и раскулачивание казаков в 20-е гг. XX в. (на примерах Майкопского отдела)	59
Великая Н.Н. Церковные приходы на Тереке в дореволюционный период	70
Зудин А.И. К вопросу о специфике старообрядчества в Кубанском казачьем войске	75
Иеродиакон Иаков. О роли казачества в создании Свято-Михайловского монастыря как духовного форпоста на Северном Кавказе	81
Васильев И.Ю. Регалии и знамена в системе ценностей кубанских казаков	85
Скворцова О.Ю. Музей традиционных народных ремесел Кубани (из опыта создания архитектурно-этнографического комплекса пос. Мезмай, Апшеронский район)	88
Тхамокова И.Х. Традиционная пища в современной свадебной обрядности казачества КБР	93
Баранкевич И.А. Традиционный женский головной убор в семейной обрядности казачеств Юга России	99

Сергеева П.А. Академизм и специфика исполнительской манеры пения народно-песенного фольклора	105
Медведева В.Н. Использование национальных традиций и обрядов кубанского казачества в музыкальном воспитании школьников	110
Луганская Г.Б. Сохранение песенных традиций казачества в ансамбле «Кубаночка»	115
Сведения об авторах	122

О НЕКОТОРЫХ ТРАДИЦИОННЫХ ОБРАЗАХ КУБАНСКОГО КАЗАЧЬЕГО ФОЛЬКЛОРА

Уважаемые участники конференции! От имени профильного парламентского комитета приветствую вас и поздравляю с продолжением заинтересованного обсуждения проблем казачьей истории и культуры. Радует рост числа участников конференции: втрое больше, чем в прошлом году. Есть надежда, что научные и краеведческие силы приближаются к реализации высказанной здесь идеи о коллективной монографии, представляющей современный взгляд на историю, культуру и перспективы южнороссийского казачества. Желаю всем успеха в деле, которому вы увлеченно и результативно служите.

Позвольте перейти к не претендующим на бесспорность тезисам о некоторых традиционных образах казачьего фольклора на Кубани.

Он и сам по себе давняя традиция. Вопреки тому, что есть исследователи, утверждающие обратное, полагая, что двести лет пребывания на Кубани – небольшой, по меркам истории фольклора, срок, чтобы создать развитый пучок его основных жанров и образов. С этим трудно согласиться уже потому, что традиция казачьего фольклора пришла на Кубань вместе с казаками-черноморцами. А также потому, что факты, воплощенные в его произведениях, говорят об обратном. Достаточно вспомнить переизданные в наше время сборники песен черноморских и линейных казаков, записанных в конце XIX в. А. Бигдаем, книгу народных поговорок, припевок, шуток и сказок А. Пивня «Торба смеха и мешок хохота», впервые вышедшую в начале XX в., «Кубанские плясовые припевки», собранные И. Бойко, «Кубанские сказы» В. Попова или «Казачий кобзарь» И. Вараввы, чтобы убедиться в обратном. А именно: на Кубани сохраняется неизбывная традиция казачьего фольклора, в том числе – эпического свойства. Она живет в народе, оставаясь родниковой частью его духовного бытия. И развивается как в творчестве природных стихотворцев, певцов, сказочниц и острословов, так и профессиональных писателей, поэтов, художественных коллективов. Таких, как Кубанский казачий хор, творческое объединение «Криница» – в Краснодаре и народных, подобных ансамбле «Казачата» и творческому объединению «Звонница» – в Майкопе, «Кубаночка» в пос. Тимирязево Майкопского района, хор «Казачья песня» Гончарского хуторского казачьего общества Гиангинского района и других.

Те, кто работает с живую материей казачьего фольклора, без труда назовут его традиционные образы. Прежде всего, это сам казак – воин,

мужественный страж родной земли. Образ, идущий, по меньшей мере, от былин древнекиевского цикла, где старого казака Илью Муромца зовут атаманом, Добрыню Никитича – податаманьем, Алешу Поповича – есаулом. В какой-то мере ответ тем, кто отрицает возможность казачьего эпоса. Былины, может быть, содержат его отголоски?

Они записаны не у жителей степного Поднепровья, а на Русском Севере. Хотя географически и исторически казачьи определения в киевском цикле привязаны к земле, откуда вышло на арену истории запорожское казачество. Но ссылка на былинное упоминание о «старом казаке» Илье Муромце – все же не утверждение, что в X в. на Руси было казачество. А констатация, что в фольклоре, отразившем то время, встречаются казачьи образы. А когда и почему возникли и свидетельствуют ли о реальном, а не фольклорном факте, или это результат поздней вставки – вопросы открытые. Ответа на них данный обзор не предполагает.

В связи с вопросом о казачьем эпосе представляют интерес, наряду с его следом в былинах, народные баллады и думы как жанр устного творчества запорожских казаков. Их традиция не получила заметного развития на кубанской родине черноморцев. Возможно, в силу радикальной смены местообитания и экстремальных затрат творческой энергии на вживание в новую среду. И все же в устной традиции отголоски героических баллад и дум какое-то время сохранились на Кубани. В детстве приходилось слышать их в пересказах Агриппины Андреевны Гарькуша-Латуш (урожденной Колесниковой) и Кузьмы Леонтьевича Гарькуши из станицы Копанской Ейского района. Позже знакомые сюжеты встретил в книге «Баллады» из серии «Народное творчество» на украинском языке [1].

Со временем народное представление о казаке – первом на Руси пограничнике – дополнилось. По меньшей мере, с конца XVII в. он уже не только воин, но и земледелец. Не исключено, что эта фольклорная традиция идет из глубин степной и лесостепной скифской истории, когда соседствовали царские скифы – бесспорные воины-всадники и скифы-пахари, или сколоты, они же – борисфениты, в которых академик Б. Рыбаков видел предков восточных славян [2].

Фольклор, выросший из целостной традиции мифа, несмотря на последующую жанровую дифференциацию, оказался образным средоточием народной истории, философии, этики и, конечно, эстетического чувства. Разумеется, в случае с историей – это не информация в научном смысле, а художественная форма народной памяти, в которой сохраняется код образно-эстетического и нравственного познания исторического процесса-бытия, его существенных звеньев, а в некоторых случаях – и реальных исторических фактов и лиц.

Образом, неотделимым от фольклорного представления о казаке, остается его верный конь. Это емкий образ с глубинной исторической

традицией. В науке получил признание вывод, что впервые лошадь была приручена индоевропейцами здесь, в причерноморских степях [3]. А затем распространилась по Евразии. Древнегреческое название р. Кубань – Гипанис, или – Конская [4]. То же название носил в древности Южный Буг [5]. Гидронимы косвенно подкрепляют факт первоприручения лошади в Причерноморье – на родине южнорусского казачества. Здесь следует возражение, что не все казаки были конниками: в Запорожской Сечи большая часть войска оставалась пешей, а в Кубанском войске славились казаки-пластуны, своего рода казачий спецназ. Но здесь речь о фольклорном факте. В устном народном творчестве казак зачастую всадник. К тому же, нет правил, в том числе – социокультурных, без исключения. А любое простое объяснение обманчиво или, по меньшей мере, неполно. Исторические предшественники казачества как вольного братства, основанного на отношениях военной демократии, были, скорее всего, конниками. Во всяком случае, ядро этой своеобразной филы составляли всадники. Вопрос, видимо, не в числе, а в значимой роли конницы, ее мобильности и соответствии широким степным просторам. Можно вспомнить о других сообществах, где всадничество играло особую роль: греческих катафрактариях (тяжело вооруженных конниках), скифских гипотоксотях (легкой кавалерии), римских всадниках, варяжских конунгах и русских князьях с конными дружинами.

Еще одной духовно-образной характеристикой казачества, в том числе кубанского, остается православная вера. С учетом того, что, по мнению зарубежных социологов, «преданность русских Православной церкви объясняется скорее чувством культурной и национальной идентичности». Респектабельная «Таймс» (Великобритания) отмечает, что 82% россиян называют себя православными, но лишь 42% верующими. Зато 50% неверующих и 42% атеистов именуют себя православными [6]. Эта характеристика не вполне точна в случае с кубанским казачеством, где православная вера доминирует в собственно религиозном смысле, при высокой степени религиозной толерантности казаков. Знаменательно, что движение христианства по землям исторической России начиналось с Причерноморья, куда согласно традиции явился с духовной миссией Андрей Первозванный. Символично греческое имя Первосвятителя – Мужественный. Таким же был традиционный образ кубанского казака. И сегодня звучит:

*Хай живэ, хай живэ вира православна,
Хай живут, хай живут наши козаксы.*

Песню поют на Украине запорожские казаки, а в России – кубанские. Или другая, сугобо кубанская: «Казак без веры – не казак». На это следует возражение, что не все казаки были православными. Встречались староверы, буддисты, католики и мусульмане. С этим спорю нет.

Только речь о фольклорном отражении веры, преобладающей в казацкой среде, как духовном факте культуры. Кроме того, не совсем верно, с научной точки зрения, отказывать старообрядчеству в древнеправославной традиции. Хотя официальная православная церковь и не склонна считать старообрядцев единоверцами. Но это вопрос церковных отношений, а не научного определения. С 1054 г., когда произошел раскол христианства на восточную и западную ветви, русское христианство продолжало развиваться в русле византийского православия. И после раскола 60-х гг. XVII в. старообрядцы, к которым принадлежали казаки-некрасовцы, продолжали считать себя православными. Об этом во время встречи автора с общиной казаков-липован (потомки некрасовцев) в 2000 г. в Румынии говорили их лидеры, подчеркивая, что за неимением своего храма в Бухаресте они посещают болгарскую православную церковь, там, в отличие от румынских православных храмов, богослужение на родном, старославянском. Возможно, в случае с казаками-староверами нет основания отказывать им в православной традиции? Представители же других конфессий в среде казачества – скорее исключение, подтверждающее правило традиционной веротерпимости казаков, а также их соседей. По слову митрополита Екатеринодарского и Кубанского Исидора: «С самого начала церковь стала той опорой, которая служила возрождению казачества. Когда казаки вернули православие на Кубань, а в новейшее время православие вдохнуло новую жизнь в казачество. Для казацкой молодежи, надеюсь, это уже неотъемлемая часть жизни» [7].

Другие образы, близкие и дорогие казаку, «ридный край», «мыла станыця», «ридна хата», «ридна маты», «ридный батько», «жинка та малые диты» – все те, кто олицетворяет казачий род, без кого жизнь, мирный труд на земле и ратный – на поле сечи, потеряли бы смысл. Это живой мир казака, его земная радость и счастье. С ним связано казачье представление о любви. «Кохана дивчина» и «казак бравый, молодой» – образы разом лирические и драматические, связанные с вмешательством злых сил, способных загубить светлое чувство. В образной коллизии отразились казачьи представления о трагической стороне любви. В одном случае, обусловленной социальными причинами, в другом – внешней враждебной волей. Из этого ряда песня черноморских казаков «Мисяць на неби, зироньки сяють». Лирические песни о любви дополняются оттенками легкой иронии:

*А одна дивчина
Та й прэчарувала,
Несолоной рыбки
Вэчерять давала.
Вэчеряй, вэчеряй,
Та й нэ сумнивайся,*

*Як нэмае жинкы,
Зи мною кохайся.*

Иногда эта тема в песнях обострялась до беспощадного юмора. Обращаясь к незадачливому жениху, казачка из станицы Копанской пела:

*Як ты мышэй бошься –
На воротах повисся.
В тэбэ батька лыхый,
Та нэдобрый такый,
Цур тоби пэк.*

Столь же немилостив казачий юмор к ледащим (лодырьковатым) и недотепам:

- Чого ты плачешь?*
- Батько вмэр.*
- Од чого?*
- З голоду.*
- Хиба ж хлиба нэ було?*
- Та ни, хлиб був, та ножа нэ було – видризати!*

Фольклорная природа является в исконных казачьих фамилиях, что проносят сквозь века пронзительно точные личные и родовые характеристики тех, кто составлял Запорожское, а потом Черноморское и Кубанское казачье войско. Видьма, Гарькуша, Дереза, Дранный, Загреба, Качан, Кривонис, Косогрива, Кырпатый (курносый). Малохатка, Опара, Совына Смерть, Сало... Фантазия здесь, как и реальность, бесконечна. Значительный пласт казачьих фамилий, сохранившихся на Кубани, означал принадлежность их родоначальников к определенной профессии: Бондарь, Бандура, Вивчарь, Коваль, Латуш (видимо, латник – тот, кто изготовлял латы), Ткач, Шаповал, Швець.

Свой вклад в казачий фольклор Кубани внесли линейные казаки. Один из песенных образов, созданных ими, «Крымористые горы». Под ними понимались кремнистые вершины и склоны, среди которых расположились станицы линейцев. Но их языковое самотворчество оказалось этимологически глубже этого представления. Определение «крымористые» явно тяготеет к топониму «Крым». В нем одновременно присутствуют образы кремня и моря. Если вспомнить, что миф об амазонках упоминает загадочные Кремны (Обрывы), куда прибило корабль с прекрасными воительницами, станет понятнее, с каким берегом идентифицируется их спасение. Это либо обрывистый берег Азовского моря (Меотиды) в районе современного Таганрога, либо каменистые (крымористые) обрывы древнего Крыма (Тавриды). Такую разгадку подсказывает казачья песня

о «крымористых» горах, записанная краеведом Татьяной Безусько в Майкопском районе [8].

Богатство образов казачьего фольклора воплощается в его традиционных жанрах: песне, плясовой припевке, поговорке, пословице, сказке, балладе, думе, сказе, легенде, были, анекдоте, казацких фамилиях и топонимах. Иных жанров за более чем 200-летнюю историю Черноморского, а затем Кубанского казачьего войска не создано. И это естественно. Иначе они не были бы традиционными. Другой вопрос, что их тематика, сохраняя традицию, расширилась, включила в себя мотивы героических и жертвенных событий XIX и XX вв. Менялось и содержание традиционных фольклорных форм. Однако, ключевые образы казацкого бытия и духа продолжали сохраняться, сопрягая с художественной традицией новый материал трудовой и ратной жизни. В конечном счете, именно эта народная верность традиции в казачьем мироощущении и родовой памяти, языке, музыке, танце, одежде, быту, укладе семейной жизни, воинской доблести позволила сохранить, вопреки трагическим изломам исторической судьбы, тот своеобразный мир, что называется казачьей культурой.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. *Балади*. Народна творість. Київ, 1987. 319 с.
2. Рыбаков Б.А. Рождение Руси. М., 2004. С. 32–35.
3. Данилова А. Лошади, ослы и индоевропейцы // НГ. 2008. 12 марта. С. 11.
4. Галкин Г.А., Коровин В.И. Родословная реки Кубани // Кубанский краевед. 1992. Вып. 3. С. 177.
5. Агеева Р.А. Происхождение имен рек и озер. М., 1985. С. 83.
6. Они о нас // Российская Федерация сегодня. 2009. № 10. С. 7.
7. Церковь жива во все времена // Вольная Кубань. 2009. 18 июня. С. 6.
8. Безусько Т. Быт и культура казачества Майкопского района. Майкоп, 2001. С. 85.

М.Е. Галецкий

18 ФЕСТИВАЛЕЙ: УРОКИ ПРОШЛОГО, ПРОГНОЗЫ НА БУДУЩЕЕ (анализ социальной значимости)

Не буду перегружать свое сообщение историческими датами и всевозможными фактами, способными дать ту или иную оценку проходящим в течение 18 лет фестивалям казачьей культуры. Сегодня по прошествии лет можно проанализировать прошедшее и невопло-

ценные задумки, которые были у организаторов первого фестиваля, когда начиналась реализация проекта. В самом начале он назывался «Фестиваль казачьей песни».

Во-первых, когда планируются подобные серьезные мероприятия, организаторы исходят из нескольких посылов – что это даст, каков объем дивидендов как политических, так и финансовых. Во-вторых, на начальном этапе повсеместного возрождения казачества фестиваль носил информационно-эйфорический характер: вот оно, казачество, столько лет его губили, а культура казаков, как была, так и осталась! И, само собой, получить оценку людей, реально ощутивших возрождение национального колорита, какой имеется в казачьем фольклоре. И, наконец, важное место занимало то обстоятельство, что фестиваль в традиционном казачьем районе был, с одной стороны, как бы отражением желаний людей ощущать свою причастность к культуре предков, а с другой – отдушиной от того хаоса, который творился, в том числе и в межнациональных отношениях на территории России в постсоветское время. В тот период было тревожно на Северном Кавказе: делили, расходились, предъявляли претензии, что сопровождалось многочисленными жертвами и в прямом, и в переносном смысле.

Анализируя публикации прошлых лет, наталкиваешься на описательское, некое свадебно-констатирующее и, конечно же, неимоверно благостное отношение к фестивалю как самих журналистов, так и людей, с которыми они беседовали. В этой веренице публикаций были и те, которые советовали «вывезти» фестиваль с территории Адыгеи в Ставропольский, Краснодарский края или в Ростовскую область. Но это уже политический аспект оценки фестиваля.

Отвечая на многочисленные вопросы, возникающие у недоброжелателей, можно смело констатировать: фестиваль не стал коммерческим мероприятием. Он не мог и не может быть по природе таковым потому, что в основе его лежит самодеятельное творчество. Если бы он стал таковым, уверен, не преодолел и десятилетие. Как правило, подобные мероприятия, носящие коммерческий характер, заканчивают свою жизнь «на эшафоте» государственной машины – налоговых и регистрирующих органов по причине неспособности перенести давление. Стоит задуматься еще об одном – может ли народное творчество получить достаточные дивиденды для своего существования? Ответ очевиден. Вместо «попсы» звучали народные песни и исполнялись народные танцы. Из сказанного вытекает логический вывод о социальной значимости фестиваля: каждое подобное мероприятие – стимул для развития народного творчества. Именно наличие в рамках фестиваля конкурсной программы позволяет многим коллективам соизмерить свои силы с другими народными ансамблями и хорами и получить оценку профессионального

жюри. На основе наблюдений за эти годы оценки в значительной мере объективны. Особенно это очевидно при определении претендентов для первых призовых мест. А насколько важно предконкурсное переживание для творческого коллектива! Даже если он не попал в число призеров, он профессионально вырос за период подготовки к конкурсу, и особенно выступая перед жюри и такими же, как сам, коллективами. Если учесть, что в значительной степени в самодеятельности участвуют люди пенсионного или же приближающегося к нему возраста и молодежь, то это дает возможность участникам художественной самодеятельности, во-первых, почувствовать свою необходимость в этой жизни, во-вторых, иметь круг общения людей с общими интересами, в-третьих, это и спасение от одиночества и, конечно же, на наш взгляд, что немаловажно – способ самовыражения.

И, наконец, социальная среда в той или иной мере требует постоянного напоминания о том, что есть такой народ – казаки со своим менталитетом, культурным слоем, стремлением и возможностью самоидентификации. Что бы ни говорили о глобализации и ликвидации границ культурного пространства, в определенной ситуации человек остается один на один со своими проблемами, он вспоминает все: и где родился, и кто его родил, и к какому роду и племени принадлежит.

Как известно, самовыразиться можно различными способами, одни, взяв оружие, устанавливают порядки, в основном, по своему понятию: кому что должно принадлежать, став тем самым и судьей, и палачом в одном лице, либо по выходным на майдане, разрывая на груди рубаху, в толпе митингующих заявляют о своих претензиях на жизнь и на все то, что в ней имеется. Но есть и иная форма, которую избирают самодеятельные коллективы: они напоминают о казацком духе и чаяниях своих предков с помощью песен и танцев. И до той поры, пока культура казаков не станет преобладающей в политической стратегии региона, сообщества, само возрождение казачества является весьма проблематичным.

Речь не идет о строгом соблюдении тех традиций, которые некогда были превалирующими в казацкой среде. Но не только элементарные формы защиты от невежества и культурной безграмотности должны быть привиты молодым казакам, в этом процессе должно присутствовать и философское начало. Раньше культурная безграмотность ликвидировалась с помощью опыта предков, неуклонно передаваемого из поколения в поколение. Однако к настоящему времени этот опыт по ряду причин во многом оказался утраченным. Историческую нить прервали репрессивные меры по отношению к казацким семьям. Читать в книгах о традициях казаков и на этой основе предпринимать попытки применять их в быту, на наш взгляд, равносильно тому, чтобы ставить пьесу в заброшенном

сельском клубе по сценарию, написанному даже самым выдающимся сценаристом. В числе причин также и то, что нынешнее поколение не обременено тем набором обязанностей, которые исполняли казаки, служа государству Российскому. Немаловажно и то, что в значительной степени казаки жили плодами своих земельных наделов. Увы, земля после изъятия ее у казаков, и даже когда произошли изменения в стране, уже не принадлежит им и вряд ли будет принадлежать, ибо сменились приоритеты и финансовые возможности самих казаков.

В этой ситуации встает вопрос – куда приложить свои силы и знания? Вопрос, к большому сожалению, остается открытым. Несмотря на то, что утрачена, в некоторой степени, связь времен, однако «содержимое сундуков» и гены напоминают нынешнему поколению казаков о том, кто они есть. И сегодня необходим центр, способный выработать идею, вокруг которой возможно возрождение казачества не на бумаге, а в реальной жизни. Военная и государственная служба – достаточно серьезный вариант для того, чтобы этим заинтересовались казаки. Но вместе с тем, сегодня велико информационное пространство для того, чтобы в казачьих семьях знали и о других профессиях, рассматривали и иную возможность приложения сил и выбирали свой путь в жизни. И если самоидентификация не будет связана с культурой, с бытом и, в особенности, с одеждой казаков, можно предположить, что разговоры о возрождении казачества как слоя славянской культуры окажутся на уровне кухонных разговоров.

Воздействует на возрождение казаков и миграция. И в большей степени причины тому – финансовые проблемы. Миграционные процессы в казачьей среде стали нормой. И только родные, исконно казачьи места усилиями людей, в них проживающих, могут и должны стать основой возрождения казачества. А пока остается ждать, когда в России возникнет потребность в казачестве, в их искреннем желании стать патриотами своего отечества и верно служить ему. Помощь в ускорении этого процесса может оказать активная, целенаправленная работа по возрождению и культивированию ценностей казачьей культуры. В настоящее время планы развития фестиваля предусматривают изменение его статуса и территориальных границ. Этого требует время и стремление представить более многогранную палитру самодельного творчества.

СТЕРЕОТИПЫ И ЗАБЛУЖДЕНИЯ В ОТНОШЕНИИ КАЗАЧЕСТВА

«Казачи – сторожа и завоеватели окраин». Такое определение давал крупнейший историк казачества Ф. Щербина. Он же писал: «Вопрос о происхождении казачества принадлежит к числу тех исторических задач, которые нельзя считать окончательно решенными. Не уяснены ни процессы образования первоначальных форм казачества, ни постепенный ход в их развитии, не установлены ни ближайшие причины, породившие их, ни степень их самостоятельности, не даны ответы на вопросы: кто были творцы этих форм, ставшие во главе своеобразного движения народной массы к автономии и политической свободе? Вопрос о зарождении казачества остается поэтому открытым. Только дальнейшая, заведомо известная жизнь казаков и предшествовавшие ей формы народоправства дают определенные указания по этому вопросу» [1].

По версии историков Кубанской казачьей академии казачество – это, во-первых, культурно-историческая общность, народ; во-вторых, служилое сословие, формируемое тем или иным правительством для своих целей; в-третьих, административно-территориальное образование, экономическая общность всех народов и сословий, проживающих на казачьих землях.

С нашей точки зрения, опираясь на все известные источники, казаков можно классифицировать по следующим группам:

1. *Вольные казаки* – первое упоминание в 1380 г., согласно летописи Донского монастыря, донцы участвовали в Куликовской битве. Согласно Гребенской, Антониевой летописям и преданиям, казаки Донского городка, что был повыше станицы Казанской, преподнесли великому князю Дмитрию перед Куликовской битвой образ Донской Божией матери. Казаки городков Гребни и Сиротина – образ Гребневской Божией матери и участвовали в битве.

2. *Служилые казаки* являлись частью государевых людей. Они верстались из различных сословий. Исторические предшественники – *черные клобуки*. Служилые казаки делились на городских, сторожевых, поместных, реестровых (украинские) и др.

3. *Воровские казаки*. Шайки степных разбойников. Сами выбирали своих атаманов (С. Разин, Е. Пугачев и др.).

4. *«Вольное» казачество Смутного времени*. Его выделяет историк А. Станиславский [2]. Они орудовали чуть ли не по всей России, в их составе преобладали недавние холопы, крестьяне, бедные дворяне. Служили то законной власти, то самозванцам. Боролись с дворянами

за власть в разоренной стране. В отличие от предыдущих групп базой их формирования были не долины рек Северного Причерноморья, Северного Кавказа и Приазовья, а южные и западные районы самой России, охваченной гражданской войной.

С XVI в. известно о существовании групп служилых людей тюркского происхождения на крымско-турецкой службе. Их называли *перекопскими или азовскими казаками* [3]. С этого же времени казаки начинают постоянно использоваться в качестве иррегулярных войск в русской армии, занимая левое крыло в каждом крупном воинском соединении. Иррегулярные казачьи части имели собственное командование – голов, атаманов, сотников – и обычно использовались при наступлении. При первых упоминаниях о казаках называются также севрюки и разбойники-русь. (В 1549 г. – в жалобе ногайских мурз Ивану IV). В источниках того времени встречаются также казаки: курмышские, темниковские, шацкие, пронские, алаторские, воронежские. Их положение и происхождение до конца не известно, но предположительно различно.

У историков, занимавшихся происхождением донских казаков, в течение долгого времени пользовалась популярностью версия о том, что в XV – начале XVI вв. некие рязанские казаки, они же мещерские казаки и они же городецкие казаки, сыграли весьма важную роль в русской колонизации Среднего и Нижнего Подонья вообще и в создании донского казачества в частности. Эту мысль высказал еще В.Н. Татищев [4], в законченном виде изложил С.М. Соловьев [5] и затем повторяли многие вплоть до недавнего времени [6].

Данную версию никто не опровергал. В новейшей литературе она повторяется редко, но не потому, что с нею кто-то не согласен, а лишь потому, что современные историки вообще считают не заслуживающими внимания ранние этапы развития казачества (не только донского). Дело в том, что они видят в развитии казачества, прежде всего, проявление антифеодальной борьбы крестьянства, а в соответствии с этим рассматривают историю казачества только с того момента, когда в казачьи области начинается массовое бегство крестьян из центра России и с Украины, т.е. не ранее чем со второй половины или даже с конца XVI в. Наличие каких-то более ранних групп казаков вообще не исключают, но ими мало интересуются [7]. Мы не отрицаем, что с середины XVI в. антифеодальная борьба действительно играла в истории всех групп казачества очень важную, в ряде случаев определяющую роль, но не считаем, что историкам не следует интересоваться ничем, кроме антифеодальной борьбы.

Рязанские казаки, мещерские казаки и городецкие казаки – это три совершенно различные группы населения, из которых ни одна не имела прямого отношения к истории донского казачества. Их отождествление между собой и с донскими казаками произошло потому,

что историки понимали термин «казак» во всех случаях в каком-нибудь одном смысле, в то время как на самом деле в XV–XVI вв. термин имел несколько существенно различных значений.

Не вдаемся здесь в этимологию слова «казак», имевшего много значений в разные времена и у различных народов и в конце концов попавшего из тюркских языков кыпчакской группы в русский и украинский языки (см. Благова Г.Ф. Исторические взаимоотношения слов «казак» и «казах» // Этнонимы. М., 1970. С. 144–148). Для нас важно, что в XV – первой половине XVI вв. в юго-восточной Руси, по очень многочисленным русским источникам, которых мы не можем здесь перечислить (летописи, дипломатическая переписка и др.), слово «казак» имело в основном два значения.

Во-первых, казаками назывались профессиональные конные воины, приспособленные к действиям в степных условиях, лично свободные, обычно состоявшие в разбойничьих шайках или нанимавшиеся на пограничную военную службу к государствам, граничившим со степной зоной. По-видимому, они в большинстве своем не имели ни хозяйства, ни сколько-нибудь постоянного местожительства. Они не создали никаких более организованных групп, чем разбойничьи шайки. Такие казаки были наиболее многочисленны в первой половине XVI в. на территории бывшей Большой Орды западнее Волги (восточнее Волги территории заняли заволжские ногайцы). Политический вакуум, существовавший там в течение первой половины XVI в. после разгрома войска Шейх-Ахмеда, был весьма удобен для развития паразитического бродяжничества и разбойничества. Заметим только, что политический вакуум не означал вакуума демографического, наоборот, существование разбойничавших казаков показывает, что было там и какое-то постоянное трудящееся население, за счет которого эти разбойники кормились так или иначе – путем ли просто грабежа или путем какой-то более регулярной его эксплуатации, ибо одним грабежом купеческих и посольских караванов кормиться невозможно. Кстати, и предшествующее двадцатилетнее существование войска «Ахматовых детей» на этой территории тоже свидетельствует о том, что она была не пуста.

Не видим никаких оснований считать, что казаки – разбойники и наемники – с самого начала, еще в XV в. формировались целиком или хотя бы большей частью из беглых крестьян. Более вероятно, что их первоначальное ядро составили остатки войска Шейх-Ахмеда, которое во время своей затянувшейся агонии постепенно разбегалось, порождая группы бездомных бродяг, не имевших возможности вернуться на свои заволжские кочевья, захваченные ногайцами. Впоследствии этнический состав этих казаков был, по-видимому, весьма пестрым, но среди их военачальников, судя по некоторым известным именам, было много татар. Бродячие наемники-разбойники тяготели

к некоторым городам на окраинах своего ареала, особенно к турецкому Азову и к московскому Мещерскому Городку (впоследствии Касимову), где они сбывали награбленное и приобретали оружие и боеприпасы. При Иване IV они активно участвовали в качестве наемников в завоевании московскими войсками Среднего и Нижнего Поволжья, а затем постепенно сошли со сцены, прежде всего вследствие укрепления государственной власти, а отчасти, может быть, и просто потому, что состарились и вымерли ордынские ветераны, создавшие и поддерживавшие это казачество.

Во-вторых, в этот же период или несколько раньше появились и совсем другие казаки – разновидность регулярных войск в пограничных со степью крепостях соседних государств. В Московском государстве такие казаки в дальнейшем до конца XVII в. имелись в составе «служилых людей» наряду с другими группами (стрельцы и др.). Их называли обычно городовыми казаками, иногда полковыми казаками. Таковы были и все украинские казаки, кроме запорожских, и казаки на турецко-крымской службе – перекопские, азовские. Ниже мы будем условно называть всех таких казаков служилыми казаками в отличие от описанных выше неорганизованных казаков – разбойников и наемников. Служилые казаки набирались большей частью из населения тех стран, которым служили, наделялись землей на общих основаниях с другими категориями профессиональных воинов, имели постоянное местожительство и хозяйство. Неизвестно, почему две столь различные группы населения получили одно и то же название. Скорее всего, это произошло случайно, может быть, вследствие переходов отдельных лиц из одной группы в другую или даже просто из-за внешнего сходства в одежде, оружии и т.д.

В середине XVI в. название «казаки» было присвоено еще одной категории населения, которая существовала и раньше, но казаками не называлась. Это были группы населения разнообразного этнического состава за пределами официальных границ Московского и Польско-Литовского государств, имевшие развитое сельское хозяйство (хотя не всегда преимущественно земледельческое), и специфический территориально-общинный строй без феодалов, с демократическим самоуправлением и сильной военной организацией. Из таких групп, не имевших ничего общего ни с неорганизованными, ни со служилыми казаками, образовались известные объединения запорожских, донских и других подобных казаков, которые в литературе по сей день именуются просто казаками без дополнительных эпитетов или иногда называются вольными казаками. Это не единственный случай появления подобных казаков задолго до появления термина «казак», например, таковыми были и известные севрюки на Украине, впоследствии не сохранившие своей автономии и превратившиеся в крестьян.

Причины переноса названия «казаки» на группы подобного типа не вполне ясны. Вероятнее всего, в середине XVI в. военные формирования этих групп настолько усилились, что отдельные их отряды стали наниматься на службу, по крайней мере, для исполнения отдельных поручений, к московским и польско-литовским властям, у которых термин «казаки» ранее уже употреблялся применительно к упомянутому неорганизованным казакам-наемникам. Наниматели, интересовавшиеся лишь военными способностями этих людей, вероятно, первоначально просто не замечали, что среди наемников, ранее состоявших из профессиональных разбойников, появился качественно новый элемент – воины, имевшие где-то в глубине степей, вдали от московских и польских границ селения, хозяйство, семьи и развитую общинную организацию. Поэтому их и называли тоже казаками.

Конечно, между неорганизованными казаками, служивыми казаками и просто казаками (вольными, по принятой терминологии) не было непроходимой пропасти, возможны были и переходы из одной группы в другую. Например, из неорганизованных казаков, во второй половине XVI в. разбойничавших в Нижнем Поволжье, по-видимому, какая-то часть вошла в состав служивых казаков в приволжских городах, а другая часть перешла в состав донских и северокавказских казаков. Но неверно было бы считать, что какая-либо одна из трех групп развивалась из другой. Они возникли, скорее всего, независимо друг от друга, и нельзя не видеть принципиальных различий между ними. Объединение их всех под общим термином «казаки», по мнению, например, А.А. Шенникова [8], – такое же историческое недоразумение, как, например, характерное для той же эпохи употребление термина «черкасы», под которым подразумевались в русской письменности и кабардинцы, и все адыгские народы, и вообще все народы Северного Кавказа, кроме славяно- и тюркоязычных, и запорожские казаки, и все украинские казаки, и даже вообще все украинцы, кроме крайних западных.

Рязанские казаки, как и подобает регулярному, профессиональному городскому войску, не только не возглавляют колонизацию Подонья, но и не участвуют в «молодечестве» и оказываются среди рязанских военных сословий едва ли не единственной дисциплинированной группой, способной воздержаться от «самодури».

Что касается мещерских казаков и городецких казаков, которых историки отождествляют с рязанскими, а следовательно, и между собой, то ни те, ни другие не имели с ними ничего общего, а друг с другом их сближала только дислокация в одном и том же районе Мещерского городка (позже Касимова).

Мещерские казаки – типичные неорганизованные казаки, базировавшиеся на Мещерский городок. Как и прочие казаки этого рода, они имели неопределенный этнический состав и нередко возглавлялись татарами.

Городецкие казаки – служилые казаки, притом особые. Это было регулярное войско касимовских «царей» и «царевичей» – различных татарских ханов, по разным причинам эмигрировавших на Русь и с середины XV в. систематически служивших московским великим князьям, а затем царям. Это войско формировалось исключительно из татар, специально поселенных близ Касимова (их потомки и сейчас там живут). Они ни в каких других войсках не служили, следовательно, не входили и в состав мещерских казаков, а татары, командовавшие мещерскими казаками, были, очевидно, не касимовскими.

Документы XVII–XVIII вв. фиксируют деление казаков на *старых и молодых, старожилых (природных, коренных) и новопришедших*. А также на *низовских и верховых* (выше Голубинского городка). Упоминаются также *знатные (значные) и лучшие (лучшие) казаки, домовитые и жалованные*.

К началу XVIII в. уже довольно четко прослеживаются такие категории казаков, как рядовые казаки, станичные атаманы и старшины, войсковые атаманы и старшины.

Наиболее полно картину социальной стратификации населения казачьих областей можно описать на примере Дона.

«...Складывание (донской казачьей – *вставка моя, А.С.*) общности шло параллельно в нескольких направлениях, – пишет Р.Г. Тикиджян – во-первых, как сословие с четко регламентированной системой привилегий и повинностей. Во-вторых, как муниципия, огромная самоуправляющаяся община. В-третьих, как особая социально-экономическая группа с более поздним переходом от скотоводства к земледелию (в результате запретов и других особенностей), большой долей промыслов в общей системе хозяйствования. В-четвертых, «род оружия» [9], входя в кавалерийские дивизии четвертыми полками (наряду с драгунами, гусарами и уланами)» [10].

Уже с начала XVII в. начинается формирование группы донских, «базовых» (своих) татар, представителей тюркоязычных этносов, исповедовавших ислам. К середине XVIII в. закрепляются после длительного военно-политического и культурного взаимодействия права казачества за «базовыми» донскими калмыками, исповедовавшими ламаизм. При постоянных контактах с казаками названные группы не ассимилировались и сохранились вплоть до начала XX в. Часть из них неминуемо принимала христианство и вливалась в численно и политически преобладавшую славяно-русскую группу казачества. Со временем этот процесс привел к складыванию в среде донских казаков метисной прослойки, обозначавшейся в источниках XVII–XVIII вв. терминами «тума» и «болдырь».

Усиление военно-политических, экономических и культурных контактов с Россией в XVII в., с одной стороны, оформление системы крепостного права в метрополии, с другой, вызывали активный приток

славяно-русского населения в ходе дальнейшей колонизации Юга и территории Дикого Поля. Кроме того, церковная реформа патриарха Никона послужила причиной притока на казачьи земли значительного числа старообрядцев поповского толка. До XVIII в. источниками пополнения казачества в большей степени оставалась миграция, хотя с середины предшествующего столетия начался активный процесс внутреннего воспроизводства казачьего населения.

В последней четверти XVII в. приближение южных границ России к Дону и взятие Азова в итоге походов Петра I активизировали колонизацию донских земель. Сюда двинулись потоки беглых крестьян и тяглых людей, сезонных ремесленных рабочих («наброду» по терминологии того времени).

Неполноправное население Дона в XVII в. состояло в основном из «бурлаков», т.е. беглых, только что осевших на Дону. Они – источник волжских грабительских шаек. В категорию «голутвенных» казаков (голутва, голытьба) попадали бывшие бурлаки, участвовавшие в военных походах, которым разрешалось присутствовать на круге без права голоса (даже совещательного).

В связи с ростом населения усложнялась процедура включения в казачье войсковое сословие. Источники середины XVII – начала XVIII вв. фиксируют разделение не только на «старых» и «молодых товарищей», но также на «старожилых» и «новопришлых» казаков. Старожилыми называли природных, коренных, родившихся на Дону в казачьей семье или бывших казаками в первом поколении, проживших на Дону 10–15 и более лет. Привилегии старшин и домовитых торговцев стали передаваться по наследству. Очень бурно эти процессы развивались в главном войске, в низовьях Дона. «Новопришлые» казаки по традиции, чтобы стать равноправными, должны были выдержать стаж, а затем попадали в разряд «голутвенных».

С начала XVII в. активно идет социальное становление неказачьих групп населения Дона. Более поздний термин «иногородние», «иногородцы», применяемый казаками к этим категориям, подразумевал людей, принадлежащих к иному, неказачьему роду, пришедших на Дон из других городов и областей. Эти группы изначально ограничивались в правах по сравнению с казачьей верхушкой и рядовыми казаками. В воинской казачьей среде к ним относились, как правило, с пренебрежительным покровительством.

К таким категориям принадлежали и «зажилые бурлаки» из крестьян и работных людей, осевших на Дону. Они работали по найму на казачью верхушку, занимались добычей и варкой соли, ловлей рыбы, ремеслом, а позднее и земледелием. Однако на данном этапе названные страты оставались достаточно гибкими и имелась возможность перехода в состав казачества. Такой переходной социальной категорией долгое время был институт «оземейных» (семейных, приписных

казаков). Не имея права участвовать в кругах, оземейные числились в составе казачьей военной организации, несли службу по охране станций, выполняли иные повинности. Внизу социальной лестницы располагались пленные («ясырь»), как правило, из числа неправославно-го населения. Они находились на положении лично зависимых слуг, женщины часто в качестве наложниц. Их могли продать, обменять и т.д. [11]. Рабство носило патриархальный характер. Рабовладение среди донских казаков существовало до конца XVIII в., несмотря на все старания правительства по его искоренению.

Что касается этнического состава казачьих войск, то вот что по этому поводу пишет Б.Е. Фролов [12]: «Разрешение принимать в казаки всех желающих свободных людей меняет облик войска. В него устремились элементы, представляющие различные сословные группы русского общества. Поступали в Черноморское войско беспоместные или мелкопоместные украинские дворяне, торговцы, реестровые казаки Левобережья, гетманские и малороссийские казаки, донские и чугуевские [13].

Немало среди черноморских казаков встречается выпешдших с «польской службы жолнер», отставных солдат и офицеров русской армии. В списке казаков часто встречаются «казенного ведомства поселяне», люди «мужицкого звания» и «неизвестно какого звания». Большое количество беглых из разных областей России крепостных крестьян, дезертиров и преступников» [14]. Зачисляются «сверху» работники из Малой России и Польши [15].

Дополнить можно словами Ф.А. Щербины по поводу образования Черноморского казачьего войска: «В собранное разноплеменное войско вошли великорусы, поляки, литовцы, молдаване, татары, греки, немцы, евреи, болгары, сербы, албанцы, белорусы, черкесы» [16].

Факты явно подтверждают его высказывание: «Черкесский владетель Мурадин Оуглы сделался черноморским казаком» [17]. «В феврале 1793 г. выразил желание продолжить службу в войске Черноморском бывший запорожский казак куреня Ведмедовского «Степан Моисеев сын Заводовский», родившийся в «турецком городе Хотене в законе еврейском» [18]. В высших эшелонах черноморской старшины мы встречаем выходца из польской шляхты войскового старшину Подлевецкого. Войсковой полковник А. Высочин – русский, а другой войсковой полковник И. Юзбаша – татарин.

Примечательна история хорошо известной черноморской семьи Бурносов. Основатель рода Петр Бурнос (имя которого выбито вторым на мраморной доске георгиевских кавалеров ККВ) – поляк Пинчинский. В начале XIX века он усыновил абадзехского мальчика. Родной сын Петра Бурноса Корней взял в семью еврейского мальчика. Спустя несколько десятилетий приемный сын Петра Бурноса писал: «Василь Корнеевич Бурнос – поляк, я – черкес, Старовеличковский Бурнос – еврей» [19].

Ю. Аверьянов и А. Воронов различают *русское казачество* как этносословную группу русских и *российское казачество*, которое составляют этносословные группы калмыков, бурят, татар, эвенков и др. Современное состояние казачества они определяют как *субэтническую общность* русского и украинского народов.

Российские казаки в XVIII – начале XX вв. представляли собой особое военное сословие (состояние), образованное государственной властью из представителей вольных казачьих и других сословий и национальностей. Они составляли особую сословно-территориальную общность, пользовались правами и преимуществами на условиях обязательной всеобщей воинской повинности. К ним относили также лиц казачьего происхождения – войсковых дворян, духовенство, разnochинцев, торговых.

Приписные казаки того же времени – воины невоинского сословия, служившие в казачьих частях; за особые заслуги могли быть приняты в казаки. Иногда решением круга принимали в казаки и иногородних [20].

По своему положению отличались от крестьян и мещан потомки казаков тех формирований, которые к концу XVIII века утратили войсковое значение (например, *полтавские, чугуевские, бахмутские, бугские, екатеринославские, дунайские, буджакские (новороссийские), украинские, азовские, башкирско-мещерские, крымско-татарские, греческо-албанские и др.*).

В различные периоды того же времени в связи с насущными военными нуждами создавались *временные казачьи части* – иррегулярные военные формирования: Слободские-Черкасские и Малороссийский казачьи полки, Ямской казачий полк, Московский казачий полк (образован в 1812 г. графом Дмитриевым-Мамоновым из своих крепостных).

Частично включались в военное сословие «иностранцы». Так, часть бурят пополнила Забайкальское казачье войско, башкиры и мишари (этнографическая группа татар) в 1798–1865 гг. составляли Башкиро-мещерякское войско. В казачьем сословии состояла и часть калмыков, осетин, якутов.

История казачества полна драматизма. Государство, использовавшее казаков в своих целях, незамедлительно расправлялось с ними, как только геополитическая ситуация качественно изменялась. В 1764 г. было ликвидировано гетманство на Украине, в 1765 г. слободские полки реорганизованы в гусарские. В 1775 г. ликвидирована Запорожская Сечь, малороссийских казаков поначалу направляли на пополнение легкоконных и карабинерных полков, а с 1783 г. украинцы были включены в общероссийскую систему формирования армии.

В 1920-х – начале 1930-х гг. было осуществлено «расказачивание»: лишение казачества сословных привилегий, сопряженное с массовым выселением и истреблением части казачьего населения. В своих гражданских правах (включая призыв на воинскую службу) казачество

во было восстановлено лишь в конце 1930-х гг., но уже не как обособленная этносословная группа в составе русского народа, а на общих основаниях.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. *Щербина Ф.А.* История кубанского казачьего войска. Екатеринодар, 1910. Т. 1. Гл. VII. С. 420.
2. Казачье движение 1615 –1618 годов // Вопросы истории. 1980. № 1. С. 104–116.
3. *Аверьянов Ю., Воронов А.* Счастье быть казаком // Наш современник. 1992. № 3.
4. *Татищев В.Н.* Лексикон Российской исторической, географической, политической и гражданской // Татищев В.Н. Избранные произведения. Л., 1979. С. 267.
5. *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М., 1959–1966. Кн. 3. С. 43, 277–278, 315, 694.
6. *Бадзев П.А.* Историческое и статистическое описание станиц и городов Области Войска Донского. Новочеркасск, 1900. С. 2 ; *Савельев Е.П.* Средняя история казачества. Новочеркасск, 1915–1916. Ч. 2. Вып. 5–6. С. 232 ; *Сахаров П.П.* Происхождение вольного Донского казачества // Сборник Областного Войска Донского статистического комитета. Новочеркасск, 1914. Вып. 5–6. С. 48, 50–51, 56, 66–67, 76–77 ; *Тхоржевский С.И.* Донское войско в первой половине XVII в. // Русское прошлое. Пг.; М., 1923. № 3. С. 9–10.
7. История Дона с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Ростов-н/Д., 1965. С. 94–99 ; *Пронштейн А.П.* К истории возникновения казачьих поселений и образования сословия казаков на Дону // Новое о прошлом нашей страны. М., 1967. С. 162–163 ; *Шепелев И.С.* Донское и волжско-терское казачество в классовой и национально-освободительной борьбе начала XVII в. в России // Из истории социально-экономического развития и классовой борьбы в Нижнем Поволжье. Волгоград, 1972. С. 6–8.
8. *Шенников А.А.* Червлёный Яр. Исследования по истории и географии Среднего Подонья в XIV–XVI вв. Л., 1987. С. 60.
9. Так у автора (естественно имеется в виду вид вооруженных сил).
10. *Тикиджян Р.Г.* Казачество и неказачье население Дона: становление, этносоциальный состав и проблемы взаимоотношений // Возрождение казачества: история и современность. Сб. научных статей к V Всероссийской (Международной) научной конференции. Новочеркасск, 1995.
11. *Тикиджян Р.Г.* Казачество и неказачье население Дона: становление, этносоциальный состав и проблемы взаимоотношений // Возрождение казачества: история и современность : сб. научных статей к V Всероссийской (Международной) научной конференции. Новочеркасск, 1995.
12. *Фролов Б.Е.* У источников Черноморского войска (численность, национальный и социальный состав) // Проблемы истории казачества. Сб. науч. трудов. Волгоград. 1995. С 55–66.
13. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 249. Оп.1. Д. 3. Л.1.
14. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 112. Л. 1.
15. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 142. Л. 15.

16. Щербина Ф. История Кубанского казачьего войска. С. 341.
17. ГАКК. Ф. 670. Оп. 1. Д. 17. Л. 57.
18. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 235. Л. 2.
19. ГАКК. Ф. 670. Оп. 1. Д. 17. Л. 57.
20. Аверьянов Ю., Воронов А. Счастье быть казаком // Наш современник. 1992. № 3.

С.А. Голованова

ОБРАЗ ЖИЗНИ КАЗАЧЕСТВА: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Геополитическая ситуация расселения казаков и образ жизни их предков ориентируют современное казачество на консолидацию по этнокультурному признаку с акцентированием на деятельность служилого сословия (военная служба) и земледелие [1]. Историк конца XIX в. Ф. Пономарев писал: «Казак – воин, наездник и вместе с тем должен был сделаться хорошим поселянином. Только в силу исторического своего образования и крайней необходимости мог он соединить в себе два такие противоположные начала, как война и земледелие. Близость предприимчивого неприятеля и непрерывные столкновения с ним должны были сделать казака храбрым, смысленным и ловким, словом, удвоить их природные качества, а необходимость поддерживать себя и семью заставила казака крепко держаться источника своего благосостояния – земледелия и бдительно охранять свою безопасность и труд» [2]. Из этих двух взаимосвязанных видов деятельности складывался образ жизни казака.

Н.И. Бондарь на примере кубанского казачества предложил типичную для казачества в целом модель повседневности, состоящую из двух достаточно самостоятельных «миров»: военного и гражданского, во многом взаимосвязанных и взаимно перекрывающих друг друга [3]. Военная сторона жизни казачьей организации была определяющей с момента формирования казачества. А долгое существование казачьих сообществ на началах безбрачия как мужских братств предопределило ее ведущее положение в истории казачества.

Основной организационной структурой, и в период самостоятельного существования казачеств, и после включения в состав государства, являлось Войско. «Военный мир» обладал своими организационными структурами, выработал свою систему управления (круг), свою нормативную культуру, свою символику, имел свою экономическую базу и набор различных видов хозяйственной деятельности, приоб-

рел особый военный опыт и систему выживания в экстремальных условиях [4]. Важнейшей особенностью казачьей культуры стал культ военной доблести. Казачья служба продолжалась почти всю жизнь. В казачьем обществе шел особый процесс социализации личности, то есть развитие человека активного, полноценного члена общества. В ходе развития осуществлялось подключение индивида к социальной памяти данной общности, освоение им накопленных традиций. Основным институтом выступало станичное общество. Будущее мальчиков, рожденных в казачьей среде, было предопределено – служба. Существовал обряд, символизирующий посвящение мальчика в казаки. Только что родившегося мальчика в казачьих семьях сначала крестили, а затем в возрасте нескольких дней сажали на коня и отец вел коня под уздцы по станице [5].

К стержневым, определяющим суть казачества идеям относятся отождествление мужчины и воина. Колыбельные песни терских казаков нарисовали идеал казака – мужчины-воина, «богатыря», который может отличиться, завоевать почет и уважение на поле брани, тогда как у земледельческих групп утвердился образ мужчины-пахаря: ребенок «одной ногой в колыбели, а другой – на пахоте». И даже в идеале женщины-казачки сочетались женщина-труженица и женщина-мать, ждущая домой мужа и сына [6].

Казачья система ценностей через воспитание способствовала формированию своеобразного в духовном плане воина-защитника. Е.П. Савельев считал, что «воинские достоинства казаков также отличительны, как и всего русского народа, но наследственный навык к войне может быть и врожденное дарование к ней, умножает и поощряет их способности. Между простыми казаками встречались люди рыцарского духа, исполненные чувства чести» [7]. Особое положение казачества на границах государства, необходимость защищать самостоятельность и свободу предопределили высокое положение в системе ценностей таких личных качеств, как мужество, отвага, смелость, физическая сила и ловкость [8]. Война для казака, как и для человека традиционного общества, – неустрашимый момент бытия, испытание, необходимое для устойчивой самоидентификации [9].

Гражданский «мир» формировался позднее, чем военный, и занимал по отношению к нему подчиненное место. Гражданский «мир» обладал своими культурно-компонентными особенностями: полным циклом обрядов жизненного и годового круга, иным составом одежды, пищи, характерными только для него занятиями, фольклором и т.д. Основными функциями его являлись: экономическая, социализации и физического воспроизводства как гражданской, так и военной общины. Гражданский мир создавал и свою систему ценностей: трудолюбие, честность, справедливость, доброта, щедрость и гостеприимство [10]. В традиционной системе ценностей не последнее место

занимали твердые нравственные устои в области семейно-брачных отношений и трезвый образ жизни [11]. В семейной и общественной жизни казачества было принято уважительное отношение к старшим и старикам. В обществе действовало неписаное правило: «Старший сказал – закон» [12, 13].

Стержневое положение «мира военного» и ориентация на него прочно закрепились в обыденном сознании казачества и продолжают доминировать в идеологии современного казачьего движения. Вместе с тем, исторический опыт показывает, что соотношение этих двух миров в сторону «мира гражданского» изменилось уже во второй половине XIX в. После окончания Кавказской войны и перемещения государственных границ далее на юг казачеству Юга России необходимо было пересмотреть приоритеты в их веками сложившемся образе жизни. Л.М. Мельников, оценивая ситуацию в конце XIX в., писал: «...Теперь, когда народились поколения, выросшие после замирения Кавказа, из которых одни пережили только одну войну (1877–1878 гг.), а другие, к счастью, не видели ни одной и выросли вне условий боевой жизни: когда главное внимание и помыслы казака сосредоточены не на войне, а на хозяйственной деятельности, – естественно, должны были ослабнуть и чисто военные инстинкты и привычки... Специально казачий «дух» есть дух военного человека, беспрестанно воюющего. Раз необходимость в войне миновала и освобождающаяся энергия нашла себе приложение в мирном поле борьбы с природой, естественно, должна была наступить серьезная перемена в психике населения: став в условия существования, приблизительно одинаковые с теми, в коих находятся иногородние, казаки независимо от собственной воли и сознания должны были усвоить и многое из психологии иногородних» [14]. Таким образом, в истории казачества начался сложный период перестройки и адаптации к новым условиям жизни. Процесс этот проходил для казачества достаточно болезненно. Наблюдалось экономическое обнищание казачьих станиц, а к концу XIX в. возник вопрос о реставрации «старинного казачьего духа». Л.М. Мельников без ссылки на источник привел выдержку из документа: «В среде населения (казачьего) вообще, а в среде молодежи в особенности, быстро развиваются и крепнут такие наклонности, понятия и воззрения, которые в недавнем прошлом или совсем были неизвестны, или составляли редкое, исключительное явление, нетерпимое в обществе. Лениность, праздность, беспечность в отношении исправного выхода на службу и исполнения других обязанностей, грубость, неуважение к родителям и старшим, презрение к требованиям, завещанным отцами, и даже прямое нарушение дисциплины – сделались явлением заурядным...

В недалеком будущем войсковое население может оказаться совершенно неспособным и в нравственном, и в материальном отношениях выполнять свое назначение» [15].

В истории казачества, на наш взгляд, отразилась свойственная в целом российской истории борьба «между жертвенной, дисциплинирующей государственностью и индивидуализирующимся, анархическим инстинктом» [16]. Отсюда и характерная особенность менталитета казачества – его бинарность. Внутренняя поляризованность казачьей культуры предопределена наличием военного и гражданского «мира».

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. *Иванова А.А.* Особенности этнического самосознания подростков-казачков в контексте общенационального общения : автореф. дис. ... канд. психолог. наук. М., 1995. С. 13.
2. *Пономарев Ф.* Материалы для истории Терского казачьего войска с 1559 по 1880 г. // Военный сборник. 1880. № 10. С. 366.
3. *Бондарь Н.* Воины и хлеборобы (некоторые аспекты мужской субкультуры кубанского казачества) // Православие, традиционная культура, просвещение. Краснодар, 2000. С. 92–120.
4. *Рыжкова Н.В.* Военные традиции казачества как фактор возрождения казачьей культуры // Казачество юга России в XXI веке: место и роль в обществе и государстве. Ростов-н/Д., 2001. С. 39–40.
5. История казачества Азиатской России. Екатеринбург, 1995. Т. 1. С. 219.
6. *Великая Н.Н.* Казаки Восточного Предкавказья в XVIII–XIX вв. Ростов-н/Д., 2001. С. 195–196.
7. *Савельев Е.П.* Древняя история казачества (историческое исследование) / Репринтное издание. Новочеркасск, 1995. Ч. 1. С. 86.
8. *Бондарь Н.И.* К вопросу о традиционной системе ценностей кубанского казачества (Часть 1. XIX – начало XX века) // Из культурного наследия славянского населения Кубани. Краснодар, 1999. С. 13.
9. *Яковенко И.* Подвиги, отчаян и храбр... // Родина. 1995. № 10. С. 71.
10. *Бондарь Н.И.* К вопросу о традиционной системе ценностей... С. 17.
11. Там же. С. 20.
12. Там же. С. 22.
13. *Великая Н.Н.* Указ. соч. С. 207.
14. *Мельников Л.М.* Иногородние в Кубанской области. Екатеринодар, 1900. С. 37–38.
15. Там же. С. 47.
16. *Ильин И.А.* Наши задачи. Историческая судьба и будущее России: Статьи 1948–1954 годов: в 2-х т. М., 1992. Т. 1. С. 245.

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАЗАЧЕСТВА РОССИИ

Обращаясь к проблеме этнокультурной идентичности российского казачества в целом, следует отметить, что вопрос о соотношении современных казаков с этническими и социальными группами, существующими в обществе, остается открытым. Казаки сочетают в себе и социальные (сословные), и профессиональные, и региональные (пространственные), и этнические характеристики, но не являются моноэтническими. Есть казаки-русские и казаки-калмыки, казаки-башкиры и казаки-осетины, казаки-татары и казаки-армяне и т.д. Казачья идентичность относится к традиционным по механизмам формирования и воспроизводства.

В ходе своей эволюции казачество приобретало социально выраженные сословные, затем – этнические черты. Вопрос о том, чем является казачество – сословием или народом, остро стоял уже в 1917 г. Революция упразднила бы казачье сословие, поэтому лидеры казачества ради сохранения своих привилегий и интересов на общеказачьих съездах и кругах стали доказывать, что казачество – это народ, а не сословие, которое можно было бы уничтожить [1].

Именно такие представления стали причиной того, что в первых законодательных актах, касающихся проблем казачества, оно получило определение «культурно-этнической общности».

В соответствии с этнической типологией, основанной на советской теории этноса, казачество чаще всего характеризовалось как этнографическая или этническая группа русского народа (субэтнос) (Ю. Бромлей). В рамках советской этнологии также казачество называют этносословной группой, входящей в разряд этносоциальных групп. В числе их характерных черт выделяются особенности культуры и быта, связанные с военной службой, двойственное самосознание и др.

Важным в оценке казачества представляется учет следующих обстоятельств. Поскольку его своеобразие исторически сложилось под влиянием конкретной совокупности социальных, этнических, политических, географических и прочих факторов, для понимания отдельных сторон культурно-исторического бытия казачества необходим учет всех этих обстоятельств.

Этноконсолидирующие признаки современного казачества формировались с учетом названных обстоятельств и включают в себя и социальные характеристики. Для исторической памяти казачества характерны представления об общей исторической судьбе, родс-

твенности всех казачьих войск, едином образе жизни, сложившемся во времена «предков». Вторым по важности аспектом можно назвать представления о личной свободе каждого казака и полной независимости всего войска. Традиционная организация войска и его управление воспринимались как гарант всеобщего равенства, условие свободы и безопасности членов сообщества. Особое место в самосознании казачества занимают представления о традициях, среди которых доминируют свободолюбие, преданность воинскому долгу, коллективизм, взаимопомощь в различных сферах деятельности, физическое и нравственное здоровье, веротерпимость и пр. Одним из консолидирующих признаков, манифестируемых в процессе возрождения казачества, стала значимость исторического опыта репрессированного народа. Выделяется и регионально-пространственный фактор: казакам было присуще особое отношение к «родной земле», которая считалась помимо прочего собственностью казачьего войска с давних времен, юридически подтвержденной высшей властью.

Представление о своих исторических и сословных правах на землю, отличавшее казачество от других категорий служилого населения и социальных групп, сформировалось вследствие особого характера землепользования, когда владельцем земли «на вечные времена» считалось все войско, и сохранения сословных прав казачества. Чувство хозяина, полновластно распоряжающегося всеми дарами своей земли, проявилось, в частности, в бережном отношении к ней, в культе рационального природопользования. Строгая регламентация хозяйственной деятельности воспринималась казаками как естественная необходимость, смысл которой в максимальном использовании и в то же время сохранении природных ресурсов [2].

Этнокультурный облик казачества характеризовался: доминированием восточно-славянских народов (русских и украинцев) в составе большинства казачьих войск; участием «нерусских» народов в формировании казачества; длительными культурно-хозяйственными контактами с народами Кавказа, Сибири, Средней Азии, Поволжья, Дальнего Востока и др. Вместе с тем конкретные исторические, географические и этнические условия способствовали формированию этнокультурного своеобразия населения отдельных казачьих войск. Поэтому их нельзя считать идентичными в культурном отношении.

Например, в противопоставлении казаков «неказакам» проявилось и конфессиональное обособление уральского казачества. Наибольшее число приверженцев раскола среди всех казачьих войск числилось именно в Уральском войске как в XVIII в., так и в конце XIX в. По данным М. Хорошкина, в 1880 г. среди казаков Уральского войска было более 49 тыс. раскольников, что составляло 40% населения войскового сословия. В Терском войске старообрядцы составляли, по его же сведениям, 30% казаков, в Донском – 8%.

Самосознание уральского казачества в свете всех названных обстоятельств отличалось помимо общих для всего казачества черт сложным переплетением собственно казачьего и религиозного самосознания, а также большей «концентрированностью» всех характеристик казачьего самосознания [3].

Современное казачество является социальной группой с преобладающими корпоративными и политико-идентификационными признаками. Преемственность современного казачества с историческим (существовавшим до 1930-х гг.) невелика. Ведущими признаками идентификации с казачеством в массовом сознании выступают православная религиозность, служение Российскому государству, воинская профессиональная служба, патриотизм. Это подтверждают и положения Кодекса чести казаков (Казаки всегда служили родной земле, Вере Православной, своему народу и Государству Российскому) [4].

Кодекс чести казака определяет казачество двусмысленно: «Казачество – братство людей, объединенных особым состоянием духа и сознания, нравственности и морали. Казаки – ветвь русского народа со своей культурой, историей и памятью» [5]. То есть, с одной стороны, артикулируется этнический компонент групповой самоидентификации, с другой – обозначается объединение, основанное на добровольной консолидации «общих духом». Исследователи делают вывод о том, что осознание казачеством собственной самобытности имело место лишь на этнокультурном и сословном уровнях, а на национальном уровне казаки отождествляли себя с русским народом и государством [6].

Можно согласиться с мнением, что современное казачество – в основном, конструируемая, а не «возрождаемая» общность. Процесс «возрождения» казачества в постсоветском обществе 1990–2000-х гг. объясним с помощью модели этнополитической мобилизации. Активисты казачьего движения придавали политический смысл этнокультурным отличительным признакам (диалектам, ценностям и установкам самосознания, историческим традициям, стереотипам поведения). Благодаря данной деятельности осознавались и конструировались коллективные интересы группы, на основе которых формулировались цели и направления политической деятельности [7]. Казачество в современной России рассматривается как социальная группа традиционалистского типа, актуализируемая в условиях трансформаций.

Процесс «возрождения» казачества аргументировался тремя основными подходами к определению сущности современного казачества: сословно-корпоративным, этническим и политико-организационным. При этом трактовки казачества предусматривали в подавляющем большинстве случаев отождествление «исторической» войсковой организации с современным состоянием казаков. Преобладали философские и исторические, а не политологические определения казачес-

тва. Итоги переписи 2002 г. подтверждают мысль о конструируемом по преимуществу, а не «наследственном» типе идентичности казаков Кубани. Например, назвавшие себя казаками – более сельская по проживанию группа, чем все население края; группа с преобладанием женского населения; более сконцентрированная в краевом административном центре; сосредоточенная в местностях с миграционными и этническими конфликтами. Их идентичность выражает реакцию на современные проблемы общества в большей мере, чем традиционные ценности и стереотипы [8].

Казачество в постсоветской России, в т.ч. кубанское, является социальной группой, конструируемой активистами движения и публицистами, в первую очередь – на основе этнокультурной идентичности. Традиционная сословная организация казачества невозможна в политической системе Российской Федерации, а исторические формы экономики и военной службы неэффективны. Следовательно, политические ресурсы и функции современного казачества могут обеспечиваться только на основе современных реалий общества путем сотрудничества казачьих движений с более ресурсообеспеченными структурами: Вооруженными силами РФ, правоохранительными органами, предпринимательскими структурами [9].

Реальной задачей современного казачества может быть не реставрация дореволюционного статуса, а формирование новых общественных объединений на основе традиций демократического самоуправления, российского патриотизма, государственной службы. Государство уже идет по этому пути, законодательно определяя правовой статус казачьих обществ (в мае 2009 г. приняты поправки к законам «О государственной службе российского казачества» и «О некоммерческих организациях»). Согласно законам, казачьими обществами считаются организации, созданные гражданами РФ с целью возрождения, защиты прав и сохранения хозяйствования и культуры российского казачества. Члены казачьих обществ принимают обязательство по несению государственной или иной службы и вносятся в государственный реестр [10].

Но что означает «быть казаком» и каким образом люди осознают себя казаками? Исследования донских казаков показали, что на эти вопросы различные категории наших собеседников отвечали существенно по-разному. Внешние наблюдатели – сотрудники областной и местной администрации, научные работники, интеллигенция – единодушно утверждали, что казачья идентичность имеет лишь исторический смысл, т.е. связана с сословной системой, структурировавшей общество в прошлом. Они рассматривают феномен возрождения казачества, с одной стороны, в широком контексте трансформации коллективных идентичностей после распада СССР, а с другой – через призму достижения вполне прагматической цели создания группы политического давления на региональном уровне [11].

Официальные представители казачества не дали ясных и однозначных ответов на вопрос о казачьей идентичности. По словам главы Управления Президента РФ по вопросам казачества, существуют несколько исторических причин для того, чтобы требовать признания существования «казаков». Первая – существование специальных казачьих подразделений в царской армии; вторая – существование казаков как сословия, в которое входили не только военные и которое составляло важную часть местного населения. Поскольку сословия больше не существуют, а обещанное возрождение казачьих военных частей остается маргинальным движением, все потомки донских казаков идентифицируют себя с казачеством как с «народом».

За рамками «теоретических» дискуссий о казачьем народе реальная самоидентификация населения, называющего себя казаками, основывается, судя по результатам опроса, на весьма запутанных убеждениях, хотя существуют определенные критерии, позволяющие человеку причислять себя к казачеству. Большинство женщин говорили, что они – жены казаков, а их мужья должны были пройти своего рода испытание, отвечая на вопросы атамана. Лишь немногие ссылались на то, что они потомки казаков, но все с готовностью заявляли о своей связи с историческим «казачьим Доном», их родной землей, как будто «быть родом с Дона» – все равно, что «быть казаком». Тот факт, что исторически Донская земля была местом расселения казаков, означает для некоторых знак равенства между «территорией» и «идентичностью» [12].

Этнокультурная идентичность российских казаков формировалась по особенному пути, вбирая социальные (сословные), профессиональные, региональные (пространственные), религиозные и этнические характеристики. Богатый и яркий исторический опыт предопределил судьбу казачьей общности в постсоветской России. Активное движение по «возрождению» больше схоже с конструированием новой общности, так как простое воспроизводство исторических образцов казачьего бытия мало соответствовало современным реалиям.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. *Таболкина Т.* Основные направления изучения казачества // Возрождение казачества: надежды и опасения. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.carnegie.ru/ru/pubs/books/36246.htm>

2. *Сагнаева С.* Исторические аспекты формирования самосознания уральского казачества и современные проблемы самоидентификации казаков // Возрождение казачества: надежды и опасения. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.carnegie.ru/ru/pubs/books/36246.htm>

3. Там же.

4. Кодекс чести казака, утвержденный постановлением Совета атаманов Союза казаков России от 19 февраля 2006 года № 3. [Электронный ресурс]. URL: <http://new.allcossacks.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=2>

5. Там же.

6. *Кринко Е.Ф.* Проблемы возрождения казачества: теория и практика. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.narod.ru/bks/problem/problemu.htm>.

7. *Черненко И.А.* Казачество как субъект регионального политического процесса (по материалам Краснодарского края): автореф. дисс. соиск. ... к. полит. н. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kubsu.ru/index.php/rus/content/download/5480>.

8. Там же.

9. *Донцов С.* Казачество в постсоветской России // Возрождение казачества: надежды и опасения. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.carnegie.ru/ru/pubs/books/36246.htm>

10. Федеральный закон от 5 декабря 2005 г. № 154-ФЗ О государственной службе российского казачества (по состоянию на июль 2009 г. в ред. ФЗ № 245-ФЗ от 03.12.2008; №107-ФЗ от 06.03.2009). [Электронный ресурс]. URL: [http://www.legis.ru/misc/doc.php?id=4290](http://www legis.ru/misc/doc.php?id=4290).

11. Ростов в дни переписи–2002. Валерий Тишков – личный сайт. [Электронный ресурс]. URL: <http://Valerytishkov.ru>

12. Там же.

В.Н. Мальцев

КАЗАЧЕСТВО СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В СИСТЕМЕ РОССИЙСКОЙ ВЛАСТИ В КОНЦЕ XVIII - ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВВ.

Конец XVIII – первая половина XIX вв. являлись временем, в которое правительство перешло к активному «встраиванию» казачества в систему социально-политических институтов, сформировавшихся им на Кавказе в ходе расширения российского присутствия в регионе. В политике российской власти по отношению к этой группе населения важнейшим был вопрос об управляемости и управлении кавказскими казачьими войсками. С точки зрения государственной политики, традиционные принципы казачьего самоуправления не соответствовали логике централизации власти на Кавказе и не могли быть оставлены без изменений. Однако сразу лишить казаков привычных форм общественного устройства было невозможно. В конце XVIII в. казачьи войска на Кавказе были малочисленны, и российские власти и в эти годы, и в первой половине XIX в. пополняли их и образовывали новые путем привлечения казачьих общин с других территорий на южные границы. В правительственной политике по отношению к казачеству прослеживаются две стороны: с одной – необходимость считаться с институтами самоуправления казаков, с другой – стремление ввести казаков в рамки государственного управления. Впервые в чистом виде эти принципы государственной

политики по отношению к казакам были продемонстрированы на Черноморском войске.

В первом документе нового войска «Порядке общей пользы» речь велась о приверженности черноморцев государственной правовой аргументации: «...да будет в сем войске войсковое правительство, навсегда управляющее войском на точном и непоколебимом основании всероссийских законов, без малейшей отмены...». И так же первая Высочайшая грамота, жалованная Черноморскому войску Екатериной II 30 июня 1792 г., однозначно определила его место в системе государственной службы и административного управления. Грамота закрепила за новым войском территорию расселения черноморцев и их функцию на Кавказе: им вменялись «бдение и стража пограничная от набегов народов закубанских» [1]. С момента образования Черноморское войско финансировалось государством. Указанной грамотой Екатерины II «на употребляемые к содержанию стражи отряды», а также «на производство жалованья кошевому атаману и войсковым старшинам» отпускалось «из казны... по 20 000 руб. в год» [2]. В дальнейшем государственные денежные выплаты войску возрастали.

Долгое время Черноморское войско в административном отношении находилось в подчинении Таврического губернатора, который был обязан переправлять атаману императорские «узаконения, предлагать оному в нарядах на службу, по назначению военного начальства, и преподавать все нужные способствования» [3]. Такая подчиненность была установлена грамотой Екатерины II от 30 июня 1792 г. На несколько лет в 1796 г. по гражданской части черноморцы были переподчинены новороссийскому губернатору в связи с объединением войсковой территории с Ростовским уездом Новороссийской губернии [4]. Но после реорганизации Новороссийской губернии в 1802 г. гражданское управление Черноморским войском вновь было возвращено Таврическому губернатору.

По наблюдению Е.Д. Фелицына и Ф.А. Щербины, масштабы самоуправления, полученного черноморскими казаками с момента образования, т.е. согласно жалованным грамотам Екатерины II от 30 июня и 1 июля 1792 г. и «Порядку общей пользы» 1794 г., «были значительно сужены» по сравнению с организацией власти в Запорожской Сечи» [5]. Симптомом грядущих перемен было и то, что в «Порядке общей пользы» «выборное начало» в виде Войсковой Рады не было реализовано.

Своею Высочайшею грамотою от 3 ноября 1800 г. Павел I вносил изменения в управление Черноморского Войска, еще более интегрируя его структуру в состав общероссийского управления. Расширялась подчиненность местных органов управления высшим инстанциям: по военной части Войско получало императорское «повеление через воинское начальство, как о устройстве... так и о нарядах на службу» [6], а по гражданской части – от Сената. Как видим, уже в этот пери-

од и военное «устройство» Войска, и гражданская часть переходят в компетенцию верховной власти, хотя еще и не в том объеме, как во внутренних губерниях.

В начале XIX в. происходит дальнейшее усиление централизации управления казаками. С 1801 г. по гражданской части Черноморское войско находилось в ведении Сената, а высочайшею грамотою, данной Черноморскому войску 16 февраля 1801 г., его атаманам предписывалось «получать императорские повеления чрез военное начальство, как об устройстве войска, так и о нарядах на службы, которые обязано исполнять с точностию и поспешностию...» [7]. С этого же времени Военное управление войском осуществляла Военная коллегия, а указом Александра I от 25 февраля 1802 г. устанавливалось, что «по делам войсковым должно оно зависеть от инспектора крымской инспекции, а по части гражданской состоять в ведомстве Таврического губернского начальства...» [8]. Эти принципы государственного управления казаками получили развитие и были закреплены в высочайше утвержденном докладе Военной коллегии «Об устройстве Черноморского войска» от 13 ноября 1802 г. [9].

По мере развития военно-политических событий на Кавказе в первой четверти XIX в. возрастала и роль в них казачества, что нашло отражение в правительственных мерах по его усилению. Указом Александра I от 17 апреля 1820 г. Черноморское войско переводилось под командование командира Отдельного Грузинского (Кавказского) корпуса А.П. Ермолова. К этому времени войско находилось не в лучшем состоянии и нуждалось в серьезном реформировании. В своих «Записках» А.П. Ермолов невысоко отзывался о предшествующем состоянии войска. «Задолго прежде искал я, – писал он, – средств избавиться от сего войска, ибо известны были мне допущенные в нем беспорядки, расстроенное хозяйство, бестолковые распоряжения Войсковой канцелярии, которой самовластно управляли адъютанты генералов дюка де Ришелье и потом графа Ланжерона»; командующего удивляло и то, «что самое отправление службы производится казаками нерадиво», а закубанские горцы, совершая «частые и весьма удачные набеги в их земли, содержат их в большом страхе» [10]. Последовавшие после перехода под контроль А.П. Ермолова меры в отношении черноморцев, как и действия его преемников, способствовали превращению Черноморского казачьего войска в реальную административную и военную единицу.

С 1820 г. Черноморское войско территориально относилось к Кавказской губернии. И хотя в 1827 г. после преобразования последней в Кавказскую область к ней «причислялись» и «земли войска Черноморского», управление ими осуществлялось «по особым правилам» [11]. Эта самостоятельность подтверждалась «Положением об управлении Черноморским войском» от 6 февраля 1827 г., которое уста-

навливало, что указы из Петербурга доставляются в войсковую канцелярию непосредственно из Петербурга, а «Кавказское Областное Правление не имеет начальства над Войсковою Канцеляриею...», а лишь «сносится в случае надобности» [12] с войсковыми властями. В дальнейшем по «Положению о Черноморском казачьем войске» от 1 июля 1842 г. оно было полностью отнесено к ведению Департамента военных поселений Военного министерства как по военной, так и по гражданской части. С образованием в 1847 г. Ставропольской губернии полномочия бывшего кавказского областного правления были переданы командующему войсками на Кавказской линии и в Черномории, в подчинении которого Черноморское войско находилось до 27 августа 1855 г., когда оно Указом императора было напрямую подчинено командиру Отдельного Кавказского корпуса. В мае 1856 г. ему же передавалось и гражданское управление войском. С 1 апреля 1858 г. командующий Кавказской армией осуществлял управление черноморскими казаками через начальника Правого крыла Кавказской линии.

В грамоте Екатерины II прописывалось, что местное «земское управление сего (Черноморского. – *В.М.*) войска» должно быть «сообразуемо с изданными... учреждениями о управлении губерний». С этой целью для управления черноморцами было создано войсковое правительство, которое должно было «относиться к... (Таврическому. – *В.М.*) губернатору» [13]. При этом устанавливалась подотчетность войскового правительства государственным структурам: оно было обязано «чрез каждые две недели присылать ему (Таврическому губернатору. – *В.М.*) сведения о благосостоянии войска и обо всех важных происшествиях, какие в течение двух недель могут приключиться», для дальнейшего донесения в Петербург.

В 1799 г. в Черноморском войске была учреждена войсковая канцелярия с шестью экспедициями, которые, как и «земское управление», свою деятельность должны были «производить на основании общих узаконений Всероссийской Империи» [14]. «Войсковая канцелярия» образовывалась в составе атамана, «двух членов» и назначавшихся императором «особ». На нее возлагалось «решение всех дел» и наблюдение за правосудием. Экспедиции представляли почти полный аналог органам российского губернского управления: экспедиции «для дел криминальных», «гражданских и тяжёбных», «казенных», «межевых», «полиции» и «сыскное начальство». И войсковая канцелярия, и экспедиции ставились под полный контроль правительства. В Грамоте Павла I особо регламентировалось, что решения («приговоры») экспедиций, направлявшиеся на утверждение в войсковую канцелярию, должны были также поступать к «определенной от Нас в оную доверенной особе» [15] и только после их одобрения в обеих инстанциях исполняться.

Именным указом, данным Сенату 25 февраля 1802 г., Александр I распространил на Черноморское войско некоторые принципы управления Донским войском. По Указу в Черноморском войске полагалось «составить Войсковое правительство с таким же числом присутствующих, как в Донском». [16]. По гражданской части Черноморское войско должно было «состоять в ведомстве Таврического губернатора, а по делам воинским» – «зависеть от Инспектора Крымской Инспекции».

По «Положению об управлении Черноморским войском» от 6 февраля 1827 г. также образовывалась Войсковая канцелярия под председательством войскового атамана, назначавшимся императором. Черноморское войско в порядке управления не подчинялось кавказским властям. «Положение» определяло, что «Кавказское Областное Правление не имеет начальства над Войсковою Канцеляриею, и с оною сносится в случае надобности сообщениями». Устанавливалось прямое управление Черноморского войска из столицы: «Указы доставляются в Канцелярию и из Сената» [17]. Однако часть чиновников, такие как непременные члены, ассессоры канцелярии и полицмейстер, назначалась командиром Отдельного Кавказского корпуса.

Войсковая канцелярия состояла из двух экспедиций со строго определенными функциями: войсковой и экономической. Войсковая экспедиция включала три стола. К ведению первого относились «содержание исправных списков всего состава войска» и вопросы, связанные с определением казаков «на пограничную и внутреннюю службу» и их должностями. Второй стол решал финансовые вопросы, третий – «дела полицейские». В экономической экспедиции было образовано четыре стола. Соответственно «сбор денег казенных и войсковых, подряды», а также «все денежные ассигнования, какие только требуются от войска», и вопросы промышленности относились к первому столу; контролировать «госпиталь, лазарет, учебные и прочие богоугодные заведения» и кроме этого войсковые и кордонные укрепления и «дела о переселенцах» был поставлен второй стол; третий и четвертый столы – дела казначейские и роспись доходов и расходов Черноморского войска. В подчинении Войсковой канцелярии находились четыре земских начальства и полиция г. Екатеринодара.

В соответствии с требованиями правительства для привлеченных на государственную службу казаков создавалась нормативная база, оформлявшая эти отношения. Этот вопрос впервые был поставлен в жалованной грамоте Екатерины II – от 1 июля 1792 г., обращенной к верхушке черноморских казаков. Документ регулировал процесс комплектования Черноморского войска и создания в нем социальной группы, обязанной своим особым положением государству. Грамота предписывала Таврическому губернатору «истребовать... для причисления к Войску тех старшин казаков с их имуществом, которые дейс-

твительно прежде служили в военном звании в Запорожье...» [18]. В документе делался шаг к включению казачьей службы в систему общегосударственной военной: Екатерина II поручала Военной коллегии рассмотреть вопрос о «пожалованных» Г.А. Потемкиным «...по сему Войску в штаб-офицерские чины старшин...» [19]. Такая политика продолжалась и после нее. В письме к атаману Т.Т. Котляревскому от 6 марта 1799 г. Павел I просил последнего «доложить» ему о «малороссийских дворянах, желающих поступить в службу в... Войско». При этом император давал указание без его «повеления в службу не принимать» и представленных атаманом к производству казаков согласовать с военными, после чего «по зделанию поверки в списках представленные произведены будут в следующие чины» [20]. В дальнейшем эта политика только ужесточалась. Высочайшим повелением от 16 апреля 1801 г., данным Военной коллегии, администрации Черноморского войска приказывалось «впредь ни в какие Офицерские чины по войску никому не производить» и списки лиц для производства в следующий чин «по удостоверению атамана с войсковою канцеляриею» предоставлять императору «через инспектора», а в военное время через военных командиров. Высочайше утвержденный 13 ноября 1802 г. доклад Военной коллегии «всех находящихся ныне в... [Черноморском. – В.М.] войске, не имеющих еще армейских рангов... чиновников» обязывал «утвердить... чинами Обер-Офицерскими или армейскими, поручиков, в войске служащих ...пожаловать полковыми есаулами, а подпоручиков – сотниками, прапорщикам оставаться в числе хорунжих ...» [21]. Указ Александра I от 13 ноября 1802 г. передавал формирование черноморских полков правительству [22]. В конце XVIII в. назначение атамана Черноморского войска становится прерогативой императора: 27 июля 1797 г. Павел I назначил генерал-майора Т.Т. Котляревского войсковым атаманом Черноморского войска, а после увольнения последнего Павел I сообщал 22 декабря 1799 г. подполковнику Ф.Я. Бурсаку: «...назначаю Я вас вместо его быть Атаманом войска черноморских казаков, в которую должность Повелеваю вам вступить по получении сего» [23].

Как видно из анализа правительственной политики по отношению к казакам-черноморцам, «совершенствование организации управления шло в направлении четкого разграничения военного и гражданского управления в Черномории...» [24].

Другой подход существовал у правительства к управлению казаками Кавказского линейного войска. Оно было образовано Указом Николая I от 25 октября 1832 г. из размещенных в Центре и на Левом фланге Кавказской линии казачьих войск и полков. Особенности нового войска состояли в том, что его состав трансформировался на протяжении всего периода его существования (до 1860 г.). Кавказское линейное войско было создано из полков, имевших разные истори-

ческие традиции и этнические основы. В новое войско вошли пять полков, занимавших станицы от устья Терека до Моздока: Гребенской, Кизлярский, Моздокский, Терско-семейный и Горский, пять поселенных на Азово-Моздокской линии полков: Волгский, Кавказский, Ставропольский, Хоперский и Кубанский, а также Сунженский и 1-й и 2-ой Владикавказские (с 1831 г. – Малороссийские) [25]. При этом три войска: Гребенское, Терско-Семейное и Терско-Кизлярское были переименованы соответственно в Гребенской, Терский и Кизлярский полки.

Правительство совершенствовало структуру и состав Кавказского линейного войска: в 1836 г. Кизлярский и Терско-семейный были объединены в один Семейно-Кизлярский полк, в 1837 г. сформирован Ставропольский, в 1841 г. – Лабинский, в 1845 г. – Сунженский и в 1850 г. – Урупский полки. В 1842 г. к войску причислен Владикавказский полк (бывший 1-й Малороссийский). В 1846 г. полки стали развертываться в бригады, и к моменту преобразования Кавказского линейного войска в Терское и Кубанское (шести бригад) в него входили девять бригад и четыре полка. Но только 14 февраля 1845 г. было принято «Положение о Кавказском казачьем линейном войске».

Особенности управления Кавказским линейным войском, по наблюдению Е.Д. Фелицына и Ф.А. Щербины, вытекали из характера «колонизации Новой Линии», которая «заключалась в полнейшем приспособлении поселочных форм исключительно к военным целям». Они поясняли, что «военное начальство тут не только назначало места для поселений, но, благодаря непрерывным столкновениям с горскими племенами, принуждено было до мельчайших подробностей регламентировать даже экономическую жизнь» [26]. По сравнению с черноморцами отличительной чертой сложившегося управления у линейцев был его военный характер. Е.Д. Фелицын и Ф.А. Щербина связывали эту черту с особенностями расселения казаков на Линии. Первые шесть станиц, образованные в 1794 г. из донских казаков и составивших Кубанский полк, несший пограничную службу, сразу получили «строгую военную организацию» со стороны государства. Этот принцип распространялся и на вновь образовывавшиеся станицы, в отличие от черноморцев, имевших давние традиции запорожского самоуправления. У линейцев же «во главе всех станиц стоял полковой командир, от которого зависела казачья старшина, командовавшая и распоряжавшаяся вместе с командиром станицами» [27]. Указом Николая I от 14 февраля 1845 г. казачьи чины в Кавказском линейном войске приравнивались к воинским. Появление станиц на Линии, формирование быта и жизненного уклада казаков-линейцев в отличие от черноморских проходили в период резкой эскалации военных действий как раз в районах их расселения, и альтернативы выбора условий у них не было.

Тенденция развития управления казачьими войсками на Кавказе в конце XVIII – первой половине XIX вв. состояла в том, что «большинство законодательных актов верхних эшелонов власти ограничивало самостоятельность местного общественного самоуправления, способствовало его бюрократизации» [28], тем самым создавая принципиально новые элементы отношений казачества и государства. Консолидация разных групп казачьего населения на локальных территориях Предкавказья и Северного Кавказа в условиях постоянной военной угрозы и конфликтов с местным населением способствовала достаточно быстрому по историческим меркам сближению государства и части казачьих интересов, а также закреплению различий в формах управления войск.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. *Фелицын Е.Д., Щербина Ф.А.* Кубанское казачье войско 1698–1888 гг. Воронеж, 1888. Репринт. изд. Краснодар, 1996. С. 446.
2. Там же.
3. Там же.
4. См.: *Шевченко Г.Н.* Черноморское казачество в конце XVIII – первой половине XIX вв. Краснодар, 1993. С. 8; *Фролов Б.Е.* Административно-территориальные преобразования в Черномории начала XIX в. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.yuga.ru/kazaki/history/index.shtml?id=4378>
5. *Фелицын Е.Д., Щербина Ф.А.* Указ. соч. С. 72.
6. Копии Императорских Грамот и других письменных актов, принадлежащих Кубанскому Казачьему Войску // Кубанский сборник. Т. VIII. Екатеринодар, 1901. С. 298.
7. ПСЗ. Т. XVII. 1802–1803. СПб., 1830. С. 557.
8. *Фелицын Е.Д., Щербина Ф.А.* Указ. соч. С. 458.
9. См.: ПСЗ. Т. XVII. 1802–1803. СПб. 1830. С. 556–562.
10. *Ермолов А.П.* Записки А.П. Ермолова. 1798–1826 гг. М., 1991. С. 370.
11. ПСЗ. Собр. II. 1827. СПб., 1830. № 878.
12. Там же. № 1058.
13. *Фелицын Е.Д., Щербина Ф.А.* Указ. соч. С. 446.
14. Копии Императорских Грамот и других письменных актов, принадлежащих Кубанскому Казачьему Войску... С. 298.
15. Там же. С. 298–299.
16. ПСЗ. Т. XXVII. 202156.
17. ПСЗ. Собр. II. 1827. № 1058.
18. *Фелицын Е.Д., Щербина Ф.А.* Указ. соч. С. 448.
19. Там же. С. 449.
20. Копии Императорских Грамот и других письменных актов, принадлежащих Кубанскому Казачьему Войску... С. 298.
21. ПСЗ. Т. XXVII. № 20156.
22. *Белозёрова Е.В.* Особенности вхождения казачьего офицерства Кубани в дворянское сословие Российской империи (конец XVIII – первая половина XIX в.). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.klio.3dn.ru/publ/16-1-0-50>.
23. Копии Императорских Грамот и других письменных актов, принадлежащих Кубанскому Казачьему Войску... С. 294–295.

24. Шевченко Г.Н. Указ. соч. С. 11.
25. См.: БСЭ. Т. XI. С. 124.
26. Феліцын Е.Д., Щербина Ф.А. Указ. соч. С. 168.
27. Там же. С. 170.
28. Ивченко И.В. Эволюция казачьего самоуправления на Кубани (на материалах законодательства) // Проблемы истории казачества. Волгоград, 1995. С. 30.

О.В. Мамвеев

ЗАБЫТЫЙ ЭПИЗОД СОТРУДНИЧЕСТВА КАЗАКОВ И ГОРЦЕВ

В освещении драматических последствий Кавказской войны, связанных с переселением горцев в Турцию, в современной литературе нередко по-прежнему делается акцент на вине России в этой трагедии. К примеру, И.Я. Куценко в своей последней книге без всяких оговорок утверждает: «Царской Россией было совершено чудовищное преступление против человечности – геноцид коренного населения Северо-Западного Кавказа» [1]. Но версия о геноциде горцев плохо вписывается в имеющиеся архивные свидетельства о бескорыстной помощи русских войск и властей горским переселенцам. В данной работе мы обратились к одному из эпизодов этого сотрудничества. Речь идет о событиях конца 1864 – начала 1865 гг., когда казаки станиц Адагумского полка протянули руку помощи абадзехам, терпевшим голод и лишения на берегу Цемесской бухты.

Временно командующий войсками Кубанской области генерал-лейтенант М.Я. Ольшевский в своем отзыве 5 декабря 1864 г. выделил следующие причины переселения горцев: «1) религиозные и племенные симпатии туземцев к ушедшим в Турцию их единоплеменникам и распространение между жителями туземных округов прокламации турецкого правительства; 2) опасение владельцев лишиться своих крестьян вследствие распространения между туземцами мысли о намерении нашего правительства ограничить крепостное право между ними; и 3) ограниченный земельный надел по 6 десятин на душу, определенный для туземцев Высочайше утвержденным положением о заселении предгорий Западного Кавказа» [2]. Русские власти также поначалу не препятствовали эмиграции горцев, «дабы, – по словам военного министра Д.А. Милютина, – отделаться от строптивого и неудобоправимого населения» [3]. К концу 1864 г. основная масса адыгов на русских и турецких пароходах покинула родину. Однако разыгравшаяся непогода, штормы помеша-

ли перевезти оставшиеся несколько тысяч абадзехов, сосредоточившихся на берегу Цемесской бухты. «Состояние горцев было довольно бедственно, – отмечал в своем рапорте от 10 января 1865 г. наказный атаман Кубанского казачьего войска граф Ф.Н. Сумароков-Эльстон, – долгое пребывание их на стуже у берега моря, без крова и пищи, довело многих из них до состояния расслабления [...], изнурительные поносы, худосочие и чесотка свирепствуют между ними, от первого из сих недугов более всего и было жертв» [4].

28 ноября 1864 г. генерал М.Я. Ольшевский распорядился разместить терпящих бедствие горцев в станицах Адагумского казачьего полка. «Я предписал генерал-лейтенанту Бабычу, на которого возложено отправление из наших портов горцев, желающих переселиться в сем году в Турцию, которые по каким-либо причинам не могут быть отправлены в Турцию и не успеют устроить себе на зиму шалашей или балаганов близ укр. Константиновского, а также находящихся в Новороссийском госпитале 120 душ по выздоровлении разместить в ближайших станицах вверенного Вам полка, – писал М.Я. Ольшевский командиру Адагумского казачьего полка полковнику П.И. Крюкову. – Сообщая об этом Вашему Высокоблагородию для надлежащего сведения и распоряжения, прошу со своей стороны принять возможные меры к успокоению этих бедняков, которые, по сведениям, находятся в самом жалком положении» [5]. Помимо этого предписания полковник Крюков получил распоряжение начальника Главного штаба Кавказской армии, который «по первому известию о случившемся» приказал «для продовольствия нуждающихся отпускать каждодневно по 2 фунта хлеба или по 7 коп. на каждого взрослого и по 1 фунту хлеба или по 4 коп. на ребенка до 7-летнего возраста» [6].

Полковник Прокофий Ильич Крюков родился 6 июля 1824 г., происходил «из казачьих детей бывшего Кавказского Линейного казачьего войска». Воспитание получил «при доме родителей», в службу вступил казаком в 1841 г., «за отличие против горцев» в 1845 г. произведен в офицеры. «За службу на Кавказе и преимущественно за боевую деятельность во время Кавказской войны пожалован в вечное потомственное владение» участком земли в 1 тыс. десятин [7]. П.И. Крюков являлся кавалером орденов Св. Анны 2-й степени и 3-й степени, Св. Станислава 2-й степени с мечами и 3-й степени, имел бронзовую медаль в память войны 1853–1856 гг. и серебряную медаль «За покорение Западного Кавказа 1859–1864 гг.», а также крест «За службу на Кавказе» [8]. Командиром Адагумского полка Прокофий Ильич был назначен 1 апреля 1862 г., одновременно с 4 июля 1862 г. он стал начальником Адагумской и Анапской кордонных линий [9]. Получив приказ о размещении горцев в станицах вверенного ему полка, командир адагумцев оказался в непростой ситуа-

ции. Население только что основанных станиц само едва сводило концы с концами, нуждалось в самом необходимом, в том числе и в кормовом довольствии, подвергалось воздействию непривычного климата и болезней. При этом казаки продолжали нести напряженную службу на кордонах, вели борьбу с остатками абадзехских и шапсугских отрядов, укрывшихся в горах и совершавших нападения на жителей новых станиц. Для взваливания на плечи станичных обществ новой обузы необходимо было получить согласие сходов. Однако П.И. Крюков крепко надеялся на человеколюбие своих казаков, и эти надежды вполне оправдались. В приказе по полку № 48 от 8 декабря 1864 г. говорилось: «Сотник Литвиненко рапортом от 8 декабря за № 450 донес мне, что общество Раевской станицы на полном сборе откликнулось заявлением своего согласия на принятие в свои дома страдающих горцев от холода в Новороссийске с высылкою подвод для поднятия имущества, но без обеспечения продовольствием вследствие своей бедности. Считая такое заявление со стороны жителей станицы Раевской добрым подвигом и отличным сочувствием к страданиям горцев, я объявляю мою искреннюю благодарность начальнику той станицы сотнику Литвиненко и всем жителям за их мужественное участие к спасению бедных людей от смерти» [10].

Сотник Илларион Алексеевич Литвиненко был боевым, выдавшим виды офицером. Он родился в 1825 г., происходил «из казачьих детей», воспитание получил «при доме родителей», являлся кавалером орденов Св. Анны 3-й степени, Св. Станислава 3-й степени, имел медали – бронзовую в память войны 1853–1856 гг. и серебряную «За покорение Западного Кавказа 1859–1864 гг.», а также крест «За службу на Кавказе». Начальником станицы Раевской Литвиненко был назначен 10 апреля 1863 г., а 6 декабря 1864 г. произведен в есаулы [11]. И.А. Литвиненко в своем рапорте командиру полка особо отметил, что казаки вверенной ему станицы «изъявили охотно желание взять по возможности жителей в дома свои семейства горцев» [12].

Подобные решения приняли сборы других станиц. 10 декабря 1864 г. начальник Анапской станицы и поселка Анапского сотник А.М. Друзякин докладывал командиру Адагумского полка: «Объявив сего числа на полных общественных сборах жителям вверенного Вам полка Анапской станицы и поселка полученный приказ по полку от 8 сего декабря за № 47 относительно подания руки помощи находящимся у Цемесской бухты горцам, переселяющимся в Турцию, доношу Вашему Высокоблагородию, что общество названной станицы и поселка единодушно изъявили свое искреннее желание к скорейшему исполнению благого распоряжения Вашего». Отмечая готовность «по доставке и размещению в своих собственных домах с обеспечением и в пище» горцев, сотник заключал: «Они (казаки. – О.М.) совершен-

но согласны с тем, что если бы при настоящей собственно их бедности, из-за этого доброго дела они поставили бы себя с семействами в какую-либо крайность, то все-таки благославляли бы распоряжение начальства и собственный труд, утешаясь тем, что свято исполнили долг христианской религии и отечественного закона» [13].

Андрей Михайлович Друзякин родился в 1830 г., происходил «из казачьих детей», образование получил в Екатеринодарском окружном училище. За участие в войне 1853–1856 гг. был награжден бронзовой медалью. Воинским начальником станицы Анапской и поселка Анапского А.М. Друзякин был назначен 12 мая 1863 г., а 29 февраля 1864 г. произведен в сотники [14]. Этот распорядительный офицер «с рассветом 12 декабря отправил 87 жительских подвод с подводными и приемщиком к Цемесской бухте, которые, прибыв к конечному пункту и взяв 121 семейство горцев в числе 302 душ мужескаго пола и женского 208, всего 510 душ, доставили 14 декабря в час пополудни в Анапскую станицу и поселок благополучно» [15]. Горцы были размещены, по словам сотника Друзякина, «на теплые квартиры, с обеспечением в подовольствии без ропота добрых жителей вверенной мне станицы и поселка» [16].

Вскоре к П.И. Крюкову поступил рапорт начальника станицы Гостагаевской от 11 декабря 1864 г., в котором сообщалось, что гости-гостевцы «изъявили совершенную готовность принять под кров свой бедствующих горцев-переселенцев, и некоторые из них по мере возможности пособят в довольствии» [17].

Начальник Нижнебаканской станицы сотник Тарасов доносил 13 декабря 1864 г.: «При собрании общества Нижнебаканской станицы было мною получено предписание Вашего Высокоблагородия, по которому согласились принять семейства горцев, находящихся в Новороссийске без защиты от холода, в свои дома, мною сего числа отправлено 15 подвод и урядник Сергей Павлюк для принятия горцев тридцати семейств» [18]. Николай Николаевич Тарасов родился 12 марта 1813 г., происходил из солдатских детей Ставропольской губернии. Имел бронзовую медаль на Андреевской ленте «в память минувшей войны 1853–1856 гг.». За свою долгую службу он не раз проявил себя усердным администратором, был поставлен во главе Витязевской греческой станицы, а 2 декабря 1864 г. назначен начальником станицы Нижнебаканской [19].

О выполнении христианского долга по отношению к бедствующим горцам писал 14 декабря 1864 г. и начальник станицы Крымской есаул Мирон: «Бедственное положение горцев в настоящее время в Новороссийске вызвало у каждого из жителей, иногородних лиц и отставных солдата полную готовность не только в перевозке 150 семейств в станицы, но готов каждый из них безропотно принять под свой кров и разделить по-христиански с погибающими горцами по

возможности кусок хлеба. А иногородние лица пожертвованием бедным казакам» [20].

Другим рапортом есаул Мирон сообщил, что «по желанию иногородних лиц сего числа (14 декабря. – О.М.) ими открыта подписка в пользу оказания помощи семействам горцев» [21]. Кроме того, для размещения абадзехов деятельный офицер распорядился освободить казачьи дома от постоя солдат: «Воинские чины и батальоны Крымского пехотного полка переведены с жилых квартир в казармы» [22]. Архивные документы сохранили скудные сведения об этом станичном начальнике. Александр Иванович Мирон родился 1 декабря 1833 г., происходил из потомственных дворян Кавказской области. Воспитание получил в Дворянском полку, из которого был выпущен в армию прапорщиком. За боевые заслуги имел орден Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом, бронзовую медаль в память войны 1853–1856 гг., крест «За службу на Кавказе». Начальником станицы Крымской есаул Мирон был назначен 16 ноября 1863 г. [23]. Уже 16 декабря 1864 г. стараниями Мирона в Крымскую были доставлены 147 семей горцев (730 человек) [24]. 8 января 1865 г. он писал полковнику Крюкову: «В пользу горцев, размещенных по квартирам в станице Крымской, торговцами пожертвовано: 200 аршин холста, 300 аршин ситцу и 2 штуки американу, которые розданы мною по указанию старшин самым бедным семействам горцев. Жители же станицы до получения кормовых денег сами до 1-го января оказывали горцам помощь в ежедневном пропитании без возврата им за это денег» [25].

16 декабря 1864 г. командиру Адагумского полка рапортовал начальник Неберджаевской станицы сотник Безкишный: «Приказ Вашего Высокоблагородия за № 47 был прочитан на полном общественном сборе, которое (так в тексте. – О.М.) радушно изъявило принять усердие в этом единовременном и бедственном положении горцев с объявлением желая поместить семейства в своих домах, а некоторые согласны давать вспомоществование» [26]. Гаврила Константинович Безкишный родился в 1822 г., происходил из дворян бывшего Черноморского войска. Воспитание получил при доме родителей. Имел бронзовую медаль на Андреевской ленте в память войны 1853–1856 г. 4 июля 1862 г. был назначен начальником Неберджаевской станицы, а 6 октября 1864 г. произведен в сотники [27].

К 16 декабря 1864 г. стараниями полковника Крюкова и его станичных начальников в станицах Адагумского полка было размещено 929 семейств горцев в количестве 5070 душ [28]. Казаки-адагумцы, по словам М.Я. Ольшевского, «высказали приязнь и человеколюбие, выслав необходимое количество подвод для своза имущества туземцев, назначенных к расквартированию между ними и дав им приют частью с своими семействами, а частью в особых домиках на жилых усадьбах» [29]. В приказе П.И. Крюкова по Адагумскому полку

№ 53 от 19 декабря 1864 г. говорилось: «По прибытии в Новороссийск 14 числа сего месяца по наблюдению за скорейшим вывозом оттуда бедных горцев я нашел, что жители станиц Крымской, Нижнебаканской, Неберджаевской, Натухайской, Верхнебаканской и Новороссийской в одно время с другими поставили назначенное приказом по полку за № 47 число подвод, и что подъем багажа горцев окончен в течение трех дней.

Благодаря искренне за успешное выполнение такового прибывших начальников станиц есаула Мирова, сотников Тарасова и Безкишного, есаулов Непокупного и Поночовного, я прошу передать мою благодарность всем жителям и иногородним купцам и остальным чинам станиц Крымской и Анапского поселка за их участие в посильном пособии бедным» [30].

Несколько слов об упомянутых в этом приказе есаулах Непокупном и Поночовном. Андрей Иванович Непокупный родился в 1823 г., происходил из «обер-офицерских детей Кубанского казачьего войска», воспитание получил при доме родителей. «За отличие против горцев» награжден 17 июля 1864 г. орденом Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом, кроме того, имел орден Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом и бронзовую медаль на Андреевской ленте в память войны 1853–1856 гг. [31]. 1 мая 1863 г. есаул Непокупный был назначен начальником станицы Верхнебаканской [32]. Иосиф Михайлович Поночовный родился в 1818 г., происходил «из дворян Кубанского казачьего войска», воспитывался при доме родителей. Являлся кавалером ордена Св. Анны 3-й степени, имел бронзовую медаль в память войны 1853–1856 гг., серебряную медаль «За покорение Западного Кавказа в 1859–1864 гг.» и крест «За службу на Кавказе». 24 мая 1862 г. есаул Поночовный был назначен начальником станицы Равеской, а 10 апреля 1863 г. – начальником станицы Новороссийской, которую возглавлял до 1869 г. [33]. Его сын Михаил Иосифович Поночовный стал выдающимся географом, педагогом и общественным деятелем Кубани, автором многих работ, посвященных проблемам садоводства, виноградарства и виноделия [34].

Размещение горцев в станицах Адагумского полка потребовало немало хлопот. Сами офицеры подавали казакам пример радушия и человеколюбия. Так, на квартире полковника П.И. Крюкова нашли при-станище старшина Магомет-Ефенди, 32 лет, его жены: Бзегош, 25 лет, и Пашко, 24 года, сын Ханчук, 8 лет, дочери Хана, 13 лет, и 3-летняя Хаку. Кроме того, Крюков принял в свой дом брата Магомета-Ефенди Ильбуса, 30 лет, детей-сирот – 4-летнего Тугуза и двухлетнюю Како. Кроме того, у командира полка расположились горец Мустафа, 25 лет, Гаша, 30 лет, их дети: 3-летний сын Бигослан, 6-летняя Гошодним и 16-летняя Загайде. Здесь же, в доме Крюкова расположилась семья старшины Феуха: сам 28-летний глава семьи, его жена Чемчук, 20 лет,

годовалый сын Нашху, 15-летняя сестра Феуха – Хачсу и 20-летний брат Эслан [35].

Сотник Друзякин принял в свой дом 2 семьи: Умар, 30 лет, жена его Гос, 30 лет, 4-летний сын Хонтук и дочери – Хавизе, 7 лет, и Цац, 16 лет. Кроме того, здесь поселились братья Умара: Тугуз, 26 лет, Начьхо, 24 года, и Самит, 28 лет, а также старшина Темрюк, 36 лет, и его братья Мустафа, 30 лет, и Эдиге, 25 лет [36]. Не отставали от своих офицеров и казаки. У казака поселка Анапского Федора Порохни нашел приют Текуз, 50 лет, жена его Машох, 40 лет, сыновья Магомет, 20 лет, Тизак, 17 лет, Есуф, 10 лет, Тагир, 8 лет, дочери: Сасе, 15 лет, Хажекуз, 12 лет, Тух, 10 лет, Ханекуз, 8 лет, Аземчегаз, 5 лет [37]. В станице Анапской у казака Тимофея Бойко разместились Абаз, 40 лет, его сын Камергуй, 8 лет, брат Пуху, 35 лет, отец Сосхан, 71 год, жена отца Цукузу, 35 лет, их дочери: Сосхун, 8 лет, Камухан, 4 года, и Катыш, 16 лет [38]. Сходная ситуация имела место и в других станицах Адагумского полка. Командование старалось как можно лучше устроить горцев. 23 декабря 1864 г. граф Ф.Н. Сумароков-Эльстон писал полковнику Крюкову: «Зная также из донесения Вашего, что семейства горцев помещены в двух отдельных казармах и имея в виду, что таковое помещение их крайне неудобно, потому что переселенцы от неимения у себя ни посуды, в которой бы могли приготовить пищу, ни рабочего скота для подвоза дров будут находиться в безвыходном положении, а потому прошу Вас устранить это затруднение по своему усмотрению или, что будет удобнее, разместить их по квартирам у жителей той станицы» [39].

Вторая проблема, которая встала перед командованием Адагумского полка после размещения абадзехских семейств – как прокормить такую массу людей. Ф.Н. Сумароков-Эльстон сообщал 10 января 1865 г. начальнику Главного штаба Кавказской армии: «Казаки, приняв их (абадзехов. – О.М.) с большой готовностью, но по скудному урожаю не в состоянии для них много сделать, а потому помощь, оказанная им от казны, как нельзя более необходима. Бедность этих горцев, можно сказать, общая, так что число семейств, имеющих возможность обеспечить себя от голода собственными средствами, крайне незначительное» [40].

Все горцы, разместившиеся в станицах Адагумского полка, «изъявили желание получить вместо провианта кормовые деньги» [41]. 22 января 1865 г. полковник Крюков писал генерал-лейтенанту М.Я. Ольшевскому: «Объехав станицы вверенного мне полка, где расположены горцы, и найдя: что только в Крымской, Неберджаевской и Нижнебаканской выданы по 1 января кормовые деньги и что все горцы в других станицах, заявив также желание получать на довольствие кормовые деньги, крайне в том нуждаются, я предписал отпускать начальникам станиц по квитанции то количество денег из полковых

сумм, которые они требовали по 1 января на основании выданных свидетельств» [42].

Для сбора пропитания горцы отпускались в родные аулы. Начальник станицы Неберджаевской сотник Безкишный писал 20 января 1865 г. командиру Адагумского полка: «Владелец Абадзехского племени, расположенный со ста семействами на зимних квартирах во вверенной Неберджаевской станице, князь Мостафа Боаше с четырьмя простыми черкесами имеет крайнюю надобность побывать у родственников своих, оставшихся в Бжедуховском округе для покупки у них хлеба, просит на это от кого следует на время поездки разрешения. Донося о сем Вашему Высокоблагородию, покорнейше прошу выдать прописанному князю Мустафе Боаше с 4-мя черкесами свидетельство сроком на один месяц» [43]. Разрешение на увольнение Мустафы Боаше с четырьмя спутниками «в Бжедуховский округ на свидание с родственниками» последовало 15 февраля 1865 г. [44]. Но 3 марта 1865 г. начальник управления Бжедуховского округа докладывал наказному атаману Кубанского казачьего войска: «По распросам у жителей вверенного мне округа оказалось, что находящийся на зимовье в станице Неберджаевской Абадзехского племени князь Мустафа Боаше не имеет никаких родственников в Бжедуховском округе» [45]. Вероятно, вместо закупки продовольствия Мустафа со своими соратниками занялся привычным разбойным промыслом в окрестных станицах. Набеги и кражи скота со стороны разместившихся на зиму горцев приняли такой массовый характер, что начальство станиц вынуждено было усилить контроль. 23 декабря 1864 г. полковник Крюков писал заведующему переселением горцев подполковнику Закржевскому: «Начальник Раевской станицы рапортом от 19 декабря за № 473 донес, что находящиеся у Константиновской бухты лагерем горцы приходят шайками в станицу под видом спрошения хлеба, а между тем совершают воровство лошадей и рогатого скота, а потому просит распоряжения к устранению подобных проишествий.

Сделав вместе с сим распоряжение высылать от местных сотен разъезды днем и ночью и сообщая об этом Вашему Высокоблагородию, покорнейше прошу распоряжения Вашего, чтобы горцы, находящиеся у Константиновской бухты, отнюдь из лагеря ночью не отпускались, а уволенные днем возвращались бы обратно засветло в лагерь или ночевали бы в станицах» [46].

Сразу же встали проблемы управления такой массой людей, возникли трудности, связанные с языковым барьером. Граф Ф.Н. Сумароков-Эльстон докладывал, что «для соблюдения внутреннего порядка и ограждения как их, так и казаков от случайностей, столкновений, горцы сложились обществом в каждой станице и выбрали старшин» [47]. В предписании заведующего переселением горцев в Турцию

подполковника Закржевского от 25 декабря 1864 г. выражалась озабоченность к ограждению «от столкновений»: «Попросите жителей обходиться с горцами как можно ласковей, а старшинам прикажите внушать постоянно переселенцам, чтобы они вели себя хорошо и помогали бы в трудах хозяевам, которые, видя их усердие, не пожалеют улучшить для нас приварок пищи» [48].

Для общения и разбора жалоб горцев катастрофически не хватало людей, знавших черкесский язык. 15 декабря 1864 г. полковник Крюков писал начальнику Суворовского поселка, где жили казаки-черкесы: «Независимо от высланных вами трех переводчиков, вместе с сим отправленных в Раевскую, Верхнебаканскую и Натухаевскую станицы, прошу Вас выслать еще трех человек для Гостагаевской, Анапской и Анапского поселка, присовокупив, что переводчики эти будут довольствоваться пищею станичных начальников» [49].

Однако 9 февраля 1865 г. начальник Натухаевской станицы есаул Мирошников докладывал: «С начала водворения на зимние квартиры горцев Абадзехского племени во вверенной мне станице и по настоящее время переводчика не имеется, а если бывает необходима надобность как то при составлении именного списка требовать на кормовое довольствие им, и для узнания, сколько умерло и народилось и каких имен, то по просьбе моей князь Мустафа Боаше посылает сына своего в аул, расположенный близ станицы Крымской (Худеко) к сотнику Караугаку, и тогда является переводчик на два или три дня и опять отправляется в свой аул.

Донося об этом Вашему Высокоблагородию, покорнейше прошу сделать распоряжение о высылке в станицу Натухаевскую переводчика, так как без него я терплю сильное затруднение в разбирательстве жалоб и просьб в чем-либо, а в особенности в отправлении горцев в госпиталь» [50]. Николай Фомич Мирошников происходил из купеческих детей Черниговской губернии. Он родился в 1824 г., образование получил в Новгород-Северской губернии, в службу вступил рядовым в 1845 г. В 1851 г. за отличие против горцев был награжден Георгиевским крестом, а в 1855 г. за отличие против горцев произведен в прапорщики. Начальником станицы Натухаевской Мирошников был назначен 3 декабря 1862 г. В начале 1864 г. он был зачислен в Кубанское казачье войско с переименованием в сотники. Николай Фомич являлся кавалером орденов Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость», Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом, имел знак отличия военного ордена Св. Георгия, бронзовую медаль в память войны 1853–1856 гг. и серебряную медаль «За покорение Западного Кавказа 1859–1864 гг.», крест «За службу на Кавказе» [51].

Очень непросто было обеспечить и лечение горцев, заболевших на открытом продуваемом пространстве Цемесской бухты. Полковник Крюков требовал отправлять больных горцев в лазареты и стро-

го спрашивал за неисполнение своих распоряжений. Еще 15 декабря 1864 г. он писал прикомандированному к Адагумскому полку уряднику из дворян Спицыну: «Завдывающий горцами в Новороссийске подполковник Закржевский рапортом от 14-го сего декабря за № 163 донес, что при подъеме первым транспортом ст. Раевской 110 семейств горцев Абадзехского племени Вы объяснили ему, что больных не было ни одной души, и и что этим и доказывали, что в лагере горцев не существует никакой болезни. Между тем, вчера осмотрев в ст. Раевской размещенных по жителям горцев, я нашел много больных и три души умерших. В пояснении сего предписываю Вам донести мне: были ли больные в этом транспорте; если были, то почему их не сдали в здешний госпиталь, и действительно ли Вы докладывали подполковнику Закржевскому, что не было ни одной души больных» [52]. Спицын в свое оправдание сослался на находившихся вместе с ним докторов Крейца и Тихоновича-Мищенко, которые «всех принятых мною горцев признали неимеющими особых болезней кроме того, что как многих из них нашли слабыми от недостатка пищи и потерпевшими от холода, равно и по прибытии в станицу я сдал их благополучно и умерших в дороге не было» [53].

Начальник штаба Кубанского казачьего войска также требовал «одному из полковых медиков находиться в центре станиц, в которых будут расквартированы они (абадзехи. – О.М.) и тех из них, которые будут требовать радикального лечения, отправлять в ближайшие лазареты или госпитали, выставляя под своз больных обывательские подводы» [54].

Однако тяжкие испытания и болезни, выпавшие на долю абадзехов в холодную и голодную зиму конца 1864 г., продолжали уносить жизни горцев. Если первая перепись 16 декабря 1864 г. зафиксировала 5070 горцев, размещенных в станицах Адагумского казачьего полка, то «последующая перепись (на 10 января 1865 г. – О.М.), в продолжение которой, впрочем, было значительное число умерших, обозначила число это окончательно в 4660 душ» [55]. Особенно много умерших было в станице Гостагаевской. Однако вряд ли справедливо винить русские власти, как это делает И.Я. Куценко, в том, что «умерли от инфекций не тысяча, а многие десятки тысяч мужчин, женщин, детей» [56]. Командование Адагумского полка делало все от него зависящее, чтобы ликвидировать последствия гуманитарной катастрофы. Вместе с горцами воздействием тяжелых недугов стали испытывать и приютившие абадзехов казаки. Поэтому полковник П.И. Крюков постоянно требовал соблюдения карантинных мер, отделения больных людей от здоровых. 12 января 1865 г. он писал Гостагаевскому станичному правлению: «Заведующий лазаретом Адагумского полка рапортом от 10 сего января за № 6 донес, что из станиц Гостагаевской, Натухайской, Анапской и Анапского поселка доставляются боль-

ные, одержимые тифозною горячкою, в особенности горцы, которые не всегда соглашаются разъединяться с здоровыми членами семейства, что бывает причиною порчи комнатного воздуха вследствие зловонного отделения по большей части от поносных больных; а потому просит, чтобы станичные начальники приняли самые энергические меры к безотлагательному отправлению больных в ближайшее лечебное заведение как горского племени, так равно и жителей Адагумского полка» [57]. Командир полка предписывал Гостагаевскому станичному правлению «строго наблюдать, чтобы все заболевающие горского племени и жители были немедленно отправлены в полковой лазарет для пользования мощцей развиться сильной болезни в станице, в противном случае станичные правители за несоблюдение сего будут подвергнуты строгому взысканию» [58].

Усилия русских властей не пропали даром. Генерал-лейтенант Ф.Н. Сумароков-Эльстон докладывал 10 января 1865 г. в Главный штаб Кавказской армии, что горцы «быстро поправляются, и утешительно думать, что пребывание их на зиму в наших станицах восстановит многих, которые неминуемо погибли бы в Турции. Трудно думать, чтобы они могли выдержать переезд морем в суровое время года в том состоянии, в котором я их нашел» [59].

Начальство станиц Адагумского полка старалось исправлять оплошности, допущенные при учете горцев, поставленных на довольствие. Среди документов полкового правления встречается немало прошений станичных начальников о выдаче свидетельств на кормовое довольствие горцам, оказавшимся пропущенными в ведомостях, а также на родившихся у них младенцев. Так, 31 января 1865 г. начальник ст. Натухайской сотник Мирошников сообщал в полковое правление Адагумского казачьего полка: «У горца Абадзехского племени Меретука Тлемафа, квартирующего в станице Натухайской, 28 января сего года родилась дочь Казархан. Донося о сем Полковому правлению, имею честь покорнейше просить распоряжения о высылке аттестата на денежное довольствие, следующее новорожденной Казархан» [60].

Радушный прием, оказанный станичниками, а также известия о страданиях махаджиров в Турции заставили многих абадзехов остаться на родине. А.П. Берже в работе о выселении горцев с Кавказа, опубликованной впервые в 1881 г. в журнале «Русская старина», отмечал, что «многие из бедных отказались от переселения в Турцию, а водворились в Крымской станице и Анапском поселке» [61]. Атаман Кубанского казачьего войска Ф.Н. Сумароков-Эльстон писал 10 января 1865 г.: «Я разрешил круглых сирот казачьим семействам усыновлять и многие при мне же разобрали, равно и крестьяне более бедных черкесов изъявили желание отказаться от переселения, что я равномерно допустил согласно воле Его Высочества. В ст-це Крымской и в

Анапском поселке торгующие отпустили бедным черкесам бязи и ситцу для пошива женщинам и детям рубах и платий» [62]. В делах Адагумского казачьего полка встречаются сведения о розысках горцами, оставшимися на Кубани, своих родственников, стремившихся в Турцию и оставшихся зимовать в станицах. Так, 4 марта 1865 г. полковой командир сообщил Гостагаевскому станичному правлению: «Начальник Нижнелабинского участка от 28 января за № 91 просит о розыске горца Абадзехского племени Гусенко Пеленокова с семейством, квартирующего в станице Адагумского полка, спросить, не изъявит ли он желание возвратиться на прежнее жительство к дочери своей, находящейся у него на воспитании» [63].

Остальные горцы были отправлены в мае 1865 г. на турецких пароходах в Османскую империю [64]. Однако факты бескорыстной помощи со стороны казаков Адагумского полка абадзехам, оказавшимся в условиях гуманитарной катастрофы, позволяют скорректировать утверждения И.Я. Куценко о «жестокости русских колонизаторов, массовом насильственном переселении черкесов в Турцию, опустошении их земель» [65]. Ф.Н. Сумароков-Эльстон, лично объехавший станицы, где абадзехи спасались от голода и холода, беседовал с многими горцами. «По распросам моим я убедился, – писал атаман, – что они очень благодарны за приют, предоставленный им казаками» [66]. «Справедливость такого радушия со стороны казаков, – отмечал А.П. Берже, – свидетельствуется донесением наместнику Кавказскому комиссара, назначенного турецким правительством по делу переселения горцев, Хаджи-Гейдук-Хасан-ефендия, в котором он красноречиво излагает благодарность горцев» [67]. Схожая оценка содержится в мемуарах Д.А. Милотина: «Казаки высказали при этом замечательное добродушие и человеколюбие: не только дали охотно убежища прежним своим неукротимым врагам, но снабжали их пищей и платьем. Заботы русского населения и русского начальства об облегчении участи несчастных, покидавших свою родину, были оценены даже турками. По крайней мере, находившийся на месте амбаркации горцев агент турецкого правительства, сам родом шапсуг, свидетельствовал к великому князю главнокомандующему о попечительности русского начальства, человеколюбием которого спасено от гибели много несчастных горцев» [68].

Мы видим, что даже в истории Кавказской войны имеются страницы, сближавшие наши народы, эпизоды сотрудничества, которые сложнее, богаче и многообразнее любых идеологических штампов. Изучение этих событий требует не скороспелых пропагандистских сочинений, а кропотливой работы с источниками, без обвинений и покаяний. Во взаимоотношениях между людьми, представлявшими враждебные лагеря в кавказском противостоянии, не раз действовали понятные для всех народов человеческие добродетели – челове-

колюбие, взаимоуважение, чувство благодарности. Отражая состояние и потребности души казаков и горцев, эти качества приобретали особый смысл на фоне неизменных спутников лобой войны – грязи, жестокости и вероломства. Трогательные примеры бескорыстной помощи казаков-адагумцев своим недавним противникам контрастно сочетались с драматической повседневною присоединения Западного Кавказа.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. *Куценко И.Я.* Правда и кривда. Нальчик, 2007. С. 79.
2. Проблемы Кавказской войны и выселение черкесов в пределы Османской империи (20-е – 70-е гг. XIX в.): сборник архивных документов / под ред. Т.Х. Кумыкова. Нальчик, 2001. С. 341.
3. *Милютин Д.А.* Воспоминания 1863–1864 / под ред. Л.Г. Захаровой. М., 2003. С. 355.
4. Архивные материалы о Кавказской войне и выселении черкесов (адыгов) в Турцию (1848–1874) / под ред. Т.Х. Кумыкова. Нальчик, 2003. Ч. 2. С. 282.
5. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 350. Оп. 1. Д. 251. Л. 1. – 1 об.
6. Трагические последствия Кавказской войны для адыгов. Вторая половина XIX – XX века: сборник документов и материалов / под ред. Р.У. Туганова. – Нальчик, 2000. С. 143.
7. ГАКК. Ф. 396. Оп. 2. Д. 246. Л. 3 об.
8. Там же. Л. 1.
9. Там же. Л. 3 об.
10. ГАКК. Ф. 350. Оп. 2. Д. 256. Л. 31 об.
11. ГАКК. Ф. 396. Оп. 2. Д. 246. Л. 49.
12. ГАКК. Ф. 350. Оп. 1. Д. 251. Л. 20 об.
13. Там же. Л. 33–33 об.
14. ГАКК. Ф. 396. Оп. 2. Д. 220. Л. 380.
15. ГАКК. Ф. 350. Оп. 1. Д. 252. Л. 12 – 12 об.
16. Там же. Л. 12 об.
17. ГАКК. Ф. 350. Оп. 1. Д. 251. Л. 32.
18. Там же. Л. 68.
19. ГАКК. Ф. 396. Оп. 2. Д. 220. Л. 1376.
20. ГАКК. Ф. 350. Оп. 1. Д. 251. Л. 67.
21. Там же. Л. 115.
22. Там же.
23. ГАКК. Ф. 396. Оп. 2. Д. 246. Л. 14 об.
24. ГАКК. Ф. 350. Оп. 1. Д. 252. Л. 41.
25. Там же. Л. 94.
26. ГАКК. Ф. 350. Оп. 1. Д. 251. Л. 91 об.
27. ГАКК. Ф. 396. Оп. 2. Д. 220. Л. 33.
28. ГАКК. Ф. 350. Оп. 1. Д. 251. Л. 82.
29. Проблемы Кавказской войны и выселение черкесов в пределы Османской империи... С. 350.
30. ГАКК. Ф. 350. Оп. 1. Д. 251. Л. 92.
31. ГАКК. Ф. 396. Оп. 2. Д. 222. Л. 661.
32. Там же. Л. 662 об.

33. ГАКК. Ф. 396. Оп. 2. Д. 246. Л. 21–22 об.
34. *Бридня О.П.* М.И. Поночовный (1859–1931 гг.): Историко-биографический очерк. Краснодар, 2001. С. 5.
35. ГАКК. Ф. 350. Оп. 1. Д. 252. Л. 16.
36. Там же. Л. 16 об.
37. Там же. Л. 19.
38. Там же. Л. 26 об.
39. ГАКК. Ф. 350. Оп. 1. Д. 251. Л. 136.
40. Архивные материалы о Кавказской войне и выселении черкесов (адыгов) в Турцию... С. 282.
41. ГАКК. Ф. 350. Оп. 1. Д. 251. Л. 140 об.
42. Там же. Л. 145 об.
43. Там же. Л. 154.
44. Там же. Л. 183.
45. Там же. Л. 206.
46. Там же. Л. 103.
47. Архивные материалы о Кавказской войне и выселении черкесов (адыгов) в Турцию... С. 283.
48. ГАКК. Ф. 350. Оп. 1. Д. 252. Л. 68 об. – 69.
49. ГАКК. Ф. 350. Оп. 1. Д. 251. Л. 75.
50. Там же. Л. 163.
51. ГАКК. Ф. 396. Оп. 2. Д. 246. Л. 75.
52. ГАКК. Ф. 350. Оп. 1. Д. 251. Л. 47.
53. Там же. Л. 48.
54. Там же. Л. 53.
55. Архивные материалы о Кавказской войне и выселении черкесов (адыгов) в Турцию... С. 282.
56. *Куценко И.Я.* Указ. соч. С. 138.
57. ГАКК. Ф. 350. Оп. 1. Д. 259. Л. 11–11 об.
58. Там же. Л. 11 об. – 12.
59. Архивные материалы о Кавказской войне и выселении черкесов (адыгов) в Турцию... С. 283.
60. ГАКК. Ф. 350. Оп. 1. Д. 338. Л. 12.
61. *Берже А.П.* Выселение горцев с Кавказа // Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа / под ред. У. Туганова. Нальчик, 2001. С. 314.
62. Архивные материалы о Кавказской войне и выселении черкесов (адыгов) в Турцию... С. 283.
63. ГАКК. Ф. 350. Оп. 1. Д. 251. Л. 197.
64. Там же. Л. 206.
65. *Куценко И.Я.* Указ. соч. С. 73.
66. Архивные материалы о Кавказской войне и выселении черкесов (адыгов) в Турцию... С. 282.
67. *Берже Ад.П.* Указ. соч. С. 314.
68. *Милютин Д.А.* Указ. соч. С. 510.

**П.П. КОРОЛЕНКО О РОССИЙСКОЙ
КОЛОНИЗАЦИИ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА**

Северо-Западный Кавказ с момента его освоения человеком до настоящего времени привлекает к себе внимание исследователей не только благодатным климатом и богатейшими природными условиями, но и значимостью для государственной экономики, своеобразием социальной и этнической структуры, богатством и яркостью историко-культурного наследия. Изучение истории региона профессионалами и краеведами, начало которого связывают с переселением запорожцев и донцов в Прикубанье на рубеже XVIII–XIX вв., имеет устойчивые и многоплановые традиции [1].

Одним из выдающихся исследователей истории Северо-Западного Кавказа был архивариус войскового архива Кубанского казачьего войска Прокофий Петрович Короленко (1834–1912 гг.). Родился он в станице Павловской в семье черноморского казака. Получив домашнее образование, службу начинал рядовым казаком [2]. Его перу принадлежат более тридцати работ, посвященных российской колонизации Северо-Западного Кавказа: «Черноморцы» (СПб., 1874), «200-летию Кубанского казачьего войска» (Харьков, 1896), «Некрасовские казаки» (Екатеринодар, 1899), «Первоначальное заселение черноморскими казаками Кубанской земли» (Известия общества любителей изучения Кубанской области. Екатеринодар, 1899. Вып. 1), «Атаманы бывшего Черноморского (ныне Кубанского) казачьего войска» (Кубанский сборник. Екатеринодар, 1891. Т. 2), «Горские поселенцы в Черномории» (Известия общества любителей изучения Кубанской области. Екатеринодар, 1902. Вып. 3), «Турецкие эмигранты в Кубанской области» (Кубанский сборник. Екатеринодар, 1905. Т. 11), «Материалы по истории Кубанского казачьего войска» (Кубанский сборник. Екатеринодар, 1908. Т. 13), «Переселение казаков за Кубань. Русская колонизация на Западном Кавказе» (Кубанский сборник. Екатеринодар, 1911. Т. 16) и др.

На протяжении всей научной деятельности П.П. Короленко состоял членом пяти научных обществ: Общества любителей изучения Кубанской области (ОЛИКО), Кубанского областного статистического комитета (КОСК), Одесского общества истории и древностей (ООИД), Харьковского историко-филологического общества (КИФО), Таврической Ученой Архивной комиссии (ТУАК).

В 1879 г. был организован и начал работу КОСК. Значительная часть его научно-краеведческой деятельности была связана с исторической проблематикой. В комитете работали известные историки-

краеведы Ф.А. Щербина, Е.Д. Фелицын, В.С. Шамрай и др. По данным адрес-календаря Кубанской области, Короленко занимал должность помощника председателя и был почетным членом комитета [3]. С начала работы комитет стал регулярно выпускать «Кубанские сборники» и «Кубанские календари». В 1911 г. в «Кубанском сборнике» была опубликована одна из лучших работ историка, посвященная переселению казаков за Кубань [4].

В 1897 г. в Екатеринодаре было создано ОЛИКО. В работе общества была заметна деятельность товарища председателя правления П.П. Короленко. По воспоминаниям Б.М. Городецкого, «это человеку уже почтенного возраста, всегда задумчивый и малоразговорчивый» [5]. По инициативе Короленко ОЛИКО проделало большую работу по сохранению и перевозке в Екатеринодар станичных архивов [6]. В декабре 1899 г. Прокофием Петровичем на заседании общества был прочитан доклад «О необходимости собирания архивных материалов по истории Кубанских казаков». Историк эту проблему остро чувствовал, так как сам был архивариусом. На XII Археологическом съезде в Харькове в 1902 г. им был прочитан доклад «Войсковой архив Кубанского казачьего войска», вызвавший огромный интерес [7]. Как видный деятель, внесший вклад в изучение истории края, П.П. Короленко в мае 1900 г. был избран почетным членом ОЛИКО [8]. По просьбе правления общества Короленко написал труды «Первоначальное заселение черноморскими казаками Кубанской земли», «Екатеринодарский войсковой сбор», «Горские поселенцы в Черномории» и др. [9]. Характерной чертой исторических исследований П.П. Короленко является то, что они базируются на богатейшем архивном материале.

В работе «Первоначальное заселение черноморскими казаками Кубанской земли» Короленко подчеркивает, что в 1792 г. российское правительство приступает к практической реализации плана военно-казачьей колонизации Правобережной Кубани. Его составной частью являлось переселение черноморских казаков на остров Тамань, формально пожалованный войску еще в январе 1788 г. Однако делегация черноморцев, отправленная в марте 1792 г. в Санкт-Петербург, ходатайствовала о выделении большего количества земель. Вместо скромной Тамани войско претендовало на земли всего Кубанского края между двух морей до донских пределов и Моздокской линии. На весну 1792 г. было намечено передвижение казачьих судов на Тамань. Но в мае поступило донесение от генерала-аншефа Коховского с подробным описанием Тамани, в котором отмечалось, что этих земель для Черноморского войска будет явно недостаточно. В результате высочайшей грамотой от 30 июня 1792 г. войску Черноморскому в вечное владение пожаловали «остров Фанагорию, со всей землей, лежащей на правой стороне Кубани, от устья ее к Усть-Лабинскому реду, так чтобы с одной стороны р. Кубань, с другой

же Азовское море до Ейского городка служили границей войсковой земли» [10].

Проект о переселении казаков на Кубань, по мнению П.П. Короленко, преследовал несколько целей: во-первых, черноморские казаки сменяли русские регулярные полки на южных рубежах, где русские помещики неохотно брались за освоение земель, ибо постоянно над ними витала угроза со стороны турок и адыгов Северо-Западного Кавказа; во-вторых, царизм устранял с Украины беспокойный казачий элемент, который еще не утратил былых традиций запорожской вольницы и причинял немало неприятностей местным помещикам и петербургской знати; в-третьих, имперское правительство надеялось, что казаки, поставленные в совершенно другие условия, будут вынуждены усердно нести пограничную службу на Кубани уже хотя бы потому, что им придется защищать от набегов свои семьи, свои казачьи селения и что в новом колонизируемом крае от бывшей запорожской строптивости не останется и следа [11].

П.П. Короленко рассматривает переселение черноморцев на Кубань под командованием капитан-бригадира П. Пустошкина, войскового полковника К. Кордовского, атамана З. Чепеги, войскового судьи А. Головатого, полковников И. Юзбаша и Л. Тиховского, А. Шульги, полкового есаула Черненко, полкового хорунжего Орлова и войскового есаула Сутыги по двум направлениям: через Тамань и с севера через р. Ею. Первые 38 черноморских куреня получили прежние, Сечевые названия. Общее число переселенцев-казаков в Черномории к концу 1794 г. составило 25 тысяч человек [12]. Вместе с тем текучесть казачества в Черномории была довольно значительной. Это объяснялось и трудностями процесса переселения, и очень большими потерями в результате болезней и стычек с адыгами. П.П. Короленко отмечает, что убийственный климат прикубанских болот, высокая влажность воздуха, обилие комаров и как следствие — повальные эпидемии малярии среди поселенцев, пустынная местность, безлюдье, отсутствие путей сообщения с населенными местностями убивали дух черноморцев, изнуренных и обедневших далеким переселением. По далеко неполным данным эти потери определялись 15% всего населения и без того немногочисленного края [13].

Вместе с тем расселение казачества на землях Северо-Западного Кавказа возрастало. Несмотря на то, что целью поселения казаков в регионе была охрана границы, каковой являлось течение р. Кубань, черноморцы не сбились исключительно к этой реке, а расселились по всей «пожалованной» им территории от Кубани до Еи. Приходившие в последствии казаки размещались или по первым 40 куреням или по новым, учреждавшимся смотря по надобности.

В предисловии к работе «Переселение казаков за Кубань. Русская колонизация на Западном Кавказе» П.П. Короленко подчеркивает, что

цель его труда – «собрать возможно более материалов о переселении казаков Кубанского войска в Закубанский край и выяснить те события, какие происходили при этом переселении» [14]. При этом автор опирается на документы, добытые им в течении сорока девяти лет. Автор скрупулезно анализирует основные проекты колонизации Закубанья, как реализованные, так и несбывшиеся, уделяя особое внимание инициативам генералов А.И. Баратинского, Д.А. Милотина, Н.И. Евдокимова по усилению темпов колонизации «русским элементом» закубанских земель.

Переселенцев ожидали трудности, связанные с неудобным расположением станиц. Нередко отсутствовал даже колесный путь к станице, царило бездорожье. Трудно было подвести провиант, особенно в горной местности. Хлебопашество возможно было лишь на низменных местах, в основном в ущельях горных рек. Горные реки во время сильных дождей, выходя из берегов, уносили весь необрушенный хлеб и заготовленное сено новоселов. Из-за недостатка корма, перемены климата и диких зверей наблюдался значительный падеж рогатого скота. Изнуряли переселенцев сильнейшие неурожаи в горной местности. Слабое питание, непривычный климат, уныние и тоска от безотрадной жизни часто вели к болезням и смерти новоселов. Особенно тяжелым было положение станиц, основанных у морских берегов. Зная о таких бедствиях, некоторые из переселенцев, дойдя до предгорий, не хотели идти далее в горы, но местное начальство «не церемонилось уже с такими и гнало их насильно в те места, которые были уже им назначены для постоянного места жительства» [15].

Несмотря на трудности и лишения, 1861–1864 гг. были временем усиленной колонизации Северо-Западного Кавказа, стремящейся не только охватить весь край, но и «очистить» труднодоступные его части от адыгов. Всего с 1861 по 1865 гг. в Закубанский край было переселено до 16 000 семейств, то есть почти столько, сколько требовалось «Положением о заселении предгорий Западной части Кавказского хребта Кубанскими казаками и другими переселенцами из России» (17 000 семейств) [16].

П.П. Короленко отмечает, что с занятием предгорий Кавказа заканчивается военно-казачья колонизация исследуемого региона. Дальнейшее расселение казачества по краю является уже результатом внутреннего перераспределения наличного населения. Российское правительство, осуществляя политику военно-казачьей колонизации, стремилось создать для себя на Северо-Западном Кавказе не только прочную социальную базу, но и иметь постоянный источник военных сил для дальнейшего укрепления своего политического и экономического положения в этом регионе. П.П. Короленко называет казаков «вечными пионерами русских окраин» [17].

П.П. Короленко внес существенный вклад в исследование истории колонизации Северо-Западного Кавказа. Главным достоинством его трудов является накопленный им огромный фактический материал, что позволяет относиться к ним как к самостоятельному историческому источнику.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. История Кубани: Библиографический указатель литературы, вышедшей в досоветский период. Краснодар, 1992.
2. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 670. Оп. 1. Д. 19. Л.л. 17,18.
3. Адрес-календарь // Кубанский календарь на 1898 г. Екатеринодар, 1898. С. 39.
4. *Короленко П.П.* Переселение казаков за Кубань. Русская колонизация на Западном Кавказе // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1911. Т. 16. С. 265–576.
5. *Городецкий Б.М.* Общество любителей изучения Кубанской области за 25 лет существования (1897 – 16 октября 1922) // Известия ОЛИКО. Краснодар, 1922. Вып. VII. С. 12.
6. Там же. С. 15.
7. *Короленко П.П.* Войсковой архив Кубанского казачьего войска // Труды Археологического съезда в Харькове 1902 г. М., 1905. С. 63–92.
8. Протоколы заседаний ОЛИКО // Известия ОЛИКО. Екатеринодар, 1901. Вып. 3. С. 10.
9. Известия ОЛИКО. Екатеринодар, 1899. Вып. 1. С. 53–63, 69–74.
10. ГАКК. Ф. 254. Оп. 1. Д. 312. Л. 29.
11. *Короленко П.П.* Первоначальное заселение черноморскими казаками Кубанской земли // Известия общества любителей изучения Кубанской области. Екатеринодар, 1899. Вып. 1. С. 38, 39.
12. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 163. Л. 7.
13. *Короленко П.П.* Атаманы бывшего Черноморского (ныне Кубанского) казачьего войска // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1891. Т. 2. С. 4, 5.
14. *Короленко П.П.* Переселение казаков за Кубань... С. 265.
15. Там же. С. 395.
16. Там же. С. 501.
17. Там же. С. 292.

З.А. Гобечия

РАСКАЗАЧИВАНИЕ И РАСКУЛАЧИВАНИЕ КАЗАКОВ В 20-е гг. XX в. (на примерах Майконского отгела)

Среди трагических страниц в истории России XX в. особое место занимает судьба казачества. Одной из таких страниц является его

расказаживание. О расказаживании историки впервые заговорили в 60-е гг., отмечая следующие этапы:

- 1) конец XIX – начало XX вв.;
- 2) революция и Гражданская война; «нэповское» время;
- 3) «великий перелом» начала тридцатых.

Каждый из этапов нуждается в осмыслении, в первую очередь, сквозь призму социального статуса казака. Наиболее «казачьим» регионом была Кубанская область, и процесс расказаживания затронул ее особенно сильно.

Сначала Первая мировая война, затем Октябрьская революция прервали естественный процесс дифференциации российского общества, в том числе казачьего. Началась жесточайшая борьба за власть и передел имущества, которые привели к Гражданской войне, сопровождавшейся террором с обеих противоборствующих сторон. «Красный террор» стал политикой, оформленной специальными декретами государственной власти. В декабре 1917 г. созданная ВЧК проводила акции устрашения политических противников.

Необычайный размах получил антиказачий террор. Особенно жестокие формы он приобрел на Дону, где, по некоторым подсчетам, было истреблено до 50% казачьего населения. Дон был объявлен «русской Вандеей» [1].

В январе – феврале 1918 г. в Майкопском районе была установлена советская власть. Атаман Майкопского отдела Ф.В. Данилов покинул город [2].

В станицах начались преобразования, сопровождавшиеся разорением крупных казачьих хозяйств, расстрелами, репрессиями. Эти преобразования были прерваны начавшейся Гражданской войной. Казачество раскололось на два противоборствующих лагеря – сторонников и противников советской власти. 6 декабря 1919 г. было принято «Обращение VII Всероссийского съезда Советов к трудовым казакам Дона, Терека, Кубани...», которое призывало казаков покидать белогвардейские банды и переходить на сторону советской власти: «Земель ваших советская власть не тронет... никого насильно не потащат в коммуну... кто не захочет идти в коммуну, будет иметь полную возможность жить своим хозяйством. Никакого насилия над совестью, никакого оскорбления церковей и религиозных обычаев. Советская власть... готова предать забвению ваши заблуждения... ваше преступное участие в борьбе с рабоче-крестьянской Россией» [3].

В революционных событиях 1917 – начала 1918 г. казачество заняло позицию нейтралитета. Занимая нейтральную позицию в борьбе красных и белых, казачество для новой власти было, тем не менее, одним из подозрительных формирований в России. Его крепкие землевладельческие традиции и опыт воинской службы создавали потенциальную угрозу для власти. В январе 1919 г. было принято пос-

тановление ЦК РКП(б) начать «беспощадную войну со всеми верхами казачества путем их поголовного истребления. Провести массовый террор вообще по отношению ко всем казакам, принимавшим какое-либо, прямое или косвенное, участие в борьбе с советской властью... Конфисковать хлеб и заставить сдать все излишки в указанные пункты... Провести полное разоружение, расстреливая каждого, у кого будет обнаружено оружие после срока сдачи» [4]. Руководствуясь подобными директивами, ревкомы начали расказачивание, в результате которого, как признал один из его руководителей С. Сырцов: «Станицы обезлюдели» [5].

Гражданская война подходила к своему завершению. К марту 1920 г. Красная Армия оказалась на территории Кубани, где почти не встретила сопротивления. Но вскоре борьба с мнимой контрреволюцией и ущемление интересов хлеборобов вызвали негодование всех слоев казачьего населения. Нейтралитет, о котором твердили казаки, не мог быть постоянным. Как только советская власть посягнула на казачьи земли, попытавшись их уравнилительно разделить, нейтралитет закончился. Все это привело к нарастанию сопротивления новой власти. К началу лета 1920 г. в регионе активно проявляют себя бело-зеленые отряды генерала Фостикова, полковников Савицкого, Кирея, Лебедева, Поддубного, Татарова, Сухенко, Скакуна и др.

Особую опасность для советской власти представляла Армия возрождения России генерала Фостикова (во многих документах он значится как «Хвостиков») [6]. Она насчитывала, включая резерв, до 30 тыс. бойцов. Дестабилизация обстановки в регионе привела к тому, что большевики объявили область на военном положении.

Ранней весной 1920 г. генерал Фостиков был ранен. После гибели Кубанской армии он не стал эвакуироваться в Крым и остался из-за ранения в городе Армавире. Поправившись, Фостиков начал собирать в горных станицах силы для нового восстания. По его словам, «большевики первое время вели себя осторожно. Повстанчество началось только после того, как власти пытались отнять у казаков $\frac{3}{4}$ скошенной травы» [7].

Кровавые события разыгрались в конце лета – осенью 1920 г. В казачьих станицах Майкопского отдела было убито более 900 казаков. Это привело к нарастанию повстанческого движения. Особенно мощным оно было в Майкопском, Лабинском и Баталпашинском отделах, а к осени 1920 г. еще более усилилось. Повстанческие отряды насчитывали 11 400 человек с 55 пулеметами и 6 орудиями [8]. Ставка Армии возрождения России под командованием М.А. Фостикова находилась в станице Верхнекардоникской. Он наладил тайные связи с П.Н. Врангелем через Тифлис. Фостиков сформировал в горах пластунский полк и кавалерийскую бригаду. К нему стали стихийно стекаться жители ближайших станиц. Среди тех, кто боролся против

«красного террора», были жители станицы Абадзехской – М.Г. Барсуков, П.Г. Сотников, М.Г. Гришин и другие [9]. Жители станицы Дагестанской: Л.О. Коломыдченко, Ф.А. Мельников, Н.И. Омельченко, служившие в армии Деникина. А.П. Колмыков, И.А. Кириченко, А.И. Федорченко перешли к повстанцам, возглавляемым Фостиковым. На сторону повстанцев стали жители станицы Ярославской под руководством своего атамана З.А. Бобрышева, жители других станиц Майкопского отдела [10].

Бюро Кубано-Черноморского обкома РКП(б) принимает решение о скорейшем подавлении «бело-зеленых банд» (т.е. повстанцев) и о самых беспощадных мерах к ним с широкой публикацией фамилий расстрелянных. 22 июля 1920 г. был опубликован приказ РВС 9-ой армии, в котором сообщалось, что тех, кто будет активно помогать Врангелю или бело-зеленым, ожидают самые жестокие меры воздействия. По данным Реввоенсовета 9-ой армии, в Майкопском отделе насчитывалось 5 тысяч повстанцев. В Баталпашинском – 1 тысяча, в Лабинском действовало до 500 человек. Они располагали в общей сложности 64 пулеметами и 3 орудиями.

Генерал Фостиков объявил в предгорных станицах мобилизацию казаков восьми возрастов. Вскоре он собрал значительные силы (до 16–20 тысяч казаков) и отважился на дальние рейды. С окончанием горячей поры полевых работ – около 15 августа отряды бело-зеленых значительно пополнились.

Ф.Э. Дзержинскому было поручено заняться борьбой с «бандитизмом» [11]. В приказе Реввоенсовета Кубанской трудовой армии № 1247, подписанном В.А. Трифоновым и В. Питтисом, подчеркивалось, что власть не мстит за прошлые преступления казачества, но «теперь всякий поднявший оружие против советской власти будет рассматриваться как законенный, сознательный и несправимый враг трудящихся и будет беспощадно уничтожаться, а станицы разоряться. Население... несет ответственность за те преступления, которые совершаются на его территории» [12].

К августу 1920 г. повстанцы сумели провести несколько удачных наступательных операций и взять инициативу в свои руки, а красные перешли к обороне в 7–8 км от Армавира. В начале августа военные действия шли уже на территории Лабинского и Майкопского отделов. К 20 августа армия Фостикова вышла на линию Тульская – Севастопольская – Махошевская – Ярославская – Костромская – Вознесенская – Урупская – Попутная. Бои шли на территории станиц Лабинской, Баталпашинской. В самом центре событий Гражданской войны оказалась и станица Абадзехская. Известно, что «белые вошли в станицу Абадзехскую 3 августа, их выбили из станицы 10 сентября 1920 г.» [13]. В станицах Даховской, Севастопольской, Каменноостской, Царской начинается восстание. Штаб повстанцев разместился в станице

Царской. Руководил повстанцами полковник Крыжановский. Однако попытка контрнаступления не удалась, и повстанцы под натиском наступающих отрядов красных были вынуждены отступить сначала к станции Царской, а затем к станции Псебайской.

По всем восставшим станицам прокатилась волна репрессий, в результате которых многие жители станиц были расстреляны, а их имущество отобрано. Красные арестовали более 40 жителей станиц Севастопольской, Царской, Каменноостской и расстреляли их 20 сентября между полянами Просянкиной и Поповской в Жуковой балке. На месте трагедии в далеком 20-м году тайно был поставлен каменный крест с высеченными на нем именами расстрелянных. Как напоминание о тех трагических днях он стоит и сейчас.

Несколькими днями раньше были арестованы и казнены жители станицы Абадзехской, их список еще больше: 45 человек расстреляли у самой станицы в районе Сортучастка, а 20 человек отправили в Особый отдел города Майкопа и расстреляли там [14]. У арестованных и расстрелянных казаков станицы Абадзехской было изъято имущество. Но то, что было отобрано, не стоило ни одной человеческой жизни, ни одной капли пролитой крови: сена 140 пудов, хлеба 34 пуда 14 фунтов, шерсти 10 пудов 34 $\frac{1}{4}$ фунта, масла коровьего 3 пуда 8 $\frac{4}{5}$ фунта, груш 14 пудов 20 фунтов [15].

Аналогичные акции прокатились по всем станицам Майкопского отдела. За отказ оказать помощь Красной Армии были расстреляны 43 казака станицы Даховской. Лишь чудом удалось спастись трем молодым казакам при этом расстреле, так как они бросились в холодную воду реки Белой и под градом пуль отплыли на безопасное расстояние [16]. В станице Царской был уничтожен весь скот (это место местные жители называют Скотомогильником) [17]. Цель этой акции – голодом заморить оставшихся жителей, которые оказали сопротивление новой власти.

В станицах, занятых красными, устанавливалась советская власть. Но эту власть нужно было еще удержать. Из донесения председателя Абадзехского исполкома Байбакова: «Настроение станицы антисоветское, бело-зеленые бандиты растаскивают скот из базов, охраны никакой... необходимо прислать красноармейцев для внутренней охраны станицы» [18]. Красноармейцев было недостаточно и в подчинении начальника милиции, поэтому следует резолюция, согласно которой необходимо составить списки тех, кто находится в бело-зеленых бандах, чтобы давить на них, наказывая родственников, оставшихся в станицах [19].

По агентурным данным Кубчека, только на территории Майкопского отдела к маю 1921 г. действовало 12 боевых отрядов: отряд есаула Маслова в районе ст. Бжедуховской (до 24 штыков), подхорунжего Сивенко – в районе Бжедуховской (20 штыков), подхорунжего Симоненко

– в районе Пшихской (12 штыков), остатки отрядов Захарченко, Игнатенко, урядника Гелусева, подхорунжего Гостева дислоцировались, соответственно, в лесах между Кубанью и Майкопом, станицами Тверской, Ханской, по реке Цице в районе Самурской и насчитывали до 130 штыков. В лесах между станицами Тульской и Даховской действовал Первый горно-партизанский отряд Мальцева, имевший 70 штыков. Под контролем Первого Запорожского полка Славцуна, отряда хорунжего Ющенко, подхорунжего Москалева, прапорщика Красильникова, помощника урядника Сафонова и прапорщика Молчанова (в отрядах которых в общей сложности было 145 штыков) находились территории станиц Келермесской, Кужорской, Ярославской, Бесленевской, Псебайской [20]. В 12 отрядах Майкопского отдела Кубанской области насчитывалось 311 штыков, 204 сабли при 4 пулеметах, самым крупным являлся 1-й Запорожский полк Славцуна. К отрядам примыкали, как уже отмечалось, жители всех станиц. Социальный состав членов бело-зеленого движения был следующим: казаки, составляющие подавляющее большинство, офицеры, а также зажиточные хозяева как из казаков, так и из крестьян. На Кубани после окончания Гражданской войны оставалось около 16 тысяч повстанцев.

Красные ужесточают репрессивные меры по отношению к тем казачьим семьям, родственники которых ушли к бело-зеленым: их берут в заложники, устраивают показательные суды, отправляют в особый отдел города Майкопа. В марте 1921 г. подобные меры были применены ко многим казакам Майкопского отдела, в частности к семье казака станицы Абадзехской Орехова Георгия и его жене, Сотникову Георгию, Костюковой Прасковье и др. [21]. Наказание последовало за то, что они укрывали своих «бело-зеленых» родственников и обеспечивали их продуктами питания. Бело-зеленые не остаются в долгу: в исполком подбрасываются письма, которые содержат угрозы в адрес красных. Ситуация осложняется в начале 1921 г.

Одной из причин этого были принятые I Кубано-Черноморским областным съездом Советов задачи: выполнение повышенных размеров продразверстки на хлеб (65 млн. пудов), советизация советов, реализация земельной политики. По всем станицам прокатилась волна сопротивления столь высоким поборам. На митингах и сходках казаки высказывались с призывами не выполнять продразверстку, наряд на скот, часто выступали против советской власти. 8 марта 1921 г. отделом Революционного Военного Трибунала 34 дивизии IX Армии Кавказского фронта был вынесен приговор жителям станицы Абадзехской Лукьяну Григорьевичу Барсукову за контрреволюционную агитацию, призывы к свержению советской власти и Николаю Никитовичу Сечину за агитацию против выполнения наряда на скот. Приговор, вынесенный обвиняемым, неодинаков: Н.Н. Сечин из-под стражи был освобожден, так как «...хотя и виновен в выступлениях против

советской власти, но его выступления... вызваны были недостаточной осведомленностью и сознательностью, незнакомством с принципами и задачами советской власти, а она не мстит заблуждающимся, наоборот, дает возможность честной трудовой жизнью встать в ряды честных и сознательных граждан...» [22]. Приговор в отношении Л.Г. Барсукова был диаметрально противоположный: «...приговорить к высшей мере наказания – расстрелу, а ввиду его бегства из-под ареста – объявить его вне закона...» [23]. Различия в наказании за одни и те же преступления объясняются просто: противостояние не могло продолжаться до бесконечности, необходимо было искать возможность выхода из него, а прощение «виновного» было прекрасной агитацией за советскую власть. К тому же, против продразверстки выступали не только казаки, но и крестьяне по всей России.

После перехода к НЭПу отношение казачества к новой власти стало меняться. Этому способствовала не только новая экономическая политика, но и появление в станицах демобилизованных из армии казаков-красноармейцев, которые по-иному относились к революционным преобразованиям. Под воздействием агитации в мае 1921 г. из леса очень осторожно начинают выходить бело-зеленые. В мае-июне в разгар полевых работ только в станице Абадзехской из леса вышли несколько десятков бело-зеленых. Особенно участился выход казаков из леса к концу 1921 г. Одной из причин этого явления была гибель вожака бело-зеленых Мальцева во время облавы бойцами ЧОНа: «...в будке у дачи Правденкова... в 8 верстах южнее Майкопа убит руководитель банды Мальцев» [24]. Вышедших из леса брали на особый учет, выясняли, нет ли среди них бывших офицеров, устанавливали цель перехода на сторону красных, проверяли на благонадежность, отдельных стремились завербовать для работы с целью разведки [25]. В течение 1921 г. в исполкомы казачьих станиц направляются секретные предписания, в которых предлагается направлять всех явившихся из леса в штаб Майкопской отдельной милиции «...для проверки их благонадежности...» [26]. Некоторые из отправленных после проверки возвращались в свои станицы, других же подвергали дальнейшей проверке в г. Краснодаре. Настороженное отношение к казачеству, как видно из документа, сохранялось.

Новым органам власти приходилось бороться не только с бело-зелеными, но и с теми беспорядками, которые творились в станицах: процветало пьянство, араковарение, воровство, драки, продажа краденного, разбойные нападения на открывающиеся магазины, аптеки, обозы и т.д. С/с предоставляли ежемесячные и ежеквартальные отчеты по состоянию в станицах и принимаемых мерах. В секретных донесениях постоянно упоминается о разбойных нападениях: «...между станицами Новосвободной и Севастопольской совершено нападение на обоз бандой из трех человек под командованием Малаху...»

[27], «...нападение на хутор Богатырка банды Терского и изъятие ими хлеба» [28]. На границе станиц Губской, Баракаевской, Хамкетинской обнаружено убежище бандитов, которые значительно превосходили местный отряд самообороны [29]. На убежища бело-зеленых постоянно совершались облавы, изымались продукты, патроны, оружие. Все передавалось в с/с станиц, делилось между представителями бедноты, что вызывало негативное отношение к новой власти со стороны зажиточных казаков.

В 1922 г. повстанчество идет на убыль. По состоянию на 1 мая 1922 г. в Майкопском отделе действовали следующие повстанческие отряды:

1. отряд Брантова (30 штыков);
2. отряд хорунжего Ющенко (90 сабель и штыков, 3 пулемета);
3. отряд офицера Колесникова (30 сабель, 1 пулемет);
4. отряд офицера Пашкевича (30 сабель, 3 пулемета).

Всего 4 отряда общей численностью 180 штыков и сабель, на вооружении которых находилось 7 пулеметов.

В 1922 г. ситуация начинает меняться в лучшую сторону: сказываются мероприятия НЭПа. В сводках исполкомов с/с за 1922 г. о политическом состоянии станиц и хуторов отмечается: по Новосвободной – «...ситуация благоприятная ввиду того, что властью допущены свободы в политическом смысле – свободная торговля, коммерция и товарообмен...», по Тенгинской – «...забастовок нет, бандиты не появляются...», по Новокопстантиновской – «...отношение к НЭПу хорошее, голодающим Поволжья – сочувствующее, к бандитам и грабителям – враждебное...» [30].

В 1921–1922 гг. в станицы начинают возвращаться репатрианты-врангелевцы и участники других белых армий. Их ждала не амнистия, а кара. Как правило, офицеры и военные чиновники расстреливались немедленно в Новороссийске. Остальные отправлялись в концентрационные лагеря, и многие на Север. Избавление от немедленной расправы отнюдь не являлось гарантией безопасности в дальнейшем. Подтверждение можно найти в письмах, напечатанных в «Казачьих Думах» в ноябре и декабре 1923 г. Каждый приезжающий в Новороссийск мог услышать условную фразу: «Принять на службу в «Могилевскую губернию». Казаки пропадали «без вести», отправлялись в ссылку, попадали в тюремное заключение после получения официальных гарантий. Доказательств, которые имеются в архивных документах, более чем достаточно. На всех возвратившихся составлялись подробные характеристики: где служил, какое звание имел в царской армии, социальное происхождение, причина эмиграции и т.д. На особый учет брались все, кто служил в Кубанской Раде, имел офицерское звание или был служителем культа, а также все бывшие атаманы. На Дону, на Кубани, в Крыму и в Туркестане повторялся один и тот же прием.

Объявлялась регистрация или перерегистрация для бывших офицеров или для каких-либо категорий, служивших у бело-зеленых. Не предвидя и не ожидая ничего плохого, люди шли регистрироваться, а их хватали, в чем они явились, загоняли в вагоны и везли в тюрьмы и лагеря [31]. В летней одежде, без полотенца, без кусочка мыла, без сменной одежды, грязные, завшивевшие казаки из станиц Майкопского отдела Кубани попадали в северные районы СССР.

Окончание Гражданской войны и переход к новой экономической политике двояко отразились на казачестве. С одной стороны, «отступление» дало возможность казакам налаживать свое хозяйство и быт, с другой – настороженное отношение к казачеству со стороны власти сохранялось, а из официальных документов, статистики исчезло понятие «казак».

В марте 1922 г. Кубано-Черноморский облисполком принял решение о введении в области волостного деления, утвердил «Положение о волостизации Кубано-Черноморской области» и приступил к его осуществлению. С дореволюционного времени волости были в местностях с неказачьим населением. Введение волостного деления на казачьих территориях было одной из мер, направленных на расказачивание, хотя официально об этом не упоминалось. Вышедшие из леса бело-зеленые, возвратившиеся из эмиграции казаки и члены их семей при выборах волостных органов власти лишались избирательных прав. Только по станице Абадзехской в списке «лишенцев» 169 человек. Причина лишения прав – неблагонадежность, проявленная в годы Гражданской войны и становления советской власти: муж в белых, сын в белых, муж убит как бандит, брат в белых, члены семьи расстрелянного бандита, палачи, священнослужители, «шептуны» против советской власти, бывшие атаманы [32]. По другим станицам Майкопского отдела списки также многочисленны: Пшехская – 109 человек, Переправная – 85, Бесленевская – 66, Баговская – 23, Мостовая – 44, Ярославская – 214, Новосвободная – 26, Севастопольская – 26 [33]. И это далеко неполный список лишенных права голоса только по Майкопскому отделу. Списки репатриантов, лишенных избирательных прав, тоже значительны. Лишив права голоса такое количество казаков, новая власть выдвигала в с/советы крестьян, иногородних, казачью бедноту, «размывая» тем самым казачество, уравнивая его с остальными слоями населения.

В 1927 г. начинается свертывание НЭПа. Сталинская политика бесповоротно берет верх. По всей стране в соответствии с планами большевиков начинается коллективизация. На Кубани и в Майкопском округе ее проводили быстрыми темпами с применением прямого принуждения и репрессий. Она завершилась к лету 1931 г. Бывшие белогвардейцы, репатрианты, зажиточные казаки были объявлены врагами колхозной жизни, раскулачены и репрессированы. За это время

за Урал и другие районы страны из Северо-Кавказского региона было выселено 38 104 семьи, большую часть которых составляли казаки. Протоколы общих собраний граждан отражают жесточайшую борьбу в станицах Майкопского округа. Только в 1930 г. из станиц было выслано к расселению внутри Майкопского округа, в Ставропольский край, за Урал и другие регионы огромное количество казаков, которых относили к разным категориям:

- из Дагестанской – 10 семей – 45 человек;
- из Абадзехской – 9 семей – 33 человека;
- из Курджипской – 35 семей – 216 человек;
- из Ханской – 25 семей – 112 членов семей;
- из Новосвободной – 12 семей – 66 человек;
- из Безводной – 12 семей – 50 человек;
- из Даховской – 8 семей – 24 человека;
- из Севастопольской – 9 семей – 24 человека;
- из Сухой балки – 11 семей – 43 человека;
- из Пиагинской – 94 семьи – 369 человек;
- из Тульской – 19 семей – 72 человека;
- из Дондуковской – 30 семей – 170 членов семей [34].

Это далеко неполный список станиц Майкопского отдела. Высылки осуществлялись в каждой станице неоднократно. По всем станицам давались так называемые «контрольные задания» на дополнительное выселение. Составлялась подробная аттестация выселяемых: количество членов семьи, род занятий главы семейства, чем занимался до революции и в Гражданскую войну, приводились их высказывания против колхозов, власти и т.д. [35]. Имущество описывалось, свозилось на общие дворы, когда-то принадлежавшие выселенным казакам, а потом разворовывалось теми, кто его отбирал.

После того, как большая часть населения казачьих областей на Дону и Кубани была записана в колхозы, у колхозов стали забирать весь хлеб. Если населенный пункт не мог сдать установленную норму, его заносили «на черную доску». Хлеб и другие продукты забирались силой, а станица блокировалась войсками, которые никого не пропускали в «чернодосочные» станицы. Население, таким образом, обрекалось на голодную смерть. Население других «чернодосочных» станиц силой переселялось в необжитые места. На Кубани таких «чернодосочных» станиц было 25. Сопrotивление казачества носило в основном пассивный характер, люди отказывались вступать в колхозы, отдавать хлеб. Дело редко доходило до вооруженного сопротивления. Чаще казаки, прежде чем записаться в колхоз, забивали продуктивный скот. В результате в казачьих областях в 1932–1933 гг. начался массовый голод, от которого в ряде станиц умерло 40–60% жителей.

В период коллективизации казачеству был нанесен страшный удар. Выходу из кризиса способствовал урожай 1933 г. Но было невозможно за такой короткий промежуток времени восполнить нанесенный урон и восстановить утраченную веру в справедливость. Осуществив «великий перелом», большевики «раскрестьянили» крестьянскую Россию и завершили расказачивание казаков.

Казаки прошли путь от сословности к бессословности, пролежавший через репрессии и геноцид, путь, который оказался крестным путем. Построив социализм, большевики вернули некоторые атрибуты казачьей культуры, главным образом те, которые могли «работать» на державность. Так завершился процесс расказачивания, в котором переплелись различные факторы, превратившие его в сложную социально-историческую проблему, требующую тщательного изучения.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. *Островский В.П.* История России. XX век. М., 2004. С. 174.
2. Данилов Ф.В. (1875–1949 гг.) – генерал-майор, последний атаман Майкопского отдела (1919–1920 гг.), участник Русско-японской войны и Первой мировой. Находился в эмиграции в Югославии, был председателем Кубанского зарубежного правительствa (1942 г.), начальником русского белого лагеря в г. Кемптене (Германия). Умер в госпитале под Мюнхеном.
3. *Летопись Кубанского казачьего войска.* Краснодар, 2006. С. 252–254.
4. Там же. С. 243.
5. *Уткин А.И.* Иллюзии и реальность «военного коммунизма». М., 1998. С. 174.
6. Фостиков Михаил Архипович – родился в ст. Баталпашинской в семье вахмистра. Гимназию окончил в г. Ставрополе. Продолжил образование в Московском Александровском учебном училище. В 1907 г. Михаил Архипович как подающий большие надежды командир был командирован в Академию Генерального штаба и прослушал ее ускоренный курс. В начале 1918 г. он возвратился на родину, а когда летом того же года произошло всеобщее восстание казаков, Михаил Архипович сформировал и возглавил при отряде полковника Шкуро 1-ый Кубанский казачий полк. В дальнейшем его полк находился в составе 2-ой Кубанской дивизии. Через год Фостиков дослужился до звания генерала и был назначен командиром той же дивизии.
7. *Летопись Кубанского казачьего войска...* С. 258.
8. Там же. С. 260.
9. Государственное учреждение Национальный архив Республики Адыгея (далее – ГУНАРА). Ф. Р–130. Оп. 1. Д. 1. Лл. 46–48.
10. ГУНАРА. Ф. Р–59. Оп. 2а, Д. 1. Лл. 50, 110.
11. *Куценко И.Я.* Кубанское казачество. Краснодар, 1993. С. 389.
12. *Летопись Кубанского казачьего войска...* С. 262.
13. ГУНАРА. Ф. Р–130. Оп. 1. Д. 1. Л. 15.
14. Там же. Лл. 100, 101.
15. Там же. Л. 100.
16. *Леонов М.Н.* История Свято-Михайло-Афонской закубанской общеземельной пустыни. Майкоп, 2007. С. 140–141.
17. Из воспоминаний жителя ст. Новосвободной Кислицкого А.В., 1927 г.р.

18. ГУНАРА. Ф. Р-130. Оп. 1. Д. 1. Лл. 10-14.
19. Там же.
20. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК) Ф. Р – 102. Оп. 1. Д. 138. Лл. 36, 37.
21. ГУНАРА, Ф. Р-130. Оп. 1. Д. 1. Лл. 33, 34, 35.
22. Там же. Лл. 26-27.
23. Там же.
24. Там же. Л. 78.
25. Там же. Л. 71.
26. Там же. Лл. 55-58.
27. ГУНАРА. Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 137. Л. 659.
28. Там же. Л. 633.
29. ГУНАРА. Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 59. Л. 102.
30. Там же. Лл. 2, 10, 11.
31. ГУНАРА. Ф. Р-59. Оп. 2а. Д. 1. Лл. 81-82.
32. ГУНАРА. Ф. Р-485. Оп. 1. Д. 1. Лл. 89-95.
33. ГУНАРА. Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 139.
34. ГУНАРА. Ф. Р-59. Оп. 2а. Д. 1. 22, 23.
35. Там же. Д. 14, 24.

Н.Н. Великая

ЦЕРКОВНЫЕ ПРИХОДЫ НА ТЕРЕКЕ В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД

Церковные приходы у казаков Терека до сих пор не стали предметом специального исследования. Цель данной публикации – ввести в научный оборот архивные источники, характеризующие разнообразие как самих церковных приходов, так и их деятельности.

Первые казаки на Тереке появились до церковного раскола. Несмотря на усиленные попытки властей и, главным образом, православной церкви привить казакам-старожилам т.н. официальное православие, сделать это не удалось и к началу XX в.

Наиболее ранние источники, повествующие о гребенских городках в Затеречье, ничего не сообщают о наличии в этих поселениях культовых зданий. По-видимому, их сооружение в силу ряда факторов (прежде всего «кочевой» образ жизни, отсутствие духовенства и др.) было невозможно. Для совместных обрядовых действий казаки собирались в одном из домов, который выполнял функцию молитвенного, или на открытой местности.

Первые церкви на Тереке появляются в русских городках и острожках в XVI-XVII вв. Их посещали и казаки. Так, по-видимому, продолжалось до церковного раскола. Известно, что в 1645 г. в Соборной церкви Терского города к присяге Алексею Михайловичу были приве-

дены «дворяне, дети боярские, новокрещены, всяких чинов русские люди, терские и гребенские атаманы и казаки» [1].

В начале XVIII в. у гребенцов существовала лишь одна собственно старообрядческая церковь в станице Курдюковской, остальные здания для отправления культа являлись молитвенными домами [2]. В правление Екатерины II проводилась политика веротерпимости, что позволило старообрядцам Терека открыто осуществлять моления и обряды, строить культовые сооружения. В 80-гг. XVIII в. были возведены деревянные церкви в честь Николая Чудотворца в станицах Новогладковской, Шадринской, Червленной, в 1801 г. – в Курдюковской [3]. Службу в них отправляли казаки-уставщики. Тем самым формировались первые старообрядческие приходы на Тереке.

Старообрядческое церковное строительство («раскольники открыто строили молитвенные дома, открыто держали беглых попов, заводили скиты...» [4]), не устраивало официальное духовенство. Епископ Иеремия, в 1843 г. побывавший на Тереке, сообщал в Синод, что в Гребенском войске практически не осталось православных приходов, а Кизлярский и Моздокский полки находятся на пути в старообрядчество [5]. Последнее не оставалось единым.

К концу XIX в. гребенские казаки, будучи в массе своей старообрядцами, тем не менее оказались разобщенными по отдельным его течениям и толкам. В наиболее крупной станице Червленной, судя по нашим полевым материалам, лишь единицы исповедовали православие. Местную православную церковь посещали главным образом офицеры, торговцы, приезжие из Центральной России. Небольшая часть казаков перешла на позиции единоверческой церкви. В 1880 г. в Терском войске их насчитывалось 378 человек [6]. Важную роль в распространении «единоверия» у гребенцов сыграл приезжий поп Назарий (Пузин), в честь которого построенная в станице Червленной церковь именовалась назаровской. Однако, как отмечали современники, единоверцы считали себя теми же старообрядцами, но только «с настоящим попом, а не с самоставленником» [7].

В 1883 г. вышел новый закон, по которому старообрядцам было запрещено совершать крестные ходы, строить колокольни, помещать иконы над входом [8]. Вид староверческих молитвенных домов не должен был походить на православные церкви. Однако высшие распоряжения всегда корректировала жизнь. После 1883 г. действовавшие ранее старообрядческие церкви и молитвенные дома на Тереке не были закрыты. Статистические данные за 1889 г. свидетельствуют о том, что в станицах Терского левобережья действовали: 2 молитвенных дома (в Калиновской), 2 церкви (в Червленной), по 1 старообрядческой церкви имелось в Мекенской, Щедринской, Новогладковской, Старогладковской, Каргалинской, Курдюковской, Стодеревской, Ищерской,

Наурской [9;10]. А всего в Терской области в конце 80-х гг. XIX в. насчитывалось 23 старообрядческие молельни [11].

К началу XX в. наиболее сильные позиции в казачьих станицах сохраняли т.н. австрийцы и беглопоповцы. В Червленной часть старообрядцев-беглопоповцев именовалась никуданцами. Толк нигде более неизвестный. Возможно, они назывались так потому, что не входили в существующие согласия. А в Новогладковской 10–12 семей называли себя «неокружниками» и молились в собственном молитвенном доме [12]. Таким образом, в рассматриваемый период старообрядцы на Тереке придерживались разных толков, имели свои приходы, включавшие молитвенное здание, служителей культа и верующих.

С созданием Азово-Моздокской линии на Тереке развернулось строительство православных храмов. Но посетивший в 1834 г. Терское левобережье штабс-капитан И. Бларамберг писал, что в станицах от Моздока до Кизляра греко-российские церкви действовали лишь в немногих станицах (Ищерской, Наурской, Шелкозаводской, Дубовской и некоторых других) [13].

Со второй половины 40-х гг. на Линии появляются многочисленные переселенцы из южных областей Украины и России. Именно с ними связано возведение православных церквей (часовен, молитвенных домов) практически во всех станицах Терского левобережья. По данным за 1858 г., православных церквей по-прежнему не существовало в Червленной, Старогладковской, Курдоковской, Сасоплинской [14].

Начавшаяся в пореформенный период масштабная церковная реформа, установление мира в регионе укрепили позиции православной церкви на Тереке. В 1885 г. в Терской области существовали 93 прихода [15]. Дальнейшему увеличению православных приходов способствовал и приток православного населения из центральных районов России.

Место для церквей отводилось, как правило, в центре станиц, на площади. По ее периметру обычно располагались станичное училище, церковно-приходская школа, торговые заведения, управление и т.п. Возникнув, церкви на Тереке неоднократно перестраивались и обновлялись. На смену деревянным культовым постройкам в начале XX в. пришли церкви из красного кирпича, либо на кирпичном фундаменте [16–19]. К отдельным церквям пристраивались приделы, колокольни, ограды. Православные культовые памятники освящались в честь традиционных христианских святых. В Калиновской, Луковской – в честь Михаила Архангела, в Николаевской, Ищерской – в честь Николая Чудотворца, в Дубовской – в честь Иоанна Предтечи, в Бороздинской – во имя Дмитрия Ростовского, в Кизлярской – Св.Троицы, в Александрийской – Покрова Пресвятой Богородицы, в Каргалинской была Христорождественская церковь и т.п. [20; 21].

Доходы церквей складывались из значительных сумм, которые поступали как от прихожан, так и со стороны. Например, церковь ст. Щедринской в начале XX в. получала ежегодно из казны 600 рублей, от станичного общества – 300 рублей, от Терского войска – 200 рублей [22; 24].

Церковь организовывала приходскую благотворительность. Целевые пожертвования поступали на строительство церквей и музеев, содержание церковно-приходских школ, училищ и семинарий, православного миссионерского общества и др. Терские церковные приходы откликались и на события международной жизни. Собирались деньги в помощь пострадавшим от землетрясения в Греции в 1893 году, на строительство православных храмов за рубежом, в пользу нуждающихся славян и т.п. [25–28]. Часть церквей имели церковно-приходские школы. Но они были немногочисленны, так как не все приходы могли их содержать, не хватало и специальных помещений.

Станичников-прихожан объединяли храмовые праздники. По свидетельству современников, они проходили шумно и дружно [29]. После торжественного богослужения прямо на площади ставили длинные ряды накрытых столов для тех, кто приходил из соседних станиц. Столы накрывались и для почетных членов местного общества. В домах также собирались знакомые и незнакомые.

Особенности формирования терского казачества обусловили наличие почти в каждой станице разноэтничных и разноконфессиональных групп. Это нашло свое отражение в планировке станиц. Население по религиозному признаку размещалось в отдельных слободах, где каждая группа имела свое культовое здание и, по словам Г. Малявкина, жила особой жизнью [30]. Так, в станице Новогладковской были представлены «старожители»-старообрядцы (составлявшие в конце 70-х гг. XIX в. 52% населения), «хохлы»-православные (38%) и казанские татары-мусульмане (9%) [31]. Все они являлись казаками и составляли одно станичное общество. В 1897 г. в ведомости, характеризующей население Щедринской по конфессиональному признаку, значилось: беглопоповцев – 1190 чел., 48 причисляли себя к беспоповцам, а 208 признавали духовенство Белокриницкой епархии, являлись т.н. австрийцами, 38 – мусульманами [32].

В начале XX в. в ст. Слепцовой наряду с православными проживали старообрядцы (поповцы и беспоповцы), католики, протестанты, армяно-григориане и мусульмане [33], а ст. Наурская по конфессиональному признаку делилась на православных, ламаистов, старообрядцев, армяно-григориан, мусульман, католиков и др. При этом дореволюционные авторы отмечали, что в отношении веротерпимости станичники были безупречны: всякая другая религия ими почиталась [34]. Как правило, станичные общества выделяли деньги на содержание как христианских, так и мусульманских духовных лиц [35].

Деление на разноконфессиональные группы, наблюдавшееся во многих терских станицах, обусловило существование в них нескольких приходов, имевших своих прихожан, священнослужителей и культовые сооружения.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. М., 1957. Т.1. С. 162–264.
2. *Попко И.Д.* Терские казаки с стародавних времен. Вып.1. Гребенское войско. СПб., 1880. С. 143.
3. *Равинский И.В.* Хозяйственное описание Астраханской и Кавказской губерний. СПб., 1809. С. 417–418.
4. *Раздольский С.А.* Русская православная церковь в Кавказской войне // Кавказская война: уроки истории и современность. Материалы научной конференции. Краснодар, 1995. С. 260.
5. *Геден Митрополит Ставропольский и Бакинский.* История христианства на Северном Кавказе до и после присоединения его к России. М.–Пятигорск, 1992. С. 116.
6. *Хорошхин М.* Казачьи войска. Опыт военно-статистического описания. СПб., 1881. С. 151.
7. *Караулов М.А.* Говор гребенских казаков // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1907. Вып. 37. С. 3.
8. *Никольский Н.М.* История русской церкви. Минск, 1990. С. 390.
9. Статистические таблицы населенных мест Терской области. Т.1. Владикавказ, 1890. Вып. 2. С. 6–26.
10. Статистические таблицы населенных мест Терской области. Владикавказ, 1890. Т.1. Вып. 3. С. 44–52.
11. *Ржевуский А.* Терцы. Владикавказ, 1888. С. 284.
12. *Гребенец Ф.С.* Новогладковская станица в ее прошлом и настоящем // СМОМПК. Тифлис, 1915. Вып. 44. С. 105.
13. Государственный архив Ставропольского края. Ф. 79. Оп. 1. Д. 1508. Лл. 24 об – 78 об.
14. Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 1058. Оп. 1. Д. 264. Лл. 74–77.
15. *Геден Митрополит Ставропольский и Бакинский.* Указ. соч. С. 169.
16. Государственный архив Чеченской республики (далее – ГАЧР). Ф. 60. Оп. 1. Д. 13. Л. 1.
17. ГАЧР. Ф. 62. Оп. 1. Д. 2. Лл. 1, 25 об.
18. ГАЧР. Ф. 60. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.
19. ГАЧР. Ф. 63. Оп. 1. Д. 5. Лл. 1 об.
20. РГВИА. Ф. 1058. Оп. 1. Д. 567. Лл. 28–28 об.
21. ГАЧР. Ф. 63. Оп. 1. Д. 6. Лл. 2–4 об.
22. ГАЧР. Ф. 63. Оп. 1. Д. 7. Л. 1.
23. ГАЧР. Ф. 62. Оп. 1. Д. 24. Л. 4.
24. ГАЧР. Ф. 63. Оп. 1. Д. 7. Лл. 3 об. 4.
25. ГАЧР. Ф. 62. Оп. 1. Д. 1. Лл. 14, 35, 35 об., 47, 48, 62, 68, 73 об., 79.
26. ГАЧР. Ф. 62. Оп. 1. Д. 25. Лл. 59 об., 84 об.
27. ГАЧР. Ф. 63. Оп. 1. Д. 2. Лл. 14, 17, 20.
28. ГАЧР. Ф. 63. Оп. 1. Д. 4. Лл. 2, 6, 8.
29. *Бутова Е.* Станица Бороздинская // СМОМПК. Тифлис, 1889. С. 42.
30. Г.М. Казачьи верования и суеверия // Терские ведомости. 1891. Вып. 7. № 26.

31. Статистические монографии по исследованию Терского казачьего войска. Владикавказ, 1881. С. 242.
32. ГАЧР. Ф. 62. Оп. 1. Д. 2. Л. 35 об.
33. ГАЧР. Ф. 32. Оп. 1. Д. 217. Л. 32.
34. *Востриков П.А.* Станица Наурская // СМОМПК. Тифлис, 1904. Вып. 33. С. 184, 242.
35. *Гребенец Ф.С.* Указ. соч. С. 106.

А.И. Зудин

К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИКЕ СТАРООБРЯДЧЕСТВА В КУБАНСКОМ КАЗАЧЬЕМ ВОЙСКЕ

Один из интересных и малоисследованных аспектов казачьей истории и культуры составляет круг вопросов, связанных с характеристикой межконфессиональных отношений внутри казачьего социума, а также обуславливающей их спецификой народной религиозности. В ряде исследований, посвященных различным казачьим войскам, отмечалась простота и некоторая грубоватость казаков в отношении вопросов, касающихся вероисповедания. При этом подчеркивалась фанатичная приверженность исповедуемому большинством из них православному христианству. Ограниченность казачьего социума усвоением главных принципов христианской этики, регламентирующей гражданскую и семейно-бытовую сферу, и некоторая индифферентность к догматико-каноническим тонкостям христианского вероучения были обусловлены, главным образом, статусом казачества как военно-служилого сословия, несущего фактически пожизненную службу и отвлекаемого от длительной мирной жизни. В этих условиях сословная принадлежность становилась первичной по отношению к религиозной идентификации. Во многом именно поэтому в ряде казачьих войск получило широкое распространение старообрядчество, которое выступало к тому же неким символом былой казачьей обособленности от Российского государства и вольностей, сохранившихся после интеграции казачества в состав империи.

Все вышесказанное необходимо для понимания специфики старообрядчества на Кубани. Казаки-старообрядцы Старой линии унаследовали традиции донского казачества. Уже в дореволюционных трудах, посвященных кубанскому казачеству, мы находим подтверждение нашим предположениям. Ф.А. Щербина отмечал, что у

переселившихся на Кубанскую линию донцов «духовного сословия, как бы не было совсем», объясняя это тем обстоятельством, что на Кубань были переведены исключительно «раскольники» [1]. Однако уже А.Д. Ламонов отмечал первоначальную размытость границ между православной и старообрядческой частью казаков. Обозначив приблизительную численность старообрядцев около $\frac{1}{3}$ всех переселенцев [2], А.Д. Ламонов, опираясь на воспоминания первопоселенцев ст. Кавказской, писал, «что во время движения поселян были смертные случаи, священника не было, отпевания совершал старообрядческий уставщик, не разбирая, старообрядец или православный был умерший, нужда счетов не вела, а долг христианский требовал исполнения» [3]. Далее следовало, что «православные того времени крестное знамение делали двуперстно, по-старообрядчески, самое знамение делали истово-правильно; в некоторых семьях и поныне поддерживается старый обычай» [4].

А.П. Пронштейн в своей работе «Земля Донская в XVIII веке» провел статистическое расследование относительно переселенцев на Кубанскую линию в 1794 г. Из 1 тыс. семейств, подлежащих переселению, 644 были выходцами из 5 среднедонских станиц, принимавших наиболее активное участие в волнениях 1792–1794 гг.: Есауловской, Кобылянской, Нижне-Чирской, Верхне-Чирской и Пятиизбянской. Согласно характеристикам, даваемым в то время этим станицам, все они почти сплошь состояли из «раскольников», «упрямство коих и злонаравие довольно известны» [5]. Даже после переселения казаков из названных станиц подавляющее численное превосходство старообрядцев сохранялось в двух из них: Верхне-Чирской и Пятиизбянской.

С первых лет по переселению казаков на Кубанскую линию церковное строительство шло следующим образом. В первый же год в шести новообразованных станицах строятся молитвенные дома. А в скором времени в пяти из них (исключение составляет ст. Прочноокопская) появляются православные священники, и более половины переселившихся казаков становятся прихожанами Греко-Российской церкви. Однако старообрядческая половина казаков не удовлетворяется исполнением треб собственных наставников и обращается через поверенного в Астраханскую духовную консисторию с просьбой о рукоположении для них собственного священника, который исполнял бы требы по старопечатным книгам и старому обряду. В 1799 г. для старообрядческого общества пяти линейных станиц рукополагается священник Авраам Кириллов, место пребывания которого находилось в ст. Прочноокопской [6]. Рукоположение священников для кубанских старообрядцев продолжалось до 1814 г. [7] и осуществлялось на правах единоверия. Однако о единоверческих правилах, разработанных митрополитом Платоном (Левшиным) и Высочайше утвержденных Императором

Павлом I в 1800 г., старообрядцы ознакомлены не были. Не разбираясь, по-видимому, в канонических вопросах, казаки не придавали значения явно не возможному по старообрядческим установлениям принятию духовенства от Греко-Российской церкви без соответствующего чиноприема, который включал в себя отречение от «никоианской» ереси и миропомазание. Однако уже первые «старообрядческие» священники, перед которыми изначально ставилась задача постепенного обращения старообрядцев в православие, сталкиваются с трудностями в деле своей миссии, что служило причиной частой их смены в течение пятнадцатилетнего промежутка.

Например, в 1805 г. священник Федор Никитин рапортовал в Астраханскую духовную консисторию об чинимых ему со стороны староверов препятствиях в деле составления исповедных росписей и метрик «единственно потому, что они не хотят, дабы об них были подаваемы куда-либо исповедные росписи, считая по своей вере оное противным...» [8]. В этом же году священник Никитин был переведен по своей просьбе в приход более лояльных старообрядцев ст. Александровской Волжского казачьего полка по причине «закосности раскольников» Кубанской линии [9]. Похожие жалобы встречаются и от других священников. После 1814 г. кубанским староверам было повелено впредь прибегать к услугам «старообрядческих» священников ст. Александровской. Ее отдаленность от станиц Кубанского полка существенно затрудняла возможность для своевременного исправления треб. Возможно, церковное правление видело в этом один из способов борьбы с «расколом». Однако в течение последующих нескольких лет старообрядцы через своих доверенных настойчиво продолжали ходатайствовать о рукоположении для них священников.

После очередного ходатайства старообрядческого поверенного Михаила Сесекина в 1823 г. старообрядческому обществу линейных станиц епархиальным правлением впервые было объявлено, «что священники к ним для исправления треб могут поставляться только на основании правил единоверия, утвержденных в пунктах 12 марта 1798 г. и 27 октября 1800 г.» [10]. Однако после ознакомления с этими правилами старообрядцы выразили решительный отказ, после чего епархиальное правление объявило им, что «не имеет никакого законного основания удовлетворить их в просьбе» [11]. Последняя попытка выпросить себе священника в консистории датируется 1826 г. Поверенному от кубанских станиц отставному казаку Якову Карачунову снова повторили условия рукоположения для них священника, на что последовал очередной отказ староверов [12]. После этого происходит окончательный разрыв между кубанскими старообрядцами и Греко-Российской церковью.

С этого времени кубанские старообрядцы прибегают к услугам расстриг и беглых попов, находящихся под церковным судом. Некоторые из них встречали даже покровительство со стороны войскового начальства. Так, скрывающийся от церковного суда за пьянство и «другие предосудительные дела» священник села Новозаведенное Ставропольской губернии Тимофей Ищорский был в 1845 г. принят старообрядческим обществом ст. Прочноокопской. Просьбы епархиального правления выдать его не завершились успехом. Главнокомандующий отдельным Кавказским корпусом распорядился оставить его в покое [13]. В течение пяти лет Ищорский исполнял требы у старообрядцев. После смерти Ищорского в 1850 г. у старообрядцев оказывается находящийся под запрещением за венчания несовершеннолетних священник Матвей Образцов, который также какое-то время находил защиту со стороны войскового правления [14]. Разумеется, такое лояльное отношение войсковой администрации к нуждам старообрядчества было делом совершенно немыслимым в крестьянских губерниях, тем более что это время приходилось на правление императора Николая I, политика которого в отношении старообрядчества отличалась значительной жесткостью.

Возвращаясь к проблеме характера взаимоотношений старообрядцев и православных внутри казачьего социума, отметим, что фонды архивов первой половины XIX в. изобилуют следственными делами по факту соращения казаков линии в «раскол». Насколько они были обоснованы, можно судить уже по наиболее ранним материалам.

В 1803 г. на «старообрядческого» священника ст. Прочноокопской Ф. Никитина последовала жалоба православного священника ст. Усть-Лабинской по поводу соращения Никитиным в раскол его прихожан. Однако выяснилось, что прибывшие к Никитину в ст. Усть-Лабинскую для совершения треб казаки, ввиду его длительного отсутствия в станице, крестили своих детей, венчались и исповедовались у православного священника лишь по большой на то нужде и только с благословения самого Федора Никитина [15]. Все допрошенные по факту соращения при этом подтверждали принадлежность к старообрядчеству. Такое поощрение «старообрядческих» священников обращения казаков-старообрядцев к услугам православного духовенства преследовало миссионерские цели. Однако на практике давало противоположный результат.

Прибегая к практике, в основном, крещения детей и венчания браков, старообрядцы оставались при своих религиозных убеждениях, игнорируя при этом повседневное посещение православных храмов, исповедь и причастие у православных батюшек. Формально это давало повод обвинять старообрядцев в соращении в раскол. Ситуация усугублялась широким распространением среди линейных казаков межконфессиональных браков. Весьма часто оказывалось, что об-

виняемые сами были выходцами из смешанных семей, и выбор ими веры зависел от большего авторитета какого-либо из родителей или родственников. Несколько десятков таких семей в середине XIX в. фиксируются в станицах Тифлисской [16] и Григориполисской [17]. Посещение православных храмов казаками-староверами часто имело место во время прохождения ими службы, что также давало духовенству основание причислять их к православной пастве [18]. Согласно показаниям «совратившихся», главной причиной, по которой они были вынуждены прибегать к услугам православных священников, была невозможность совершать необходимые требы ввиду отсутствия собственного духовенства. Как показывал в 1860 г. один из обвиняемых в совращении престарелый казак ст. Новотроицкой Андрей Стрелков, «...в то время все старообрядцы венчались подобно ему в церкви, но без всяких по церковным правилам и законам гражданским обязательных условий» [19]. А заключение смешанных браков в первой половине XIX в., судя по всему, было делом настолько обыкновенным, что у казаков вызывали недоумение обвинения их в совращении себя и своих жен в «раскол». В 1864 г. три обвиняемых казака ст. Усть-Лабинской указали на 19 человек своих станичников-единоверцев, которые также заключали браки с православными девицами в православных храмах, но старообрядчества не оставляли и преследованиям за это не подвергались [20]. Такое положение свидетельствовало о достаточно вольном понимании своего вероучения казаками-старообрядцами.

Лишь с обретением в 1846 г. собственной церковной иерархии, получившей название Белокриницкой, кубанские староверы получают возможность иметь постоянно действующих священников, миссия которых приводит к окончательному обособлению старообрядческого населения. Первым иереем на Кубани стал казак ст. Прочноокопской Иосиф Турченков, в начале 50-х гг. XIX в. рукоположенный в священнический сан московским старообрядческим митрополитом. В октябре 1855 г. в сан епископа Донского, Кавказского и Екатеринославского был рукоположен казак ст. Кавказской Иван Андреевич Зрянин. Образованный им Никольский скит становится крупнейшим старообрядческим духовным центром на Юге России. А в октябре 1862 г. владыкою Иовом (Зряниным) в ст. Кавказской был освящен первый на Кубани старообрядческий храм во имя Покрова Пресвятой Богородицы. Сама же ст. Кавказская становится с этого времени епархиальным центром.

Несмотря на то, что после рукоположения Иова начался бурный процесс образования новых старообрядческих приходов, это не привело сразу к сколько-нибудь серьезному обострению отношений с греко-российским духовенством. Тем более не наблюдалось никакой религиозной вражды на бытовом уровне внутри станичных обществ

между последователями двух церквей, объединенных сословным братством. Многочисленные старообрядческие общества во второй половине XIX века имелись в следующих станицах: последователи Белокриницкой иерархии (поповцы) – в станицах Прочноокопской, Кавказской, Усть-Лабинской, Владимирской, Григориополисской, Константиновской, Вознесенской, Ханской, Переправной; беспоповцы, по преимуществу поморского брачного толка – в станицах Лабинской, Кавказской, Темижбекской, Тифлисской, Казанской, Гиагинской, Белореченской, Губской, Келермесской, Кубанской [21].

Лишь конец XIX в. ознаменовался серьезным конфликтом, связанным с миссионерской деятельностью на Кубани архимандрита Исидора (Колоколова). Сторонник жесткого и бескомпромиссного подхода в деле православной миссии, он в скором времени был подвергнут осуждению епархиального начальства и снят с занимаемой должности. Однако реальным результатом его деятельности стала ликвидация Никольского монастыря, который был повторно освящен как единоверческий в феврале 1894 г., и изгнание старообрядческого епископа Силюяна с братией. В последующие годы монастырская земля станет предметом длительной тяжбы за обладание ею между начальством монастыря и обществом ст. Кавказской, где главными инициаторами будут выступать старообрядцы.

Только наступившая после 1917 г. в России смута примирит всех верующих. В 20–30-е гг. XX вв. большевистский террор с одинаковой силой обрушится и на православных, и на старообрядцев. В 1931 г. будет до основания разрушен на тот момент уже Свято-Николаевский миссионерский монастырь. Вскоре на «черную доску» будет занесена ст. Прочноокопская, население которой составляли в основном старообрядцы-казаки. Такая же горькая участь постигнет и остальные старообрядческие общины.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. Екатеринодар, 1910. Т. 1. С. 700.

2. Ламонов А.Д. Старообрядческая община станицы Кавказской, Кубанской области, приемлющая священство Белокриницкой иерархии 1794–1909 гг. // Кубанский сборник. 1910. Т. XV. С. 385.

3. Ламонов А.Д. Исторический очерк о заселении станицы Кавказской Кубанского казачьего войска и жизни ее с 1794 по 1914 год; Захарченко В.Г. Песни станицы Кавказской. Краснодар, 1993. С. 260.

4. Там же. С. 261.

5. Пронштейн А.П. Земля Донская в XVIII веке. Ростов н/Д., 1961. С. 338.

6. Государственный архив Ставропольского края. Ф. 63. Оп. 2. Д. 189. Л. 4 об-5.

7. Там же.

8. Государственный архив Астраханской области. Ф. 599. Оп. 2. Д. 6020. Л. 1.

9. Там же. Д. 6055. Л. 1.
10. Там же. Д. 5085. Л. 8.
11. Там же. Л. 9.
12. Там же. Л. 19.
13. Государственный архив Краснодарского края (далее ГАКК). Ф. 257. Оп. 1. Д. 10. Л. 12.
14. Там же. Д. 15.
15. Национальный архив Республики Адыгея. Ф. 599. Оп. 2. Д. 1268.
16. ГАКК. Ф. 353. Оп. 1. Д. 16.
17. Там же. Ф. 256. Оп. 1. Д. 119.
18. Там же. Д. 388.
19. Там же. Д. 401. Л. 21 об.
20. Там же. Ф. 353. Оп. 1. Д. 1392. Л. 12 об.
21. *Зудин А.И.* К вопросу о численности и географии расселения старообрядцев на территории Кубанского казачьего войска // Мир славян Северного Кавказа. Краснодар, 2007. Вып. 3. С. 82–84.

Иеродиакон Иаков

О РОЛИ КАЗАЧЕСТВА В СОЗДАНИИ СВЯТО-МИХАЙЛОВСКОГО МОНАСТЫРЯ КАК ДУХОВНОГО ФОРПОСТА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

После окончания многолетней Кавказской войны нагорная полоса Закубанья была заселена казаками. Многие станицы были бедны настолько, что их жители не могли построить храм и содержать церковный причт. Такая ситуация чрезвычайно беспокоила руководство Кавказской и Черноморской епархии, а также жителей станиц, которые принимали следующие решения:

– в Царской приговором на 5 декабря 1872 г. постановили ежегодно нанимать для работ священнику вестового;

– в поселке Баговском приговором на 17 декабря 1872 г. обязались построить для священника дом и для хозяйственных работ назначить прислугу;

– в станице Псеменской приговором на 17 декабря 1872 г. постановили: починить и держать в исправности, а в случае надобности вновь возводить дома для духовенства со службами и огорожею; давать священнику для домашней прислуги казаков и отпускать ему по 25 пудов и причетнику по 10 пудов муки в год;

– в поселке Севастопольском приговором на 3 июня 1873 г. постановили выдавать приходскому священнику ежегодное пособие в 100 руб. и построить для него приличный дом;

– в станице Абадзехской приговором на 12 октября 1875 г. постановили построить для приходского священника дом с кухней и сараем и давать вестового для услужения.

Благочестивое же стремление казачества к паломничеству в монастыри в этот период осуществить было практически невозможно по причине серьезной опасности для путешествия в Абхазию и большой отдаленности монастырей в России.

Первая попытка основать в Закубанье православный монастырь предпринималась еще в 1874 г. епископом Германом. Это решение основывалось на желании жителей четырех станиц – Царской, Даховской, Каменномоетской и Севастопольской. Они составили «мирские приговоры» о пожертвовании в пользу предполагаемого монастыря 270 десятин земли, а жители станицы Царской, помимо земли, пожертвовали здание молитвенного дома бывшей станицы Сахрайской и постановили «перевезти его к верховьям реки Фарс».

По словам епископа Германа, создание монастыря могло благотворно сказаться и на коренных жителях, и на переселенцах. Поскольку в Закубанье ощущался недостаток в просветительских учреждениях, монастырь мог бы оказать существенную услугу краю, послужить основанием народной школы для христианского просвещения детей и жителей окрестных станиц, стать духовно-просветительским форпостом, дабы распространять идеи православного христианства и бороться с раскольниками, которые жили в этой местности и влияли на население.

8 февраля 1874 г. Преосвященный Герман обратился к начальнику Кубанской области с вопросом: «Могут ли участки земли, которые жители станиц готовы пожертвовать во владение предполагаемого монастыря, быть переданы в собственность этого монастыря, и не встретится каких-либо препятствий к его учреждению?» 12 февраля 1876 г. начальник Кубанской области ответил, что передача земель невозможна ввиду 6 статьи Высочайше утвержденного 21 апреля 1969 г. мнения Государственного Совета о поземельном устройстве станиц, в силу которой никакая часть земли, отделенной в общинное пользование станичных жителей, не может переходить из владения станичного общества в чью-либо собственность. В итоге дело об учреждении монастыря близ станицы Царской не состоялось.

В начале 1877 г. Преосвященному Герману подал прошение иеромонах Черниговского архиерейского дома о. Мартирий, временно проживавший на Афоне. В нем он сообщил, что жители станиц Даховской, Абадзехской, Царской, Баракаевской, поселков Каменномоетского и Севастопольского пригласили его «для устройства на жертвуемой ими земле иноческой обители». О. Мартирий сообщал, что он «готов и собственным трудом, и средствами устроить на горе

Физиабго общежительную мужскую пустынь, и что несколько монашествующих готовы переселиться с ним с Афона».

Прошение о. Мартирия было благословлено епископом Германом, и Мартирий в сопровождении особых поверенных от казачества отправился в Тифлис, где они обратились к Его Высочеству Великому Князю Михаилу Николаевичу, наместнику Кавказскому с просьбой о разрешении им отвести из юртовых своих станиц участки земли в количестве 350 десятин в собственность православного монастыря на горе Физиабго. Доброе пожелание казаков было уважено, и в мае 1877 г. Его Высочество Великий Князь Михаил разрешил отведение земли для монастыря своим Указом.

2 сентября 1877 г. о. Мартирий подал Преосвященному Герману еще одно прошение, в котором просил дозволить ему: «1) Основать в вышеуказанном месте мужскую общежительную пустынь во имя Архистратига Михаила, тезоименного покровителя Его Высочества, наместника Кавказского с наименованием Свято-Михайло-Афонская общежительная пустынь; 2) устроить при сей обители странноприимный дом для престарелых и больных лиц мужского пола, предпочтительно православных воинов-ветеранов Кавказской войны».

Исходя из этого Кавказская духовная консистория постановила, «что в связи с недостатком в обширной Кавказской епархии монастырей желательно учредить такой на горе Физиабго», и 12 сентября 1877 г. Преосвященный Герман утвердил данное постановление. В ноябре 1877 г. иеромонах Мартирий доложил, что он и монахи с Афона приступили к выполнению возложенных на них обязанностей.

К апрелю 1879 г. был воздвигнут первый храм в честь Архистратига Михаила, небесного покровителя Великого Князя Михаила Николаевича. Этот храм служил и местом отправления служб, и жильем для первых монахов. Построен он был исключительно на пожертвования жителей станицы Сахрайской, расформированной в 1877 г. Второй домовый храм, воздвигнутый во имя преподобного Александра игумена Обители не усыпающих, был закончен в 1881 г.

Посещающие монастырь паломники принимали самое активное участие в благоустройстве обители. Каждый прибывающий приносил один камень, который шел на строительство. Руками паломников заготавливался строительный лес для постройки Преображенской церкви на горе Физиабго, странноприимного двухэтажного дома и келий для братии.

В 1883 г. в Кубанской области состоялось официальное открытие Свято-Михайло-Афонской Закубанской пустыни во имя Архангела Михаила. А в 1885 г. было завершено строительство третьего, самого большого храма – Успенского собора на 1000 человек. В 1888 г. в монастыре насчитывалось 180 человек монашествующей братии, в

их числе: архимандрит Мартирий, 12 иеромонахов, 3 иеродиакона и 165 послушников.

С приходом к власти на Кубани большевиков весной 1918 г. началось повсеместное и систематическое гонение на религию, церковь и духовенство. В сентябре 1918 г. войска под командованием генерала Покровского заняли г. Майкоп. Майкопский район, в том числе и Михайловский монастырь, был освобожден от большевиков. Монастырь получил серьезную охрану в несколько сотен сабель и уверенность в завтрашнем дне.

Так продолжалось до марта 1920 г., когда г. Майкоп захватила 1-я конная армия Буденного. Войска отступали с боями, и Майкопский район вплоть до станицы Хамышки вновь был занят красными. Михайловский монастырь оказался под защитой казаков генерала Михаила Архиповича Фостикова. Ранней весной 1920 г. генерал Фостиков стал собирать силы для нового восстания. Когда летом 1920 г. десант генерала Врангеля высадился в плавнях, ему на помощь пришел и генерал Фостиков. Михаил Архипович объединил разрозненные силы казаков в повстанческую армию и до поздней осени 1920 г. продолжал борьбу с большевиками.

Прошли долгие годы советского периода безверия и богоборчества. В начале 90-х гг. в нашем государстве стали происходить изменения и в отношении к Православной Церкви. Верующим стали возвращать храмы и монастыри.

В 90-х гг. прошлого столетия епископ Майкопский и Армавирский Филарет смог сплотить людей вокруг идеи возвращения монастыря Церкви. В 1992 г. казачество и православная общественность подняли вопрос перед правительством Адыгеи о передаче Свято-Михайловского монастыря Русской Православной Церкви. Инициатором этого движения явилось Тульское казачье общество.

В этом же году «Союз славян Адыгеи» поддержал обращение казаков к правительству республики о возвращении монастыря верующим людям. На протяжении 11 лет казаки вели упорную борьбу за Михайловскую пустынь и координировали ее с «Союзом славян Адыгеи». Было собрано за очень короткий срок около 40 тысяч подписей жителей Адыгеи, поддержавших казачью инициативу.

Уже к апрелю 1993 г. православная общественность Адыгеи добилась определенных успехов: в апреле 1993 г. Верховным Советом Республики Адыгея было принято Постановление № 143/1 «О возвращении Русской Православной Церкви Свято-Михайловской мужской общежительной пустыни».

Начало окончательной передачи монастыря Церкви было положено Постановлением Кабинета Министров Республики Адыгея от 4 июня 2001 г. № 169 «О поэтапной безвозмездной передаче Русской Православной Церкви части зданий бывшего Свято-Михайловского-Афон-

ского мужского монастыря». В соответствии с этими документами между ОАО «Романтик-Тур» и Майкопско-Адыгейской епархией был заключен договор, по которому турбаза передала епархии во временное пользование (на 3 года) некоторые здания, в том числе Троицкий храм. По договору монастырь должен был быть восстановлен в течение трех лет, а иначе обитель вновь закрывалась с возвратом имущества и всех строений турбазе. И даже при таких жестких условиях договора это была победа, и монастырь начал восстанавливаться.

21 июля 2001 г. на летний праздник Казанской иконы Божией матери монастырь был открыт. Окончательное возвращение Свято-Михайловского монастыря Русской Православной церкви произошло в марте 2003 г. Многолетняя борьба за передачу обители верующим завершилась победой, переоценить которую невозможно, ведь наш монастырь по своему миссионерскому значению единственный на Юге России.

И.Ю. Васильев

РЕГАЛИИ И ЗНАМЕНА В СИСТЕМЕ ЦЕННОСТЕЙ КУБАНСКИХ КАЗАКОВ

Высшей ценностью для кубанского казака было его войско и возможность к нему принадлежать. Это проявлялось по-разному. Например, во взаимопомощи казаков разных групп кубанского казачества друг другу. Так, линейцы и черноморцы согласились выделить часть своих запасных земель казакам закубанских станиц [1].

Но наиболее наглядным воплощением отношения казаков к войску были регалии. Речь идет о знаменах, символах власти войсковых должностных лиц, жалованных грамотах государей; документах, закрепляющих казачьи права и привилегии, наградах и знаках благоволения монарха, таких как переданные войску их личные вещи [2]. Без наиболее значимых регалий (знамена, символы власти) ни одна группа казаков не чувствовала себя единым организованным целым. В 1892 г. донские казаки, не желавшие поселяться на Кубани, бежали на родину, захватив 15 знамен и бунчуков [3].

Большая часть регалий Черноморского, а впоследствии и Кубанского войска в основном хранилась в войсковых соборах [4]. Без них не обходились наиболее значимые события в жизни войска, важнейшие праздники. В присутствии знамен войска приносил присягу новый атаман. В черноморский период их торжественно выносили из церкви на площадь для всеобщего обозрения. Смотреть на

них сходилась и стар, и млад [5]. Вручение новых регалий часто совпадал с различными памятным событиями, юбилеями. 10–11 мая 1844 г. праздновалось пятидесятилетие службы черноморского войска. В честь него войску было вручено большое Георгиевское знамя. На торжество прибыли атаманы всех куреней и, что самое главное, старики и подростки из каждого куреня. Особым образом было произведено прибавление знамени к древку. Первый гвоздь вбил наказной атаман, второй – архиепископ, третий – начальник войскового штаба. Потом гвозди вбивали представители от всех подразделений войска [6].

8–9 сентября 1896 г. Кубанское казачье войско отмечало свой двухсотлетний юбилей. Войсковые регалии, хранившиеся в войсковом штабе, были перенесены в войсковой собор, где во время службы они были окроплены святой водой. Позже регалии были вынесены на Крепостную площадь, где находились во время торжественного молебна. На нем присутствовали представители молодежи и стариков от каждой станицы. Присутствовали казаки, одетые в старинные виды форменной одежды. Были вывешены плакаты с казачьими пословицами и поговорками [7].

Во второй половине XIX в. казачьи регалии все больше рассматривались официальной идеологией как символы верности казачества монархии. Оно стало целенаправленно увеличивать их количество, особенно если они имели отношение к царствующему дому. Например, в число регалий вошло копьё казака 5-го пластунского батальона, которое рассматривал наследник престола [8].

При этом в казачьем мировоззрении регалии продолжали быть необходимым центром притяжения организованной группы казаков-воинов. Казаки 15 пластунского батальона, отказавшиеся в 1905 г. повиноваться властям, самовольно покинули место дислокации. Они захватили с собой знамя и двинулись, сохраняя порядок, во главе с выбранными командирами [9].

Быть причастным к каким-либо действиям с регалиями считалось весьма почетным. «Для участия при выносе войсковых регалий 5-го будущего октября (1905 г. – *И.В.*) по приказанию войскового атамана прошу распорядиться о высылке в войсковой штаб к полудню 4-го октября от ближайших к городу Екатеринодару станиц десяти урядников из наиболее заслуженных, по возможности георгиевских кавалеров...» – записано в одном из документов Войскового штаба [10].

В годы Гражданской войны регалиям Кубанского казачьего войска угрожала опасность быть захваченными или уничтоженными. В эти моменты трепетное отношение к ним кубанцев проявилось с особенной силой. Уходя из Екатеринодара под натиском красных в феврале 1918 г., войсковое правительство передало регалии на хранение

атаману станицы Брюховецкой И.С. Шевелю. Выбор был обусловлен надежностью и преданностью станичников. Регалии были надежно спрятаны и благополучно пролежали в тайниках до возвращения в Екатеринодар войскового правительства в августе 1918 г. Все 42 казака, принимавшие участие в сохранении регалий, были представлены к наградам [11].

В начале 1920 г. кубанские власти приняли решение эвакуировать регалии в Сербию. Борьба с большевиками еще продолжалась, но кубанские лидеры не хотели вверять судьбу регалий ненадежному военному счастью [12].

Регалии были для казаков Кубани зримым символом высшей ценности – войска и неотделимой от него возможности быть казаком. То, что эта ценность действительно высшая, показывает отношение к ней казаков. Драгоценнейшими, заветными сокровищами назвал их И.Д. Попка [13]. Казаки считали регалии необходимыми для единства различных групп войска и поколений казаков. Без них казаки не представляли себя как организованную силу. Отношение к регалиям было признаком осознания необходимости единства. Только существование войска могло обеспечить реализацию всех остальных ценностных установок кубанцев.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. *Попка И.Д.* Черноморские казаки в их военном и гражданском быту. Краснодар, 1998. С. 128. ; *Якаев С.Н.* Одиссея казачьих регалий. Краснодар, 1992. С. 6.
2. *Науменко В.Е., Фролов Б.Е.* Регалии Кубанского казачества. Краснодар, 2001. С. 9, 75.
3. *Ламонов А.Д.* Исторический очерк о заселении станицы Кавказской Кубанского казачьего войска и жизнь ее с 1794 по 1914 год ; *Захарченко В.Г.* Песни станицы Кавказской, записанные от Анастасии Ивановны Сидоровой. Краснодар, 1993. С. 250.
4. Государственный архив Краснодарского края (далее ГАКК). Ф. 318. Оп. 2. Д. 3610. Л. 11, 48 об.
5. *Попка И.Д.* Указ. соч. С. 128–129.
6. Там же. С. 132, 134.
7. *Бондарь Н.И.* Календарные праздники и обряды Кубанского казачества. Краснодар, 2003. С. 152–153.
8. *Науменко В.Е., Фролов Б.Е.* Регалии Кубанского казачества Краснодар, 2001. С. 39.
9. ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 8953. Л. 17.
10. ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 8844. Л. 37.
11. *Якаев С.Н.* Указ. соч. С. 7–8 ; Приказ Кубанскому казачьему войску (по Войсковому штабу) № 896 ; Там же. С. 82–85.
12. Там же. С. 9.
13. *Попка И.Д.* Указ. соч. С. 128.

МУЗЕЙ ТРАДИЦИОННЫХ НАРОДНЫХ РЕМЕСЕЛ КУБАНИ

(из опыта создания архитектурно-этнографического комплекса пос. Мезмай, Апшеронский район)

В современном обществе все большее значение приобретает не только проблема сохранения наследия, но и необходимость придания жизнестойкости ценностей традиционной культуры в образовательном и социокультурном пространстве. Решение поставленных задач возможно на основе сотрудничества образовательных учреждений и научно-исследовательских центров.

Основным направлением деятельности МОУ ДОД Детская школа традиционных народных ремесел Кубани пос. Мезмай является изучение народного декоративно-прикладного искусства и традиционных ремесел Кубани. При создании школы главным аспектом, ключом к организации работы учреждения послужило убеждение в необходимости соединения вопросов теоретического (научно-исследовательского) изучения народного искусства и творческой художественной практики. Основополагающая позиция – это введение народного декоративно-прикладного искусства традиционной культуры Кубани как системообразующего компонента в сложившуюся систему дополнительного образования детей (ДШИ и ДХШ). Процесс профессионального художественного образования выстраивается с учетом и на основе местных традиций.

Научно-исследовательское направление деятельности МОУ ДОД Детская школа традиционных народных ремесел Кубани пос. Мезмай осуществляет под руководством научно-исследовательского центра традиционной культуры ГНТУ «Кубанский казачий хор», реализуя следующие направления:

- этнографические экспедиции. Специалисты школы принимают участие в ежегодной Кубанской фольклорно-этнографической экспедиции, систематически осуществляют собственные полевые выезды;
- изучение этнографических коллекций исторических и краеведческих музеев региона, работа с архивными документами;
- сбор подлинных предметов НДПИ и инструментов традиционных ремесел. Поступившие изделия после необходимых процедур регистрации, описания, атрибуции, в некоторых случаях реставрации и консервации, входят в состав музейного и методического фонда школы;
- работа с народными мастерами [1]. Данному направлению уделяется особое внимание, так как помощь носителей знаний и традиций

ремесла необходима при проведении атрибуции найденных предметов и выполнении реконструкции.

Накопленный практический опыт, а также собранный во время полевых экспедиций вещевой материал (около 700 единиц) стали основой для создания архитектурно-этнографического комплекса «Музей традиционных народных ремесел Кубани».

Проблема музеефикации традиционной материальной культуры Кубани в настоящее время стоит особенно остро, пока мы окончательно не утратили ее важнейшие составляющие [2]. К сожалению, поколение народных мастеров, являющихся носителями традиционной культуры и владеющих секретами ремесла, уходит. Кроме того, на территории Кубани практически не осталось подлинных памятников народной архитектуры, а сохранившиеся на данный момент нуждаются в реставрации.

Архитектурно-этнографические музеи под открытым небом признаны наиболее полной формой сохранения традиционной культуры и воссоздания историко-этнографической среды. Музеи подобного профиля имеют сложную структуру, поэтому процесс создания музея представляет собой многоэтапную работу.

Работа по научному проектированию началась после анализа потенциальной источниковой базы будущего музея и теоретической подготовки. Разработке тематико-экспозиционных планов предшествовала активная исследовательская работа: сбор сведений из специальной литературы, работа в архивах, экспедиционные выезды и сбор полевых материалов (в т.ч. зарисовки, беседы с информантами, свидетельства очевидцев, зафиксированные в полевых дневниках и отчетах, фото- и аудиодокументы) [3].

Собранный материал стал основой и для организации образовательного процесса по практическому освоению традиционных ремесленных технологий, например, для учебной мастерской по ткачеству была выполнена реконструкция ткацких станков и вспомогательного ткацкого инструмента. В ходе данной работы появлялись находки, которые в свою очередь использовались при проектировании музея.

Основная специфика создания архитектурно-этнографического музея традиционных ремесел Кубани заключается в том, что архитектурные объекты экспозиции примерно на 70% будут состоять из реконструкций – новоделов. В мировой практике включение новоделов допускается при условии, что особое внимание при возведении реконструкций будет уделяться соблюдению традиционных технологий и качеству построения [4]. С другой стороны, сооружения, которые воссоздают облик утраченных построек, но являются новоделами, позволяют более широко показать все стороны деятельности ремесленников без ущерба для подлинных архитектурных объектов.

Важной особенностью является то, что экспозиции мастерских дополнены предметами, выполненными учащимися Детской школы искусств традиционных народных ремесел Кубани с соблюдением традиционных технологий под руководством народных мастеров. Сочетание научных изысканий с методом этнографической реконструкции позволяет соединить в одном музейном пространстве подлинные этнографические предметы с «новоделами», которые, дополнив друг друга, помогли воссоздать традиционное убранство ремесленных мастерских конца XIX – начала XX вв. Использование предметов-«новоделов» в демонстрации ремесленных и трудовых процессов также позволяет решить проблему сохранения подлинных вещей.

Разработка тематико-экспозиционных планов велась на основе принципа историко-этнографического районирования, т.е. с учетом особенностей бытования ремесел в различных зонах Кубани – Черноморья, Линия, Закубанье; влияния природных особенностей (степь, горы); этнических истоков кубанского казачества (русские, украинцы), взаимовлияния с соседними горскими народами.

В основу генерального плана музея положен секторный принцип формирования экспозиции. Каждый из секторов представляет собой реконструкцию традиционной ремесленной мастерской: кузнеца, шорника, бондаря, колесника, ткача. Экспозиции интерьеров мастерских включают в себя подлинный ремесленный инструмент, произведения народного декоративно-прикладного искусства и предметы быта. Разрабатывая экспозицию, особое внимание уделялось сохранению комплексов вещей, поступивших от одного мастера, например, экспозиция кузнечной мастерской воссоздана на основе предметов, переданных в дар музею потомками кузнечных династий г. Майкопа (Гапошины, Жилины, Сапельниковы).

В августе 2008 г. в поселке Мезмай Апшеронского района прошло торжественное открытие архитектурно-этнографического комплекса, который включает в себя две развернутые постоянные экспозиции по кузнечному делу и традиционным деревообрабатывающим ремеслам.

Экспозиция «Кузнечное дело Кубани» включает в себя несколько реконструированных архитектурных объектов: кузнечная мастерская с воссозданным интерьером конца XIX – начала XX вв. (горн, меха, кузнечный инструмент, образцы кованных изделий), ковочный станок, станок для ошиновки колес.

В экспозиции «Традиционные деревообрабатывающие ремесла Кубани» представлен ремесленный инструмент бондаря, колесника, токаря, резчика (характерный для конца XIX – начала XX вв.), готовые изделия, продемонстрированы основные этапы работы мастера.

В 2009 г. завершается работа над созданием экспозиции «Традиционное народное ткачество Кубани», которая позволит получить полное представление о традиционном народном ткачестве – от обра-

ботки сырья до готовых тканых изделий. На выставке представлены произведения традиционного народного ткачества, подлинные ткацкие станки и инструмент.

В настоящее время на основе научно разработанного проекта музея традиционных народных ремесел Кубани ведется систематическая работа по комплектованию фондов, в т.ч. для создания новых экспозиций: «Мастерская шорно-седельного дела», «Мастерская гончарная».

Музеи под открытым небом – «это особый тип музея, в котором даже грамотно исторически и этнографически смоделирована архитектурная среда, воссозданы интерьеры и правильно найден микроландшафт, без людей и их деятельности воспринимается мертвым» [5]. Важнейшей функцией экспозиции является «погружение в среду», создание эффекта присутствия – посетитель должен ощущать себя в действующей ремесленной мастерской [6]. Для преодоления этой проблемы помимо основной музееведческой деятельности в рабочий распорядок музея под открытым небом включены элементы традиционной ремесленной деятельности. Посетителям предоставлена возможность не только познакомиться с устройством традиционных ремесленных мастерских, но и пообщаться с мастерами, понаблюдать за их работой, и самим принять участие в изготовлении изделия.

Данные положения успешно апробированы в рамках выставочной деятельности Детской школы искусств традиционных народных ремесел Кубани пос. Мезмай на краевом, региональном и федеральном уровнях. С 2002 г. работает передвижная выставка «Традиционные народные ремесла Кубани. Народные мастера и ученики». Основу экспозиции составляют подлинные произведения НДПИ и работы учащихся школы, выполненные в ремесленных традициях Кубани. В рамках выставки организованы мастер-классы по всем представленным видам ремесел: ткачество, резьба по дереву, плетение из природных материалов и т.д.

В мировой музейной практике широко используется опыт насыщения экспозиции разными формами показа ремесленных процессов, которые дают возможность создать эффект «обжитости» музейного интерьера [7]. Например, в Осло в 1994 году построен по старой технологии макет жилого дома с открытым очагом, в экспозиции которого полноценно используется принцип интерактивности – посетители не только угощаются традиционными крестьянскими блюдами, но и привлекают к участию в крестьянских бытовых и трудовых процессах [8]. Стоит отметить, что подобный подход к формированию экспозиции считается наиболее актуальным и перспективным, он позволяет активизировать интерес посетителей, оказывая воздействие не только на интеллектуальном, но и на эмоциональном уровнях.

Особенность моделирования среды музея заключается в том, что экспозиция должна соответствовать традициям обустройства, сложившимся стереотипам и народной «логике» организации пространства подворья-мастерской. В представлении народа каждый отдельный предмет находится в связи с его традиционным местонахождением в помещении, и закрепление в экспозиции традиционных связей предметов с определенной частью жилища или мастерской позволяет воссоздавать не только детализированные интерьеры, но и подлинный микро- и макромир вещей [9].

Работа над созданием архитектурно-этнографического музея традиционных ремесел Кубани в ДШИ пос. Мезмай велась параллельно с организацией образовательного процесса и стала его неотъемлемой частью. Учащиеся школы принимали непосредственное участие в этнографических выездах, в оформлении и организации экспозиции. Освоение ими традиций ремесла выстроено на основе работы с народными мастерами.

Интерактивная экспозиция музея дает возможность осуществлять в полной мере образовательную и просветительскую функции, направленные на повышение уровня знаний по истории и традиционной культуре родного края не только для учащихся ДШИ пос. Мезмай, но и для всех желающих, в т.ч.:

- уроки-экскурсии;
- тематические праздники (например, День кузнечного дела Кубани);
- мастер-классы по всем видам традиционных ремесел Кубани.

Менталитет молодого поколения в значительной степени ориентирован на рациональное, структурированное освоение окружающего мира. «Живая» экспозиция является органичным способом проникновения в традицию и становится действенным механизмом для налаживания устойчивого взаимодействия между традиционной культурой и современным человеком.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Методическую основу этой деятельности составляют рекомендации, разработанные ведущим специалистом в области преподавания НДПИ Вакуленко Е.Г. (ЖГУКИ). См.: *Вакуленко Е.Г.* Система регионального непрерывного художественно-эстетического образования. Ч. VI. Народное декоративно-прикладное искусство. Краснодар, 1997.

2. Под музеефикацией понимается направление музейной деятельности, заключающееся в преобразовании историко-культурных объектов в объекты музейного показа с целью максимального сохранения и выявления их историко-культурной, научной и художественной ценности.

3. Научное проектирование и разработка экспозиции традиционных ремесленных мастерских велись под руководством НИЦ ТК ГНТУ «Кубанский казачий хор».

4. Анализ опыта организации этнографических музеев под открытым небом в СССР и Европе. М., 1986. С. 38.

5. Давыдов А.Н. Архангельский музей деревянного зодчества // Советская этнография. 1982. № 4. С. 93–105.

6. Зязева Л.К. Этнографические музеи в образовательном пространстве (опыт Российского этнографического музея) // Традиционная культура. 2006. № 3. С. 101.

7. Мари-Одиль Марион. Экспонирование предметов традиционных ремесел: эксперимент в Мексике // Museum. 1993. № 1. С. 18–23.

8. Эва Нордсон. Вначале был Скасен // Museum. 1993. № 1. С. 25–27.

9. Трифонова Л.В. К истории формирования экспозиции традиционных интерьеров крестьянских домов в музее-заповеднике «Кижи» (1988–2005 гг.). // Тезисы докладов Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы развития музеев-заповедников». Петрозаводск, 2006.

И.Х. Тхамокова

ТРАДИЦИОННАЯ ПИЩА В СОВРЕМЕННОЙ СВАДЕБНОЙ ОБРЯДНОСТИ КАЗАЧЕСТВА КБР

Пища всегда занимала важное место в обрядности. Она не только сопровождала обряды, но и играла в них активную роль, имела символическое значение. Как доказывает А.К. Байбурин, «кулинарный код оказался, пожалуй, наиболее «приспособленным» к выражению основных идей ритуала как механизма воспроизводства культуры. Включенность этого кода в обряды самых разных типов свидетельствует не только о его высокой моделирующей способности, семиотической (а отнюдь не только практической) нужде в нем, но и о единообразии глубинных смыслов различных обрядов. Не случайно сама идея жертвы, жертвоприношения как универсального способа обновления мира носит прежде всего «пищевой» характер» [1].

Не только в традиционных, но и в современных обрядах пища продолжает занимать центральное место. Нередко именно потребление пищи – это то немногое, что сохраняется в современных условиях от старинных обрядов: «Характерно, что в результате деградации многие обряды и праздники сводятся, например, к приготовлению угощений и трапезе» [2].

Традиционная свадьба терского казачества – это очень сложный обрядовый комплекс, в состав которого входило множество разнообразных обрядов, и обрядовой пище принадлежало важное место. Современная свадебная обрядность в казачьих станицах значительно упростилась и сократилась по сравнению со старинной. Однако некоторые традиционные обряды сохранились, и пища по-прежнему играет в них важную роль. Разумеется, в настоящее время свадебная пища – это современный праздничный стол с большим количеством

салатов, всевозможных закусок, горячих блюд из мяса и птицы, с тортами, конфетами и другими сладостями, с овощами и фруктами. Часто он ничем не отличается от обычного праздничного стола, может быть, только своими масштабами. Однако в станицах еще сохраняются некоторые традиционные свадебные блюда, а также связанные с ними обычаи и обряды. Именно они и являются предметом данного исследования. Материалы для него были собраны в станицах Кабардино-Балкарии: Солдатской, Приближенной, Екатериноградской, Котляревской и Александровской.

1. Разрезание хлеба невестой. Сватовство сохранилось в станицах Кабардино-Балкарии до настоящего времени. Сваты приносят с собой хлеб (каравай) и вино или водку. По-прежнему соблюдается традиционный обычай скреплять договор о браке, для чего невеста должна разрезать принесенный сватами хлеб. В станице Александровской она режет его на 4 части, затем разламывает на более мелкие кусочки и раздает присутствующим, называет при этом родителей жениха в первый раз папой и мамой. В станице Екатериноградской невеста режет половину караваев на кусочки и дает их своим родителям и родителям жениха, которых она называет папой и мамой. Жених точно так же режет свою половину караваев и раздает ее своим родителям и родителям невесты, которых он также называет папой и мамой. Невеста говорит: «Папа и мама, примите меня в свою семью, примите мой хлеб-соль» [3]. В станице Александровской есть примета, что девушка не должна переворачивать хлеб, когда режет его, иначе ее ждет беспокойная, несчастливая жизнь [4].

Как и прежде, согласие невесты разрезать хлеб означает ее согласие на брак. С того момента, как невеста разрешила хлеб, она считается просватанной. «Отрезанный ломоть», – говорят о ней. То есть разрезание хлеба невестой относится к числу дисъюнктивных обрядов, которые должны разлучить невесту с ее семьей [5]. Иногда, напротив, разрезанный на две части хлеб соединяют и говорят, что так же невеста должна соединиться с женихом, но это редкое объяснение. Обычай, согласно которому невеста должна во время сватовства разрезать хлеб, существовал в станицах Кабардино-Балкарии уже в 20-е гг. прошлого века. В более ранних описаниях свадеб станиц Прохладной и Екатериноградской конца XIX – начала XX вв. о нем нет упоминаний. Тогда существовали другие формы заключения договора о браке, но тоже связанные с хлебом.

Обряд разрезания хлеба во время сватовства очень сходен с обрядом, сопровождавшим когда-то раздел большой семьи, когда один или несколько сыновей отделялись от отца. Хозяин разрезал целый хлеб на две части и одну из них отдавал отделяющемуся члену семьи [6]. Возможно, что именно из этого ритуала обычай разрезать хлеб перешел в свадебную обрядность. И в том, и в другом случае разрезание

хлеба символизирует отделение члена семьи. Тем самым девушку, дочь, выходящую замуж, обряд приравнял к сыну, отделяющемуся от своего отца. Причем хлеб разрезает сама девушка-невеста, то есть в данном обряде именно она проявляет активность. Это полностью соответствует ее роли в заключении брака – в современных условиях девушка сама решает, за кого ей выходить замуж.

После разрезания хлеба хозяева угощают сватов. Каких-либо особых блюд по этому случаю не готовят.

2. *Изготовление и украшение свадебного каравая.* Примерно за день до свадьбы в станицах готовят обязательные свадебные изделия из теста – *каравай* и *шишки*. Каравай с давних пор был неизменным атрибутом южнорусской и украинской свадеб.

Каравай перед свадьбой пекут и у невесты, и у жениха. В ст. Александровской каравай, который готовят в доме жениха, называется *лежень* [7]. Если есть русская печь, то каравай пекут в печи. Каравай, который готовят в доме жениха, ничем не украшают. В доме невесты каравай, как и в прежние времена, украшают калиной. В некоторых станицах сохранилась традиция изготовления свадебного деревца, которое вставляют в каравай невесты. Для такого деревца берут ветку большего или меньшего размера. В станице Екатериноградской эту ветку обертывают тестом и запекают в печи. В станице Александровской веточку украшают цветной бумагой, искусственными цветами. В других станицах свадебное деревце украшают конфетами, шишками и т.п. В прошлом ветку для свадебного деревца приносили из леса и украшали девушки – подружки невесты. Сейчас же свадебным деревцем занимаются чаще всего те же самые женщины, которые пекут каравай. В станице Александровской есть женщины, которые делают украшенные искусственными цветами свадебные деревца на заказ.

Обычай печь свадебный каравай и украшать деревце или ветку – характерный признак южнорусско-украинско-белорусского варианта восточнославянской свадьбы, известен он не только восточным, но также западным и южным славянам – полякам, словакам, болгарам [8].

Свадебное деревце в понимании восточных славян являлось символом девушки, «девичьей красоты». В то же время, по мнению ряда ученых, свадебное деревце – это древо жизни или мировое дерево [9].

Кроме того, во всех станицах к свадьбе пекут *шишки* – особые сдобные булочки. Их также готовят по числу гостей и даже больше. В прошлом с изготовлением каравая и *шишек* было связано много примет и ритуалов. В станице Приближенной каравай сажали в печь двое подростков – мальчик и девочка или взрослые мужчина и женщина. Ставили 2 свечи – одну для невесты, другую для жениха. Чья быстрее погаснет, тот из молодоженов раньше умрет [10]. В станице Александровской до наших дней сохранился обычай, если кара-

вай пекут дома, то его сажают в печь молодой неженатый парень и незамужняя девушка, которые при этом целуются [11].

Но в настоящее время каравай и *шишки* часто пекут не дома, а в пекарнях или на хлебозаводах по заказу. Иногда их заменяют обычными булочками.

3. *Раздача каравая и шишек*. Один из важнейших свадебных обрядов – одаривание молодых. В станице Александровской сват вносит *каравай*, который из дома невесты перевозят в дом жениха, и говорит: «Люди добрые, разрешите этот хлеб на весь мир разделить». Он повторяет это трижды. Затем оба свата и обе свахи выходят, режут на кусочки *каравай* невесты и *лежень* жениха, выносят их и говорят: «Люди добрые, хлеб-соль примите, молодых одарите». Подносят каждой паре гостей по кусочку каравая и по кусочку лежня, те в ответ одаривают молодых [12].

В станице Екатериноградской тоже раньше на дарах резали и раздавали каравай. Сейчас это делают редко, но если делают, то дружко говорит, обращаясь к гостям: «Сыр-каравай принимайте, наших молодых одаряйте». Потом он перечисляет, что нужно приобрести молодым [13]. Очень интересно, что в этой формуле упоминается сыр, хотя на самом деле никакого сыра гостям в станице Екатериноградской не дают. Однако во многих районах России (в Поволжье, на севере, в центральных областях) действительно существовал обычай на второй день свадьбы резать и раздавать гостям сыр. Они в ответ должны были одарить молодых. У донских казаков во время даров вместе с караваем раздавали и сыр и произносили ту же формулу, что и в станице Екатериноградской [14]. Казаки станицы Екатериноградской переселились на Кавказ в 1777 г. с Волги, а на Волгу – в 1732 г. с Дона. Они, видимо, сохранили донскую вербальную формулу, применявшуюся при раздаче каравая и сыра на свадьбе, хотя и утратили сам обычай раздачи сыра.

Это, видимо, старинный обычай. Еще во времена Киевской Руси разрезание сыра (вместо разрезания хлеба в современной Кабардино-Балкарии) скрепляло договор о браке [15]. В свадебном чине середины XVI в. упоминается раздача сыра и каравая в доме невесты. Вместе с платочками по кусочку сыра и каравая получал жених, вся его свита, все родственники невесты, а определенная часть отправлялась также родителям жениха [16]. Таким образом, жители станицы Екатериноградской, хотя бы только в словесной формуле, сохранили воспоминание о древнем обряде и об обычаях других регионов России, где жили когда-то предки нынешних казаков.

Роль каравая в свадебной обрядности многозначна. Его считают символом плодородия, достатка, изобилия, он также рассматривался в качестве жертвы, воплощения счастья и доли, отмечалась его связь с образами жениха и невесты, солнца и месяца, с концепцией миро-

вого дерева. Каравай считается и символом вновь созданного мира. Раздел каравай – это символическое деление мира, в котором каждый из участников получает свою долю [17].

Однако в настоящее время на дарах чаще раздают не каравай, а шишки, конфеты, яблоки, которые кладут в пакетики. Каждому из гостей свашка подносит стаканчик водки или вина и *шишку*. Приняв их, гость поздравляет молодых, желает им семейного благополучия, долгих лет жизни, большого терпения и т.п. Тут же он объявляет о своем подарке, а если дарит деньги, то сразу же отдает их. Гостей на свадьбе обычно рассаживают парами – муж с женой или брат с сестрой. Тогда каждой паре подносят по две рюмки и две *шишки*. Пока продолжают дары, жених с невестой стоят, благодарят всех, кто их поздравляет и одаривает. Одаривание сохраняется в свадебной обрядности многих сел и городов не только на Северном Кавказе, но и далеко за его пределами, например, в областях Центральной России [18].

Смысл этих обычаев казаки не могут объяснить, но некоторые пожилые люди высказывают мысль об их сакральности. Они считают, например, что если человек развелся с «законной женой» после того, как на свадьбе их поздравляли гости, дарили им подарки, желали счастья, то он всю жизнь будет несчастлив [19].

4. *Завтрак невесты*. Многие из существовавших ранее обрядов второго дня свадьбы исчезли, но один обычай уцелел до наших дней. Утром в большинстве станиц невесте приносят завтрак из дома ее родителей. Только в станице Солдатской и в городе Прохладном, как и в прошлом, завтрак невесте не приносят, а она сама вместе с женихом и его родственниками отправляется завтракать в дом своих родителей.

Как прежде, так и в наши дни, в состав блюд для этого завтрака обязательно входит курица. Часто ее украшают красными ленточками. Кроме курицы, мать невесты посылает ей часто пирог, мед, сладости. Раньше завтрак во многих селах относили подруги невесты, в настоящее время это чаще делают ее родственники.

По обычаю, жених должен поломать курицу и раздать ее своим родственникам. Этот процесс сопровождается шутками и прибаутками. Например, своей сестре он дает крылышко, чтобы она скорее улетела из родного дома, а невесте дает хвост, чтобы она сидела дома (станица Александровская). Или же ножки жених давал своим родителям, крылышки – родителям невесты, грудку – крестным (станица Екатериноградская). Обычай приносить завтрак невесте от ее родителей на второй день свадьбы существовал в станицах Кабардино-Балкарии еще в конце XIX – начале XX вв. И тогда тоже на завтрак приносили курицу, и жених ломал ее. С тех пор этот обычай мало изменился.

5. *Куриная лапша*. Третий день свадьбы чаще всего приходится на понедельник. Это рабочий день, поэтому гости собираются в доме жениха только вечером. Они приносят с собой кур, уток – живых или уже разделанных (иногда кур собирают накануне этого дня). Этих кур отваривают. В большинстве станиц с курами готовят домашнюю лапшу – ее можно считать обрядовым блюдом третьего дня свадьбы. Только в станице Александровской лапшу в этот день не варят. Там считают, что это поминальное блюдо и на свадьбу его готовить нельзя. Но кур готовят и в Александровской, как и в других станицах и селах.

При всех изменениях, при сокращении и упрощении свадебной обрядности казачества за последние 100 лет традиционная свадебная пища и сопровождающие ее обычаи и обряды не исчезли полностью. Некоторые из них сохранились и являются обязательными компонентами всех этапов свадебной обрядности – от сватовства до последнего дня свадьбы. Изменения затронули способы приготовления обрядовой пищи: *каравай* и *шшишки* часто не пекут дома, а заказывают на хлебозаводе или в пекарне, украшают *каравай* не подружки невесты, а пожилые женщины. Однако сохранились древние ритуалы, связанные с пищей, такие как разделение и раздача свадебного *каравая* и *шшишек* всем присутствующим. И хотя значение этих обрядов давно забыто, они продолжают исполняться и по-прежнему являются кульминационным моментом свадебных церемоний.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб., 1993. С. 217.
2. Там же. С. 213.
3. Долженко Н.С. 1949 г.р. ст. Екатериноградская.
4. Кулик В.Г. 1953 г.р., ст. Александровская.
5. Кагаров Е.Г. К вопросу о классификации народных обрядов // Доклады Академии Наук СССР 1928. М., 1928. С. 250.
6. Байбурин А.К. Указ. соч. С. 101.
7. Кулик В.Г., Гаврилина Г.И. 1954 г.р., ст. Александровская.
8. Рабинович М.Г., Шмелева М.Н. и др. Этнография восточных славян... М., 1987. С. 406 ; Брак у народов Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1988. С. 14, 40, 143.
9. Сумцов Н.Ф. О свадебных обрядах, преимущественно русских. М., С.178.
10. Елисева В.Ф. 1904 г.р., Тихоненко Е.М. 1907 г.р., ст. Приближная.
11. Кулик В.Г.
12. Гаврилина Г.И.
13. Долженко Н.С.
14. Рудиченко Т.С. Некоторые особенности обрядовой и праздничной пищи донских казаков // Дикаревские чтения (7). Итоги фольклорно-этнографичес-

ких исследований этнических культур Северо-Западного Кавказа за 2000 год. Материалы региональной научной конференции. Краснодар, 2001. С. 78

15. Русские: народная культура... С. 111, 164.

16. Памятники литературы Древней Руси. Середина XVI века. М., 1985. С. 184–185.

17. Байбурин А.К. Указ. соч. С. 82.

18. Гусева С.М. Проблемы традиционности современной русской свадьбы // Русские: семейный и общественный быт. М., 1989. С. 224–225.

19. Герасименко Н.Т., 1928 г.р., ст. Солдатская.

И.А. Баранкевич

ТРАДИЦИОННЫЙ ЖЕНСКИЙ ГОЛОВНОЙ УБОР В СЕМЕЙНОЙ ОБРЯДНОСТИ КАЗАЧЕСТВ ЮГА РОССИИ

В современной историко-этнографической и культурологической литературе женский костюм казачеств России, функциональное назначение которого многогранно, исследован недостаточно полно. Между тем роль костюма в обрядах жизненного цикла в конце XIX – начале XX вв. очень велика.

В данной работе рассматривается традиционный женский головной убор и связанная с ним прическа как важная часть костюмного комплекса в семейной обрядности казачеств Юга России. Не останавливаясь подробно на всех этапах обрядов жизненного цикла, обозначим кульминационные моменты, в которых наиболее четко прослеживается обрядовое значение традиционного женского головного убора, и отметим общее и особенное для отдельных казачеств.

В восточнославянской традиции первый свой головной убор – платок – девочка получала в день обряда «первой стрижки», который был настоящим семейным праздником [1]. В первую годовщину рождения девочки ей впервые подрезали ногти и волосы. До этого возраста волосы не стригли, а ногти обкусывала у младенца мать, объясняя это тем, что, подстригая, «можно отрезать язык» и ребенок долго не будет говорить [2]. Кроме того, считали, что стрижка может помешать его хорошему росту и появлению зубов [3].

Русские верили, что ребенок, родившийся с волосом на голове, обладает большой «жизненной силой». По представлениям восточных славян, на увеличение «жизненной силы» у младенца, со временем его взросления, указывали: затвердение кости, рост волос и появление зубов. Поэтому стричь волосы можно было только после появления у ребенка зубов. «Постриги», возможно, были посвящены наделению

младенца «культурными» признаками пола и признанию личности ребенка обществом. В традиционной культуре кубанского казачества «пострижение» расценивается исследователями «как подтверждение социальных связей ребенка, установленных посредством крещения, т.к. осуществлялось чаще всего восприимниками» [4].

Повсеместно у восточных славян ребенка «постригали», посадив на вывернутую шубу, овчину или подушку [5]. На Кубани ребенка начинал стричь крестный отец, а заканчивала – крестная мать. Иногда стрижку совершал кто-то один из крестных родителей: девочку стригла крестная мать, а мальчика – крестный отец. Волосы выстригали крестообразно, а затем стригли «налысо». Во время ритуала ребенок обычно сидел на табурете, покрытом шубой или кожухом [6]. Распространенным на Кубани было представление, что состригают первые волосы полностью для того, чтобы последующие хорошо росли и были густыми [7]. Состригаемые волосы нельзя было бросать на землю («чтобы не схватила птица») или пускать по ветру. Иначе голова будет болеть и кружиться [8].

Обрядовая «застрижка» волос у восточных славян отмечала разные этапы жизни ребенка, вступление его в иную возрастную группу. Ритуальные действия обычно сопровождали добрыми пожеланиями ребенку на будущую жизнь [9]. В кубанских станицах после завершения «пострига» крестные родители одаривали своего крестника («шоб великий рос») [10]. Крестная дарила ткань на рубашку или платье. В других районах России девочка получала юбку и платок. Таким образом «бесполое дитя» приобретало культурно предписанные признаки пола [11]. На данном этапе социализации ребенка уже заметную роль играют традиционные головные уборы – шапка и платок.

В традиционной культуре донского казачества встречался интересный обряд, связанный с первой прической девочки, который проводили, когда она начинала ходить. Обыкновенно семья устраивала праздник, посвященный первому шагу ребенка, и одаривала девочку ленточками «на первый бантик», гребенкой «на косочку», платочком «в церкву ходить» [12]. На Дону существовал также обычай прокалывать мочки ушей у девочек и вдевать в них сережки только после того, как мать перестает кормить дочь грудью. В исследованиях историка Н.И. Костомарова встречаем сведения о том, что в XVI–XVII веках русские матери прокалывали уши своим дочерям и вдевали в них серьги, как только девочки начинали ходить [13]. Обычай этот был распространен как у знатных людей, так и у крестьян. Традиция прокалывания ушей символически связана с первой стрижкой ребенка, так как обе эти операции не могли осуществляться до первых шагов ребенка, чтобы не помешать его росту, развитию и умению ходить.

До своего совершеннолетия девочка могла носить платок лишь в особых случаях, не используя его как повседневный головной убор. Но

с наступлением возраста, когда девушку можно было сватать, у нее появлялся специальный девичий головной убор и платок уже часто использовался в ее праздничном наряде [14].

Традиционные женские головные уборы и прически казачьих областей юга России очень разнообразны. Замужняя женщина обязана была закрывать свои волосы под головным убором, а девушка могла их не прятать. По этой причине и существовали различия в форме и составе головных уборов девушек и женщин. Представление о волосах у восточных славян связывалось с идеей плодородия, поэтому их сокрытие имело апотропейное значение, направленное на сохранение плодовитости женщины.

Самой древней прической девушек были свободно распущенные волосы. В XIX – начале XX вв. повсеместно юные казачки носили одну косу с нарядными лентами. Девушки Дона в косу вплетали «косник» – ленту с кисточками, «махрами» и колокольчиками [15]. Их головной убор – «челоуг» – состоял из широкой красной бархатной ленты, унизанной жемчугом и украшенной по краям золотыми цепочками или монетами. Поверх такого головного убора надевали «таркич» – шелковый или бумажный платок, концом которого обворачивали косу [16]. В праздники девушки Кубанской области украшали голову венками из искусственных или живых цветов, колосков, листьев [17].

Значительные изменения происходили в головном уборе и прическе девушки в день ее свадьбы. В этот день в доме невесты с утра начиналось обряжение к венцу. Сваха, мать или старшая подруга расчесывала волосы невесте и заплетала косу особым способом так, чтобы другой свахе (со стороны жениха), которая позже будет расплетать косу, пришлось бы с ней повозиться. Впереди волосы «плютили» (завивали) [18]. Невеста разбирала свой «косник» и раздавала подругам по ленте.

В XVIII – начале XIX вв. приготовления невесты к венцу у донских казаков проходили в церковном притворе или на паперти. С девушки снимали головной убор, расплетали косу, расчесывали и, разделив ее на две, опускали на плечи. После совершения обряда венчания невесту «повивали» на том же месте, где и расплетали. Перемена прически и головного убора («окручивание», «повивание») означала «рождение» женщины в новой семье и в новой социальной группе замужних. Донской казачке заплетали две косы и, обернув их вокруг головы, надевали повойник или соболью шапку [19; 20]. Способы заплетания кос в женской прическе отличались от обычного девичьего способа. Их плели «навыворот», т.е. обратным способом – сверху вниз. После венца заплетать снизу вверх было нельзя [21]. По сведениям Евлампия Котельникова в донской Верхне-Курмоярской станице до 1785 г. «великий был грех венчаться без повязки и кички» [22]. После венчания здесь снимали девичью «перевязку» и, сделав женскую прическу, надевали

«рогатую кичку», покрыв ее «сырцовым сальником» (белым шелковым покрывалом). В письменных источниках века встречаем сведения, что в донских станицах новобрачных домой из церкви везли в венцах, с молодыми ехал и священник [23]. Во второй половине XIX в. на свадьбе при «повивании» надевали «колпак» [24]. Он представлял собой тканый или вязаный конусообразный мешочек, заканчивавшийся небольшими «махрами», иногда украшенный бисером и вышивкой с красной кисточкой наверху [25]. Подобный головной убор встречаем у татар – это вязаный женский и бархатный девичий «калфак».

Старинные головные уборы долго сохранялись в свадебной обрядности некрасовских казаков. Девушка – невеста в день венчания обычно встречала в родительском доме жениха, надев девичий кокошник. Во время обряда «повивания» девичий головной убор состоял из трех основных частей: «рогов», «сороки», и «позатыльника». «Рогами» называли небольшую полотняную шапочку с укрепленными на ней рогами из твердого материала. Обряжая невесту к венцу, на голову ей надевали «рога», накрепко привязывая их тесемками. Затем накладывали и привязывали сзади «позатыльник», отделанный галуном и плотно пришитыми австрийскими, русскими, турецкими монетами. Сверху на «рога» надевали «сороку». И завершал свадебный головной убор шарф – «лента» из тонкого прозрачного шелка. Шарф накидывался на «рога» и закрывал лицо невесты [26]. Одна из общин некрасовцев в Турции использовала «кичку», украшенную серебряными монетами XVIII в., вплоть до переезда в Россию в 1962 г. [27]. Этот головной убор являлся, прежде всего, знаком этноконфессиональной принадлежности казачек в иноэтничной и иноконфессиональной стране и, возможно, поэтому так долго сохранился.

Гребенские казаки-староверы проводили обряд «повивания» в церкви, куда приезжала невеста с непокрытой головой. Сваха перед венчанием расплетала девичью косу, заплетала две косы, которые укладывала «куклями» вокруг головы в женскую прическу «наколку» и покрывала ее шелковым платком [28]. На такую прическу в начале XX в. надевали многосоставный женский головной убор, состоящий из «подкосника», «сорочки», «стягиша» и «ширинки» [29].

Под влиянием городской моды во многих регионах России в конце XIX – начале XX вв. был широко распространен в качестве повседневного головного убора веноч из белых восковых цветков с белой фатой [30]. Но наряду с ним встречались и более архаичные головные уборы.

В кубанских станицах, населенных выходцами с Украины, использовались свадебные украинские венки из красных восковых цветков или головная повязка из сложенного платка. Именно в таких головных уборах венчались невесты станицы Воронежской в конце XIX в.

[31]. Украинский венок из красных и белых восковых цветов с яркими шелковыми лентами надевали на венчание казачки линейных станиц Новорождественской и Фастовецкой (Тихорецкий район) [32; 33]. Эти уборы вместе с «монистом» и вышитой «завеской», входивших в костюм невесты, местные жители, возможно, заимствовали у поздних переселенцев с Украины. В станице Фастовецкой подруги расчесывали волосы и делали невесте косу «врасплет» еще вечером накануне дня венчания. Тогда же надевала она свадебный венок [34].

На кубанских свадьбах в конце XIX – начале XX вв. на женскую прическу новобрачной одевали «колпак», «очипок» («чепчик») или «шлычку» и покрывали ее платком [35; 36]. В конце XIX в. «шлычка» закрывала почти все волосы, а в начале XX в. вошли в моду «шлычки», надевавшиеся только на «пиш» (волосы, уложенные на затылке). Такой головной убор был широко распространен и у казачек Дона. Подобные «уборы» встречались у казачек других регионов России.

Во второй половине XIX в. повсеместно в России в качестве основного женского головного убора употреблялся платок. Во всех казачьих регионах происходило упрощение традиционных женских головных уборов, которые сначала открывали лишь часть волос прически, а позже уже закрывали только пучок волос на затылке. Но, несмотря на такое влияние городской моды, в начале XX в. еще существовала устойчивая традиция закрывать волос платком, выходя на улицу (в «чужое», «опасное» пространство). С упрощением головных уборов происходило и упрощение связанной с ними прически. Самым удобным в употреблении головным убором оказался платок, которым можно было традиционно закрывать волосы, придавая при этом ему удобную форму с допуском вариативности и учетом личного вкуса.

В обрядах жизненного цикла женский головной платок часто служил символом породнения. Родившая женщина на «родинах» и «крестинах» дарит бабушке-«повитухе» и «крестной матери» ребенка платки или отрезки ткани. Платки и полотенца раздавали родным и близким на похоронах и поминках [37]. Просватанная девушка также получала в подарок от жениха и его родных платки, косынки, шали, отрезки ткани и другие предметы одежды. С изменением возраста женщины головной убор ее изменялся, платки же продолжали носить казачки и в пожилом возрасте. Пожилые кубанские казачки и сегодня покрываются платком, сложенным по диагонали треугольником. Три угла такого платка символизируют по их представлению «Святую Троицу» [38]. В обряде покойницы также обязательно входит платок [39].

Платок заменяет в конце XIX – начале XX вв. старинные, сложные в изготовлении, многосоставные головные уборы. Традиционный женский головной убор, широко распространенный еще в начале XIX в. и вытесненный из повседневного бытования городской модой, в конце

XIX – начале XX вв. становится только обрядовым и несет очень важную семантическую информацию.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. *Веселова И.С.* Покров Богородицы и бытование платка в русской женской субкультуре // Живая старина. 1996. № 3. С. 8.
2. *Маслова Г.С.* Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX – начала XX вв. М., 1984. С. 106.
3. *Бернштам Т.А.* Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – нач. XX вв. (Половозрастной аспект традиционной культуры). Л., 1988. С. 56.
4. *Богатырь Н.В.* Крестильные обычаи и обряды восточнославянского населения Кубани в конце XIX – первой половине XX вв. // Восточнославянский этнолингвистический сборник. Исследования и материалы. М., 2001. С. 79–103.
5. *Маслова Г.С.* Указ соч. С. 106.
6. *Богатырь Н.В.* Указ. соч. С. 95.
7. Там же. С. 94.
8. ПМ КФЭЭ-96. Тихорецкий р-н, ст. Новорождественская. АК № 974. Инф. Земкова А.И. (1912 г.р.).
9. *Маслова Г.С.* Указ. соч. С. 107.
10. *Богатырь Н.В.* Указ. соч. С. 95.
11. *Веселова И.С.* Указ. соч. С. 8.
12. Донские казаки в прошлом и настоящем. Ростов-н/Д., 1998. С. 416.
13. *Костомаров Н.И.* Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях. М., 1992. С. 176.
14. *Веселова И.С.* Указ. соч. С. 8.
15. *Новак Л.А., Фрадкина Н.Г.* Как у нас-то было на Тихом Дону. Историко-этнографические очерки. Ростов-н/Д., 1985. С. 5.
16. Там же. С. 58.
17. Кубанские станицы. Этнические и культурно-бытовые процессы на Кубани. М., 1967. С. 160.
18. ПМ КФЭЭ-96. Тихорецкий р-н, ст. Фастовецкая. АК № 1000. Инф. Тихонова З.Г. (1917 г.р.), Соколов П.Л. (1917 г.р.).
19. *Сухоруков В.Д.* Общежитие донских казаков в XVII и XVIII столетиях. Новочеркасск, 1892. С. 83.
20. *Броневский В.* История Донского войска. Описание донской земли, нравов и обычаев жителей. СПб., 1834. Ч. 3. С. 209.
21. *Листопадов А.М.* Старинная казачья свадьба на Дону. Обряды и словесные тексты. Ростов-н/Д., 1947. С. 102.
22. Исторические сведения Войска Донского о Верхне-Курмолярской станице, составленные из сказаний старожиллов и собственных примечаний, 1818 года декабря 31 дня, Евлампия Кательникова. Новочеркасск, 1886. С. 36.
23. *Астапенко Г.* На тихом, на вольном, на славном Дону... (Быт, обычаи, обряды, праздники донских казаков). Ростов-н/Д., 1998. С. 78.
24. *Новак Л.А., Фрадкина Н.Г.* Указ. соч. С. 64.
25. Там же.
26. Донской народный костюм (О создании сценического костюма на основе донской народной одежды). Ростов-н/Д., 1986. С. 63.
27. *Абрамова Т.* Некрасовские рогатые кички (к проблеме идентификации одежды казаков-некрасовцев) // Памяти А.М. Листопадова. Сборник научных статей. Ростов-н/Д., 1997. С. 83.

28. *Заседателева Л.Б.* Терские казаки (сер. XVI – нач. XX вв.). Историко-этнографические очерки. М., 1974. С. 326.

29. *Гребенец Ф.С.* Из быта гребенских казаков // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1909. Вып. 40. С. 17.

30. Полевые материалы Кубанской фольклорно-этнографической экспедиции 1996 г. (ПМ КФЭЭ-96). Тихорецкий район (р-н), станица (ст.) Архангельская. Аудиокассета (АК) № 1062. Информатор (Инф.) Демченко Е.Н. (1920 г.р.), Конюхова В.И. (1921 г.р.).

31. Кубанские станицы. Этнические и культурно-бытовые процессы на Кубани. М., 1967. С. 659.

32. ПМ КФЭЭ-96. Тихорецкий р-н, ст. Новорождественская. АК № 974. Инф. Земкова А.И. (1912 г.р.).

33. ПМ КФЭЭ-96. Тихорецкий р-н, ст. Фастовецкая. АК № 1005. Инф. Бравкова Е.Е.

34. Там же.

35. *Костомаров Н.И.* Указ. соч. С. 159.

36. ПМ КФЭЭ-96. Тихорецкий р-н, ст. Новорождественская. АК № 970. Инф. Куликина А.А. (1913 г.р.).

37. ПМ КФЭЭ-96. Тихорецкий р-н, ст. Новорождественская. АК № 974. Инф. Земкова А.И. (1912 г.р.).

38. ПМ КФЭЭ-96. Тихорецкий р-н, ст. Архангельская. АК № 1062. Инф. Демченко Е.Н. (1920 г.р.), Конюхова В.И. (1921 г.р.).

39. ПМ КФЭЭ-96. Тихорецкий р-н, ст. Фастовецкая. АК № 1005. Инф. Бравкова Е.Е.

П.А. Сергеева

**АКАДЕМИЗМ И СПЕЦИФИКА
ИСПОЛНИТЕЛЬСКОЙ МАНЕРЫ ПЕНИЯ
НАРОДНО-ПЕСЕННОГО ФОЛЬКЛОРА**

Народная музыка, по мнению фольклористов-исследователей (М.И. Соколов, А.И. Соболевский, А.В. Балов и др.), – это продукт безыскусственного творчества, содержащий в себе много своеобразных, интересных черт. Один из главных видов народной музыки – песня, слагаемая инстинктивно в устах народа без осознания взаимных отношений звуковых интервалов. Песня – это неразделимое создание народного творчества, а народное творчество – это фольклор, отображающий поэтические и художественные стороны жизни народа. Русская народная песня сыграла основополагающую роль в создании отечественного профессионального вокального искусства, а само пение является одним из древних и любимых занятий людей.

Просветители (Дж. Вико, И. Гердер, В. Гумбольдт), рассматривая категорию народности, подчеркивали связь профессионального ху-

дожественного творчества с народным мышлением, с фольклором – народной мудростью. Народ создает арсенал образов, а художники, писатели, поэты, композиторы из этого черпают свою образную систему. Великий русский композитор, основатель вокальной школы в России М. Глинка писал, что музыку создает народ, а композиторы ее лишь аранжируют. Или, как говорил В.В. Маяковский, «...народ – язык-творец, а поэт – его подмастерье» [1]. Созданный и хранящийся в человеческой памяти арсенал образов в различных жанрах песенного фольклора формирует новые потребности, новое мышление, включая поющего в новые отношения и новую деятельность.

Из истории вокального искусства известно, как выдающиеся певцы России Ф.И. Шаляпин, И.В. Ершов, А.В. Нежданова, Л.В. Собинов, С.Я. Лемешев, И.С. Козловский, Е.А. Степанова, М.П. Максакова умели сочетать вокально-техническое мастерство с эмоционально-образной отзывчивостью живого слова. Подлинная любовь к народной музыке, способность точно «схватить» и запечатлеть в памяти экспансивность мелодии в соединении с живым и наблюдательным словом перевоплощали их голос в исторически исполнительский шедевр [2].

Опыт, накопленный в вокальном исполнительстве, требует от современного вокалиста соблюдения традиций и преемственности, наличия развитого эстетического вкуса, высокой креативности, и, конечно же, технического совершенства. Однако здесь должна быть соблюдена тонкая дифференциация, так как стандартизация в характере мелодических приемов, применяемых к различным «певческим организмам», не приемлема. Каждый творческий организм – это комплекс психологических свойств (восприятие, память, мышление, воображение, внимание), которые требуют сохранения творческой индивидуальности, стремления проявлять себя в отражении жизненных явлений через художественные образы вокальных произведений. Умение наполнить свой голос разнообразными элементами красочной выразительности и образной правдивостью – вот доминирующее звено исполнительского стиля современного певца.

Современная исполнительская практика предполагает владение певцом (артистом хора и сольным исполнителем) широким диапазоном вокальных навыков. В частности, некоторые партитуры композиторов второй половины XX века (В. Гаврилин, В. Довгань, В. Мартынов, А. Раскатов, Р. Щедрин и др.) содержат дополнительные указания, касающиеся манеры звукоизвлечения. В одних случаях они касаются состава хора («народный хор», «академический» – например, в опере «Мертвые души» Р. Щедрина), в других – конкретной партии («в народной манере»). Следовательно, артист хора должен быть универсалом и владеть в равной степени разными способами звукоизвлечения. Подобные требования могут быть отнесены и к сольным исполнителям. Так, можно назвать имена современных певиц, тонко владеющих уме-

нием подачи звука в различных манерах пения. Например, народная артистка России Л. Рюмина наряду с исполнением народных песен ярко исполняет арии из опер, романсы в академической манере. Народная артистка Адыгеи Т. Нехай, певица и педагог эстрадного пения, высокопрофессионально исполняет в народной манере адыгейские и русские народные песни. В программе НТВ «Ты, супер-стар» эстрадная певица Азиза исполнила арию, которая дала возможность раскрыть широкий диапазон и красочность звука ее голоса в академической манере. Все эти примеры являются подтверждением того, что исполнительские возможности талантливого, грамотного вокалиста безграничны.

Каждый певец должен хорошо знать особенности своего голосового аппарата и уметь заставить работать каждый орган в свойственной ему области, не мешая работе других органов голосового аппарата. Тогда голос соединяет различные детали мелодии в один полноценный ансамбль физиологических функций голосового аппарата. Вокально-образные процедуры приобретают возрастающую легкость, а внутренний образный звук, который рефлекторно воздействует на мозговые центры, а отсюда на голосовые связки, резонаторные полости и артикуляционный аппарат, формирует в сознании исполнителя отношение к тембрально-звуковому качеству своего голоса, основанному главным образом на эмоциональных факторах его психики. В этот период работы над произведением певец приводит в движение внутренние силы своей творческой индивидуальности, одаренности, которая ведет в тайники его творческой природы, где внутренне видимое и слышимое, своеобразно аккумулируясь, «оседает» в ней, запечатлевается, эстетически обогащая и совершенствуя природу певца. Русская вокальная школа богата примерами, когда чутье художника-творца с направленной ориентацией на русскую манеру пения подсказывало интуитивные приемы звукообразования, свойственные только ему. Вспомним великого Ф.И. Шаляпина, который своим внутренним психологическим чутьем придавал народным песням яркий колорит, а своей тембрально-образной звучностью потрясал слушателя до слез [3].

В современном лексиконе вокалистов, руководителей хоровых коллективов бытуют следующие манеры пения: академическая, народная, эстрадная, самодеятельная. С нашей точки зрения, любая манера пения содержит черты общности и индивидуальности с позиции извлечения звука в «акустическом зале» (ротовой полости).

Общее образует в себе (механизм дыхания, звукообразование, резонаторные полости, артикуляционный аппарат, дикция, формирование гласных и согласных и т.д.) по мере целенаправленных повторений и тренировок устойчивую основу мышечно-слуховой памяти, которая становится неотъемлемой частью художественного кредо исполни-

теля. Основой в любой манере пения является вокально-техническая и тембрально-образная память, формирующая творческие искания оттенков интонации, динамики, фразировки, звуков художественного слова. Тембрально-образная память вливает новую струю во внутренний свет озарения технической игры голосом как своеобразным инструментом. Голосовой аппарат по своим физиологическим возможностям *индивидуален* с присущим ему вокальным слухом, голосом, динамической звучностью, шириной диапазона, тембром, художественным вкусом, культурой, темпераментом, исполнительским самообладанием и способностью регулировать исполнительский процесс. Следует отметить, что эти физиологические индивидуальности приемлемы как для академической, так и для народной манеры пения. Вместе с тем, несмотря на общность, у певцов народной манеры пения и академической существуют специфические индивидуальные исполнительские особенности. Так, исполнение народно-песенного фольклора отличается прежде всего тем, что народ – создатель, носитель, хранитель языка, культуры, и в этом – своеобразии художественного мышления поющих, проявляющееся в специфике народных традиций и обрядов, народного этикета и менталитета. Поэтому мы должны говорить не только о специфике народно-песенной манеры и отличии ее от академической, профессионально выработанной, но мы должны различать ее по местным певческим стилям: север, юг, средняя полоса России и т.д.

В рамках одной статьи мы не можем рассмотреть все разновидности исполнительских манер. Этот вопрос требует специального исследования. Целесообразно остановиться на песенном фольклоре Кубани, который в певческой манере имеет «якающий» говор певца. Слияние русского и украинского говора (линейного и черноморского казачества) дало особый естественный способ выражения разговорной и певческой речи, а теплые климатические условия способствовали сочной, открытой, плотной, зычной манере звукообразования. Кубанская манера пения требует хорошего грудного регистра, где с большей полнотой раскрываются народные «альтовые» звуки, незначительная вибрация голоса, дикция, близкая к разговорной речи, естественное головное резонирование без яркого прикрытия голоса. Звук яркий, сосредоточен близко в полости рта, «на губах», но в то же время мягкий и по своему (естественно) округленный. Кубанская манера пения приобретает форму, отвечающую форме активных частей артикуляционного аппарата: язык, губы, зубы, твердое небо, мягкое положение челюсти. Звук направляется и усиливается в области «маски», отсюда появляется своеобразное «овальное» звукообразование [4].

Академическая манера пения имеет ряд отличительных особенностей как в звукообразовании, так и в расположении артикуляционных

форм. Академической манере пения свойственен легкий зевок при звукообразовании, куполообразная форма рта, приподнятое мягкое небо, округленные гласные. Звук усиливается за счет вокально-дыхательного подсвязочного давления в резонансовый пункт с максимальным выявлением акустической возможности голосового аппарата. Максимально приподнятое мягкое небо и маленький язычок дают возможность округлить ротовую полость («акустический зал»), опустить нижнюю челюсть, корень языка, небную завесу растянуть и приподнять. Корень языка должен быть опущен как можно ниже. Положение формы рта и корня языка меняется в зависимости от произносительных норм гласных и согласных.

Технологические формы звукообразования академической манеры пения в отличие от *народной* имеют большие диапазонные возможности в подборе художественно-исполнительского репертуара. Народно-песенный фольклор – это ясность выразительности передачи слова. Дикция должна быть отчетливой, связанной с говором и фонетикой разговорной речи, яркостью, звонкостью «близкого» звука произносительных норм гласных. Звук идет более прямолинейно, нежели в академической манере, «куполообразно». Можно сказать, что основными резонаторами народной манеры пения являются: грудь, полость рта, твердое небо, зубы. В академической манере пения: грудной, головной, микстовый резонаторы. В академической манере пения певцы свободно переходят из одного регистра в другой, не ограничивая диапазон художественных произведений. В народной манере пения между регистрами существует своеобразная изолированность, т. е. нет сглаживаемого перехода. Кроме того, произведения, включающие в себя элементы движения рук, головы, ног, вносят в исполнительскую народную манеру пения черты подлинной народности, жанрового своеобразия [5].

Таким образом, вбирая в себя опыт вокальных школ предыдущих поколений, современный певец-вокалист несет свое видение мелодико-поэтической интерпретации песни, сохраняя традиции и дух народности. А главное, своей исполнительской манерой доносит до слушателя основное содержание произведения в гармоничном сочетании живой образной речи с законами правильного произношения орфоэпии (того или иного региона России), дифференцированно подходит к анатомо-физиологическим и психологическим свойствам произносительных норм академической и народной манеры пения.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Боров Ю.Б. Эстетика. М., 1988. С. 199.
2. Львов М. Из истории вокального искусства. М., 1964.
3. Голубев П.В. Советы молодым педагогам-вокалистам. М., 1963.

4. *Сергеева П.А.* Вокально-хоровая работа в детском фольклорном коллективе. Майкоп, 2000.

5. *Стулова Г.П.* Акустико-физиологические основы вокальной работы с детским хором. М., 2005.

В.Н. Мегвегева

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЙ И ОБРЯДОВ КУБАНСКОГО КАЗАЧЕСТВА В МУЗЫКАЛЬНОМ ВОСПИТАНИИ ШКОЛЬНИКОВ

История казачества всегда привлекала к себе внимание как исследователей, так и читателей. В последнее десятилетие интерес к ней вырос настолько, что она стала одной из наиболее изучаемых тем.

Казачество – это феномен российской истории. Казаки – часть русского народа, а также этносоциальная группа в его составе, развили у себя специфические черты.

В течение нескольких веков казаки играли важнейшую роль в становлении Российского государства. Именно с ними в первую очередь связано то явление, которое называется колонизацией, то есть продвижением на восток и юг и хозяйственным освоением новых территорий. Именно они, рассеявшись по границам России, стойко охраняли ее рубежи. И вместе с тем казаки создали свои особенные традиции культуры и быта.

Казак – это не только форма. Это прежде всего состояние души, образ жизни и образ мыслей. По своему содержанию казачество сильно любовью к Родине, трудолюбием, кроткой христианской верой и добрыми традициями, на этой вере замешенными.

Несмотря на долгие десятилетия гонений и запретов, казачество не утратило своей воли и жизни и теперь возрождается. Для молодых казаков главным источником нравственности и примером для подражания служит старшее поколение, бережно пронесшее неистребимый дух казачества через всю свою жизнь.

*А конь через годы несется
И беды срывает с копыт,
России взошедшее солнце
В полете подковы горит!*

Особым было устройство всех казачьих областей. Военная сторона жизни казаков находила отражение в организации управления Ку-

банской областью, гражданская и военная власти в ней находились в руках одного лица, стоящего во главе управления областью; лицо это – начальник Кубанской области, он же и наказной атаман Кубанского казачьего войска.

Кубанская область обязана была выставить на службу 11 конных полков, 10 пластунских батальонов, 5 батарей и несколько местных команд. В военное время все это количество утраивалось.

На службу казак обязан был явиться со своим конем в полном обмундировании. Обмундирование каждый идущий на службу казак справлял за свой счет. Все это требовало от семьи большого расхода денег, если учесть, что особенно дорогим был конь. На те деньги, что он стоил, семья могла безбедно существовать целый год. В случае потери коня на службе в 1916 г. нижними чинами Кубанского войска выплачивалось 275 р. Казак должен был иметь для службы все до мелочи. В его сумке также должны были быть подковы, гвозди, иголки и нитки. Уже в школе мальчики 2–3 классов получали начальную военную подготовку. Их учили ходить строем, у каждого из них было ружье по типу настоящего, но только деревянное. Подготовка к службе обеспечивалась главным образом воспитанием в семье ребенка, из мальчика – мужчины-казака.

При достижении 21 года, пройдя годичный приговорительный разряд, казак направлялся в части второй очереди, а еще через 4 года – третьей очереди. Потом в течение 5 лет числился в запасе. С 48 лет он переходил в ополчение.

Одежда казаков делилась на обыденную, военную и праздничную. Она отличалась своеобразием, присутствием, наряду с русскими, большого числа кавказских элементов.

Обыденные казачьи рубашки шились из тонкой холстины, которую женщины в каждой семье ткали сами на домашних ткацких станках. Женщины умели делать все, даже верхнюю одежду, причем делали это вручную. Изготовление черкески могли заказать или портнихе-казачке, или чаще иногородней женщине. Таким образом, вся одежда изготавливалась индивидуально, долго сохранялась в семье, переходила по наследству по мужской линии. На рубашку сверху обычно надевался бешмет, приталенный, с застежками на крючках. Своим покроем он должен был подчеркивать фигуру казака; поверх него, как и у других кавказских народов, надевалась черкеска с галзурами. Головным убором казака служила черная шапка-кубанка с высоким верхом, спитым из овчины. Она имела малиновый верх, на котором крест-накрест по швам были нашиты галуны. В холодную погоду казак надевал комплект одежды: теплый бешмет, черкеску, кубанку, башлык и бурку, которые надежно защищали от непогоды. Башлык носился на шнурке вокруг шеи. В зависимости от достатка казак имел сапоги хромовые, дорогие из собачьей кожи. Обязатель-

ным атрибутом казачьей одежды было холодное оружие, как впрочем везде на Кавказе.

Простой и удобной была традиционная одежда казачки. Главными ее составляющими были кофта и юбка. В праздники надевали белую, украшенную строчками и кружевами кофту с кружевными волнами даже на руках. Традиционные фасоны кофты имели длинные рукава, делавшиеся на манжете, но часто вместо манжета вшивались кружева. Или же обязательно украшение и воротничок кофты. Казачки носили юбки с широким поясом. Обычно их шили расклеванными или присборенными и украшали двумя-тремя поперечными складками. Нижнее белье казачек называлось спидницами. Низ обшивался кружевами. Замужние женщины обязательно носили платок. Повседневной обувью казачки являлись башмаки. Ботинки шились кустарным способом. Красота одежды зависела от мастерства ее владелицы.

Кружева применялись как украшение очень широко: не только для одежды, но и на занавесках для икон, на постельном белье, подушках, скатертях, носовых платочках.

Песня есть в жизни каждого народа. Песню поет младенцу мать у колыбели, песня помогает выжить в самые трудные моменты жизни. Песня – это душа народа, в ней отражается его культура, умение видеть, воспринимать и оценивать окружающий мир. Особый мир песни создан казачеством. На какие бы жанры ни делились песни казаков – все их объединяет несколько общих черт, из-за которых их не спутаешь с какими-либо другими: во-первых, это лиричность, во-вторых, содержание, раскрывающее нелегкую казачью долю. Третьим признаком казачьей песни является особая музыкальная тональность. И, наконец, в этих песнях сплав русско-украинских и кавказских музыкальных традиций. Исполняя песню, певец сливался с ней душой. Песня отражает уклад жизни народа. Обычаи, традиции, обряды, созданные народом, сопровождаются песней. «Песня «научает» – учит», – говорили в старину. Необыкновенная музыкальная восприимчивость народа способствует тому, что песни пели даже неграмотные люди, и просто прислушиваясь друг к другу, строили в песне двухголосие.

Культура казачества отличается от украинской и от русской. Это словно смесь двух культур с привлечением в нее основ культур народов Кавказа. Сколько ни опубликовано сборников песен, они не охватывают всего песенного многообразия казаков. Песня сохраняет культурные и нравственные основы народа, какими они были сто и более лет тому назад. Ведь песни и создавались не для чтения, не для слушания, а прежде всего для коллективного исполнения.

В русском народе испокон веков пели. По поводу этой национальной черты великий певец Ф.И. Шаляпин писал: «Ведь вот русские люди поют песни с самого рождения. От колыбели, от пеленок. Поют всегда. По крайней мере, так было в дни моего отрочества. Народ, ко-

торый страдал в темных глубинах жизни, пел страдальческие и до отчаянья веселые песни... А как хорошо пели! Пели в поле, пели на сеновалах, на речках, у ручья, в лесах и за лучиной. Одержим был песней русский народ, и великая бродила в нем песенная хмель».

Много лет я работаю учителем музыки в МОУ СОШ № 4 Майкопского района и все эти годы одержима любовью к музыке и песне, народной песне. Не представляю свою жизнь без музыки, без пения и обучения пению детей.

В 1980 г. я окончила Майкопское музыкальное училище по классу «Хоровое дирижирование». С тех пор я работаю в школе, очень люблю свою профессию, детей. Мне посчастливилось одновременно работать в школе и руководить народным хором. Работая над проблемой по возрождению традиций и обрядов народов Кубани, я поняла, что являюсь неким связующим звеном между людьми разных поколений. Занимаясь с народным казачьим хором «Казачья песня», я много узнала о казачьих обычаях, обрядах, песнях, об уникальности народного песенного искусства Кубани и посчитала нужным донести всю эту народную мудрость до детей.

Пожалуй, ни в каком другом уголке нашей страны, ни в какой другой области и другом крае нет такого песенного своеобразия, такого уникального песенного сплава, как у нас на Кубани. В кубанском народном пении звучат богатейшее русское раздолье, стремительность русской души, задумчивая лиричность и веселая распахнутость – и тут же чистая украинская, располагающая задушевность. Все это очень близко мне и, надо сказать, нравится детям. Музыкальное искусство – яркое и незаменимое средство формирования ценностных ориентаций личности ребенка. Воспитание детей средствами музыки, созданной на народной основе, развивает в них интерес к песням, играм.

Замечаю, что народные песни и музыка воспринимаются детьми легче, они с удовольствием участвуют в народных празднествах, поют, танцуют. Яркие народные костюмы вызывают интерес к творчеству разных народов Кубани. С целью привлечения детей к познанию народных обычаев, обрядов, песен в школе проводится много мероприятий: классные часы, встречи с казаками, праздники песни и другие. В каждом классе, на уроках музыки у меня отведены часы для изучения национально-регионального компонента. К концу третьего класса дети поют с большим удовольствием народные песни.

Региональный компонент на уроках музыки и во внеклассной работе – фактор становления жизненно-музыкального опыта школьников.

Краснодарский край – один из полиэтничных регионов России. В нем проживает более 100 различных этносов. Кубань – «уникальный заповедник» народно-песенного творчества и богатейших традиций

хорового пения. Из песен школьники узнают о своем богатом традициями крае. Параллельно с работой над выразительностью исполнения ведется работа по формированию навыков народного пения. Выделяются следующие признаки народного пения:

- естественное пение в опоре на разговорное начало;
- особая манера проговаривания текста – «скороговорчивость»;
- естественное дыхание, владение цепным дыханием;
- использование головных и грудных резонаторов;
- творческий подход к созданию художественного образа с помощью движений, мимики, танца.

Фольклор станет ближе и доступнее детям, если их ввести в атмосферу «бытования песни».

Работа над песней ведется в несколько этапов.

I этап. Предварительная подготовка учителя:

- выяснить, с какой целью будет разучиваться песня;
- выяснить жанр песни, что послужило поводом для ее создания;
- определить состав исполнителей;
- подобрать движения, костюмы и т.д.

II этап. Распевание:

- использование интонаций и попевок;
- освоение интонационно-попевочного словаря;
- распевание на мотивы различных простейших детских потешек, прибауток, пение в речитативной манере и т.д.

III этап. Предварительная беседа перед прослушиванием песни:

- настроить детей на восприятие вокального произведения;
- при знакомстве с песней надо использовать исторические и этнографические материалы об особенностях песни.

IV этап. Эмоционально-яркий, убедительный, «заразительный» показ песни педагогом:

- исполнить песню артистично, с любовью, используя выразительную мимику и движения;
- вызвать интерес, создать настроение, активизировать внимание.

Слушание народной песни – это своего рода восприятие-соучастие, где зрители должны подпевать, прихлопывать, заражаясь той энергией, которая заключена в песне.

V этап. Беседа после прослушивания:

- с учащимися ведется беседа о характере песни, о ее смысле, об образах;
- выясняется, каков музыкальный язык, манера пения, движение.

VI этап. Разучивание песни:

- начать с проговаривания поэтического текста;
- если пение исполняется с движениями, то необходимо работать над соединением слова и движения;

– выучивание напева подражательным способом.

При разучивании используются следующие приемы:

- прием «эхо»;
- подпевание учителю в процессе пения;
- пение с запевалой.

При разучивании песни некоторые дети не всегда точно запоминают ее напев, поэтому педагог иногда соглашается с существованием «незапланированных» подголосков.

Дети быстрее воспринимают пение ансамбля, чем одного, даже хорошо поющего человека. В процессе разучивания важно поддержать интерес к песне. Дети должны «сдружиться» с песней, принять сердцем и душой.

Для чистоты интонирования перед каждым повторением песни необходима настройка на главный тон:

- пение на удобной для детей высоте;
- пение в динамических нюансах «mf» «mp»;
- более замедленное, тщательное разучивание распевов в словах.

В ходе разучивания надо постоянно обращать внимание на раскрепощенность детей, свободу их действий, естественность мимики, жестов, позы, передвижений.

VII этап. Работа по закреплению разучиваемой песни:

- чередовать пение группами и индивидуально;
- чередовать пение со словами и с «закрытым ртом»;
- чередовать пение с сопровождением и без музыкальных инструментов;
- петь «цепочкой».

Таким образом, разучивание народной песни является сложнейшим процессом «проживание – переживание» сгустка энергии, смыслов постижения народного мировоззрения.

Г.Б. Луганская

СОХРАНЕНИЕ ПЕСЕННЫХ ТРАДИЦИЙ КАЗАЧЕСТВА В АНСАМБЛЕ «КУБАНОЧКА»

Современное самостоятельное музыкальное творчество – это возможность песней соединить прошлое и настоящее, сохранить душу казачества. Многовековая казачья песенная культура по-прежнему волнует и привлекает к себе новые поколения людей.

Поселок Тимирязево Майкопского района известен в Республике Адыгея благодаря нескольким аспектам. Поселок был основан рус-

ским ученым Н. Вавиловым. В Тимирязево живет И.Н. Туз – единственная в Адыгее женщина – доктор сельскохозяйственных наук. Несколько лет назад к жителям поселка приехали гости из Японии, чтобы поклониться единственному на земле дереву – прародительнице всех яблонь. Известно, что растет в поселке диковинное пробковое дерево из субтропиков и пирамидальный дуб, завезенный из США [1]. Но, пожалуй, не менее известен и знаменит в поселке и далеко за его пределами ансамбль «Кубаночка» и руководители коллектива – Л.И. Мокрова и П. Алексанян, чья жизнь и творческая деятельность посвящены сохранению народной песни и души казачьей.

Любовь Ильинична Мокрова родилась в поющей семье, петь стала чуть ли не с пеленок, потому что ее родители (мама – уроженка Украины, отец – кубанский казак из Отрадного) очень любили народные песни и пели их в доме постоянно. Еще в раннем детстве запали в душу мамы слова: «Чтобы дом был светлый и пригожий, песня нужна. Тогда в руках любая работа спорится».

Любовь к казачьей песне пришла к девочке одновременно с поступлением в музыкальную школу и обучением в классе баяна. Восемилетняя Люба установила в поселке традицию ежевечерних музыкальных посиделок на завалинке родительского дома. Она часами играла на баяне, а старики и молодежь пели многоголосные казачьи песни, разносившиеся по всей округе. Вместе со взрослыми пела и девочка, в полной мере проявляя свои яркие музыкальные способности. Еще будучи ученицей начальной школы, Люба проводила все вечера в сельском доме культуры. А когда она стала учащейся шестого класса, ее пригласили работать музыкальным работником в детский сад. Девочка получала зарплату в размере 25 рублей, что в то время являлось для семьи хорошим подспорьем. После окончания общеобразовательной и музыкальной школ Л.И. Мокрова обучалась в Адыгейском музыкальном училище на отделении народных инструментов, высшее образование получила на музыкально-педагогическом факультете АГПИ. В течение ряда лет Л.И. Мокрова успешно работала преподавателем по классу баяна в детской музыкальной школе № 2 г. Майкопа. Но любовь к казачьей песне, родному поселку оказалась сильнее, и она вернулась в Тимирязево. Любовь Ильинична стала работать художественным руководителем сельского дома культуры, одновременно являясь и организатором, и педагогом, и музыкантом.

В 1989 г. она создала детский фольклорный ансамбль «Кубаночка», который стал исполнять казачьи песни. С первого дня основания коллектив поддерживала и верила в его успех директор Шунтукской СШ № 8 В.С. Раскопова [2].

Вместе с руководителем ребята ездили по Майкопскому району, станциям Краснодарского края, собирая казачий фольклор, словно жемчужное ожерелье. Много волнений и радостных минут было пе-

режито участниками ансамбля перед своим первым концертным выступлением. Первая песня, исполненная «Кубаночкой» – «Ой, на горе жнецы жнут» – навсегда связала ребят с народной музыкой и казачьими традициями, а песня «Ой, то не вечер» стала визитной карточкой коллектива [3].

Дочь Л.И. Мокровой Полина с семи лет поет в ансамбле. После выпуска из «Кубаночки» она поступила в Кубанскую медицинскую академию на факультет клинической психологии и получила специальность врача. Но любовь к казачьей песне «взяла верх» над медициной и Полина Алексанян вместе с мамой уже много лет поет дуэтом, учит детей любить и исполнять народную песню, ведь казачья песня – это часть их жизни, наполненная творческим поиском. Заметим, что в младшем составе «Кубаночки» – коллективе-спутнике «Забавушка» – с 2007 г. поет внук Л.И. Мокровой Тёма, который любит казачью песню так же, как его мама.

Вот уже более двадцати лет ансамбль «Кубаночка» живет и творит по законам казачьей культуры, сохраняя песенные традиции не только в своем родном поселке, но и в Майкопском районе, Республике Адыгея.

В 1994 г. на одном из первых фестивалей детской казачьей песни, проводившемся в поселке Тульском, ансамбль «Кубаночка» стал лауреатом, но «по-настоящему раскрылась душа и артистов, и зрителей, когда под баян Л. Мокровой из Шунтука весь зал запел гимн Кубанского казачьего войска» [4].

«Звонкоголосые тимирязевцы» [5] ежегодно участвуют в праздниках казачьей песни – региональном фестивале казачьей культуры, который в текущем году проводился в Адыгее уже в восемнадцатый раз. Начиная с VII-го фестиваля, ансамбль «Кубаночка» – его лауреат и дипломант. Коллектив отмечен жюри фестиваля «за сохранение народных традиций» (с VII-го 1998 г. по XII-й 2003 г.), «за профессионализм и сохранение народных песенных традиций» (XIV-й 2005 г., XVII-й 2008 г.), «за сохранение и пропаганду казачьих традиций и лучшее исполнение песен народного артиста РФ, композитора В. Захарченко» (XVII-й 2008 г.), «за высокое исполнительское мастерство, сохранение и пропаганду казачьих традиций» (XVI-й 2007 г.).

Известно, что одним из основных требований регионального фестиваля является обязательное исполнение казачьей песни. Ансамбль «Кубаночка» так умело составляет свою программу, что слушая ее, ясно понимаешь, как «песенная мудрость впитала и казачью грусть, и казачью радость – все, что дорого и свято для вольнолюбивого народа» [6]. После проведения X-го фестиваля казачьей песни местная газета писала: «Настоящей сенсацией на гала-концерте стало выступление Наташи Бражниковой из поселка Тимирязево Майкопского района (солистка ансамбля «Кубаночка»). Песня «Лад-

ная» в ее исполнении прозвучала так же великолепно, как некогда «Валенки» в исполнении Лидии Руслановой» [7]. Заметим, что это высокое признание!

Многие любители и знатоки казачьих песенных традиций неоднократно подчеркивали, что главный секрет творческого успеха и долголетия «Кубаночки» состоит в преемственности поколений [8]. В ансамбле поют много и охотно дети старшего, среднего, младшего и дошкольного возрастов. А любовь к песне и умение ее исполнять передаются из поколения в поколение. Так, в поселке Тимирязево живет семья Бражниковых. Поет Валентина Николаевна Бражникова, поет дочь Светлана. А дочь Светланы Наташа Бражникова – солистка фольклорного ансамбля, лауреат многих песенных фестивалей и конкурсов. Следует отметить, что «семейственность» в «Кубаночке» – дело обычное. Поют Аня и Алеша Кречетовы, Таня и Люба Верецагины, Алеша и Юлия Колесниковы [9]. Л.И. Мокрова вспоминает: «Как-то приехали в гости к большой семье Головки, а там народ поющий. Так записывать за ними не успевали! У них бабушкам под девяносто, а как поют многоголосие! И все певцы-певицы, вне зависимости от возраста, свою партию наизусть знают. Семейные традиции продолжает Алеша Головки – лучший солист «Кубаночки».

В песенном коллективе бережно хранят песни, собранные и записанные в родном поселке, в хуторах и станицах Майкопского района, Адыгеи, Краснодарского края. Все денежные средства, полученные в качестве наград и поощрений на фестивалях и конкурсах, ансамбль направляет на организацию музыкально-этнографических экспедиций по сбору казачьих песен, предметов быта, одежды казаков.

Но более всего руководители фольклорного коллектива стремятся сохранить подлинное, исходящее из первоисточника, от народных исполнителей так называемое аутентичное пение. Большая часть занятий с ребятами посвящена именно этому. Процесс освоения такой манеры пения очень сложен, но есть в ансамбле определенные достижения. Следует назвать солистку ансамбля Н. Бражникову. Выступая на XI Международном фестивале-конкурсе «Синяя птица» (2007 г.), она стала обладателем Гран-при и кубка победителя. В номинации «Народное пение» Наташа была лучшей среди участников. Исполненная ею песня «Калина» была признана жюри лучшим номером конкурсной программы. В песне органично сочетаются суперсовременная аранжировка и уникальное аутентичное пение Н. Бражниковой [10]. Л.И. Мокрова, знакомясь с различными манерами народного пения, обучая пению детей, отмечает, что народное творчество сегодня претерпевает большие изменения. Так, если в России народная песня немыслима без подголосков (причем в каждой деревне они свои), то на песни кубанских казаков огромное влияние оказала культура народов Северного Кавказа. Это – жгучий

темперамент, яркая эмоциональность и определенная мелодика и ритмика. При этом взаимосвязь вариативности и современных композиционных приемов, воплощенная в народной песне талантливо, будет ей только на пользу [11].

На XVII региональном фестивале казачьей песни любители и знатоки старинного фольклора были заворожены старинными песнопениями ансамбля «Казачья вольница» из г. Пролетарска Ростовской области. Этот коллектив исполнял песни донских казаков, дошедшие до нас из глубины веков, используя аутентичную манеру пения с характерными проговорами и распевами гласных звуков. Хорошую школу прошли участники ансамбля «Кубаночка» у руководителя ансамбля донских казаков, учителя музыки Николая Лукьяненко, который многих обучает фольклорно-этнографическому старинному пению. «Кубаночка» же, исполнив на XVII фестивале песню донских казаков «Курочки пропели» и песню «По вечерам» (a cappella – о святой Руси соборной), стала обладателем бронзовой награды [12].

Фольклорный ансамбль из Тимирязево – постоянный участник регионального фестиваля-конкурса детского и юношеского художественного творчества «Звездочки Адыгеи». На XII фестивале (2009 г.) Гран-при был присужден детскому образцовому ансамблю «Кубаночка», вокальному дуэту Наталья Бражникова и Алексей Головки, исполнившим песню донских казаков «Гуляй, Настя, по саду» [13].

В 2008 г. вышеназванный дуэт стал победителем X Всероссийского фестиваля детских фольклорных коллективов «Кубанский казачок». Этот региональный фестиваль на Юге России проводится по традиции в г. Анапе. Юбилейный (X-й) фестиваль был посвящен 70-летию со дня рождения народного артиста России, Украины, Республики Адыгея, профессора, композитора В.Г. Захарченко. Наш вокальный дуэт был удостоен чести выступить как на открытии фестиваля, так и на гала-концерте. В конкурсной программе в номинации «сольное пение» Н. Бражникову и А. Головки наградили дипломами лауреатов I степени и «золотыми» микрофонами. Но самую дорогую и приятную награду голосистые «звездочки» из Адыгеи получили от В.Г. Захарченко, который пригласил ребят петь в Кубанский казачий хор [14].

Продолжением российского детского фольклорного фестиваля для ансамбля «Кубаночка» стала рождественская елка в Москве и участие в XV Рождественском фестивале «Казачий круг» (2009 г.). Коллективу присвоено звание лауреата фестиваля, а солисты Н. Бражникова и А. Головки получили дипломы I степени [15].

Памятным для артистов из Тимирязево стало и участие в III Воронежском областном открытом фестивале казачьих ансамблей «Казачье братство» (август 2007 г.). Благодарственная грамота Северо-Донского казачьего округа за подписью атамана В.В. Галушкина гласит:

«Ансамблю «Кубаночка» за активное участие в возрождении казачества, сохранение казачьего песенного творчества и высокое исполнительское мастерство».

Участники ансамбля «Кубаночка» с любовью и огромной ответственностью показывают свое искусство не только на московской, воронежской сцене, но и у себя дома. Центр детского и юношеского творчества Майкопского района ежегодно проводит фольклорный праздник «Истоки». Коллектив «Кубаночки» активно участвует в возрождении национальных традиций, и всегда исполнение казачьих песен в концерте – «гвоздь» программы [16].

Большой праздничный концерт был дан ансамблем для учащихся, педагогов и гостей СШ № 3 станицы Абадзехской. Он был посвящен значительному событию в жизни школы. Ребята собрали богатейший материал по казачьей культуре, что послужило основанием к открытию в школе историко-краеведческого музея «Память» [17].

В 2008 г. «Кубаночка» участвовала в популярной телепередаче Центрального телевидения «Играй, гармонь!» вместе с такими известными коллективами, как Кубанский казачий хор, ансамбль «Православный Дон», оркестр русских народных инструментов РА «Русская удаль». А ведущими программы были продолжатели семейных традиций, хранители народной инструментальной культуры и пропагандисты народной музыки Анастасия и Захар Заволокины [18].

И где бы ни выступали юные артисты – детский фольклорный ансамбль «Кубаночка» – они сумели за годы своего существования десятки раз подтвердить звание образцового, завоевывая звания лауреатов и дипломантов фестивалей и конкурсов различного уровня. Эти награды ансамбля стали возможными благодаря той особой атмосфере, той энергии творчества и огромной любви к казачьей, а в целом, к народной песне, которыми всегда наполнена жизнь ребят. Слово драгоценный сосуд передают выпускники ансамбля детям младшего возраста березовый туесок – памятный сувенир, который когда-то самый первый состав «Кубаночки» завоевал в качестве приза на Международном фольклорном фестивале в г. Вологде [19].

Своеобразной путевкой в будущее является для современного состава ансамбля и его солистов включение статей о них в третий выпуск Энциклопедии «Одаренные дети – будущее России» – приложение к Энциклопедии «Лучшие люди России» [20].

Участники ансамбля «Кубаночка» – школьники, постигающие основы казачьей культуры, но как отточено их мастерство, как филигранно отработаны их движения, как профессионально поставлены их голоса! И неиссякаема любовь к казачьим песням, а значит, песенные традиции казаков будут сохранены для новых поколений и будет жива казачья душа!

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. *Крылов Д.* «Кубаночка» из Тимирязево // Советская Адыгея. 2007. 2 июня. С. 4–5.
2. *Студеникина И.* «Кубаночка» собрала в круг друзей // Маяк. 2005. 2 марта. С. 3.
3. *Орешникова Т.* Праздник с грустинкой в глазах // Маяк. 2000. 10 июня. С. 3.
4. *Горайнова К.* «Казачок-94» // Советская Адыгея. 1994. 18 мая. С. 1.
5. *Крылов Д.* Славься, дружба, песней казачьей! // Советская Адыгея. 2002. 15 июня. С. 4–5.
6. *Горайнова К.* На сцене – юные соловушки и жаворонушки // Маяк. 2001. 9 июня. С. 1.
7. *Горайнова В.* Людям на радость, песней прославляя свой край // Маяк. 2001. 16 июня. С. 3.
8. *Студеникина И.* «Кубаночка» собрала в круг друзей // Маяк. 2005. 2 марта. С. 3.
9. *Крылов Д.* Славься, дружба, песней казачьей! // Советская Адыгея. 2002. 15 июня. С. 5.
10. *Студеникина И.* Гран-при у Натальи Бражниковой // Маяк. 2007. 16 мая. С. 1.
11. *Кадиева К.* «Звездочки Адыгеи»: растим таланты или копируем? // Советская Адыгея. 2007. 27 апреля. С. 4.
12. *Студеникина И.* От Кубани и до Дона братство наше берегите, казаки! // Маяк. 2008. 4 июня. С. 11.
13. *Ефремова А.* Мелодия весны в тональности апрельской капели // Маяк. 2009. 18 марта. С. 3.
14. *Студеникина И.* «Золотые» микрофоны – у солистов «Кубаночки» // Маяк. 2008. 16 июля. С. 4.
15. *Студеникина И.* Ансамблю «Кубаночка» покорила столицная сцена // Маяк. 2009. 28 января. С. 1.
16. *Маханько Т.* Крещенские посиделки // Маяк. 2005. 24 февраля. С. 3.
17. *Студеникина И.* Музей как память о минувших днях // Маяк. 2005. 2 марта. С. 3.
18. *Морозова И.* Один день на съемочной площадке // Маяк. 2008. 9 октября. С. 4.
19. *Слюсарева О.* Среди одаренных детей России – наши земляки // Маяк. 4 февраля. С. 3.
20. Там же.

Сведения об авторах

- Баранкевич И.А.**, старший преподаватель Краснодарского государственного университета культуры и искусства
- Бурькина Л.В.**, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Адыгейского государственного университета, старший научный сотрудник Адыгейского республиканского ордена «Знак Почета» института гуманитарных исследований им. Т. Керашева
- Васильев И.Ю.**, кандидат исторических наук, научный сотрудник Научно-исследовательского центра традиционной культуры ГНТУ «Кубанский казачий хор»
- Великая Н.Н.**, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Армавирского государственного педагогического университета
- Галецкий М.Е.**, кандидат социологических наук, председатель Кубанской ассоциации «Региональный фестиваль казачьей культуры», заслуженный работник культуры Кубани
- Гобечия З.А.**, учитель истории и обществознания МОУ СОШ № 3 ст. Абадзехской Майкопского района Республики Адыгея
- Голованова С.А.**, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Армавирского государственного педагогического университета
- Зудин А.И.**, аспирант кафедры дореволюционной отечественной истории Кубанского государственного университета, старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра традиционной культуры ГНТУ «Кубанский казачий хор»
- Иеродиакон Иаков**, благочинный Свято-Михайло-Афонской Закубанской пустыни
- Куква Е.С.**, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник лаборатории этнокультурных проблем Адыгейского государственного университета
- Луганская Г.Б.**, кандидат педагогических наук, доцент кафедры музыкальных инструментов Института искусств Адыгейского государственного университета, старший научный сотрудник Адыгейского

- республиканского ордена «Знак Почета» института гуманитарных исследований им. Т. Керашева
- Мальцев В.Н.,** кандидат исторических наук, доцент кафедры Отечественной истории Адыгейского государственного университета
- Матвеев О.В.,** кандидат исторических наук, доцент кафедры дореволюционной истории Кубанского государственного университета
- Медведева В.Н.,** учитель МОУ СОШ № 4 Майкопского района
- Салов Е.И.,** кандидат философских наук, председатель комитета по культуре, СМИ, спорту и взаимодействию с общественными организациями Государственного Совета – Хасэ Республики Адыгея
- Сергеева П.А.,** кандидат педагогических наук, доцент кафедры хорового дирижирования Института искусств Адыгейского государственного университета
- Скворцова О.Ю.,** преподаватель МОУ ДОД Детской школы искусств традиционных народных ремесел Кубани пос. Мезмай Апшеронского района Краснодарского края, научный сотрудник научно-исследовательского центра традиционной культуры Кубани ГНТУ «Кубанский казачий хор»
- Сопов А.В.,** кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и права Майкопского государственного технологического университета
- Тхамокова И.Х.,** кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Института гуманитарных исследований Правительства КБР и Кабардино-Балкарского научного центра РАН

Вопросы казачьей истории и культуры

Выпуск 5

Технический редактор: Т.В. Кондрашова

Корректор: Л.И. Калугина

Подписано в печать 21.05.2010 г. Формат бумаги 60x84/16.
Бумага офсетная. Гарнитура шрифта BookmanSTT. Печать офсетная.
Усл. п. л. 7,21. Тираж 200 экз. Заказ № 134.
Тип. ООО «Качество». 385000, г. Майкоп, ул. Крестьянская, 221/2.
Тел: (8772) 57-09-92, 52-36-87.